

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 9

Ա Ր Ի Ն - Բ Ե Ր Դ

I

Կ. Լ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

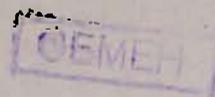
ԵՐԵՎՈՒՆՈՒ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

1950—1959 թթ. ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԻ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ՀԱՄԱԶԱՅՆ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 9

АРИН-БЕРД

I

К. Л. ОГАНЕСЯН

АРХИТЕКТУРА ЭРЕБУНИ

ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1950—1959 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1961

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

В книге описана архитектура урартской крепости города Эребунн, выявленная на основе раскопок холма Арни-берд, возвышающегося на юго-восточной окраине Еревана. Систематические раскопки здесь производятся с 1950 г. Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР, Государственным музеем изобразительных искусств им. Пушкина (Москва) и отделом охраны памятников Госстроя Армянской ССР.

Ответственный редактор Б. Б. Пиотровский

ВВЕДЕНИЕ

В число стран древнего Востока входило также и Урарту, в свое время довольно могущественное и в культурном отношении развитое государство. В настоящее время, наряду с ранее известными материалами, новые сведения об этом государстве дают проводимые на территории Армянской ССР археологические раскопки, которые восполняют многие пробелы в истории культуры Урарту. Ценность этих сведений определяется прежде всего тем, что восстанавливается картина историко-культурной жизни отдаленного прошлого нашей Родины, на территории которой Урарту являлось первым государственным образованием.

Начиная с середины IX в. до н. э., в период своего все возрастающего могущества, Урарту прочно преграждает путь ассирийскому продвижению на север и само начинает расширять свои границы за счет территории южного Закавказья. Осваивая эти новые территории, урарты основывают здесь свои сильно укрепленные опорные пункты, города-крепости, являвшиеся одновременно административными центрами покоренных областей.

В первой половине VIII в. до н. э. завоевательная политика урартского государства принимает еще более широкие размеры. Урарты продвигаются на север—за реку Аракс—и далее в глубь новых территорий в сторону озера Севан и горы Арагац. Освоение этих районов шло настолько интенсивно, что уже при Аргишти, сыне Менуа, здесь, на Араратской равнине, помимо известных нам урартских населенных пунктов, были построены такие крупные города, как Эрсбуни (Арин-берд) и Аргиштихинили (Армавирский холм).

Завоевание новых территорий после Аргишти продолжил его сын Сардури II (750—730 гг. до н. э.) и внук Руса I (735—714 гг. до н. э.). При них урарты прочно овладели некоторыми районами севернее реки Аракс, где и было развернуто интенсивное строительство новых и больших крепостей. Так, на западном и южном берегах озера Севан, на окраине завоеванной урартами территории, Руса I основал «Крепость бога Халди» (у нынешнего города Камо) и «Город бога Тейшебы» (у селения Цовинар). Судя по историческим материалам, это были довольно крупные города. И все же из всех древних областей, находившихся на территории современной Армянской ССР, крайне важной для урартского государства как в политическом, так и, особенно, в экономическом отношении, была плодородная Араратская равнина, где урарты строили свои наиболее крупные города. Этим именно и следует объяснить большое

количество урартских крепостей, возводившихся здесь на сравнительно небольшой территории (Армавир, Кармир-блур, Арин-берд, Аревшат, Арагац).

Наряду с постройкой крепостей и городов, в Араратской равнине строились также мощные ирригационные каналы, среди которых наиболее известным является канал Аргишти I, проведенный в районе города Аргиштихинили. Не менее известны и функционирующие до настоящего времени канал Русы II, пробитый в скале напротив города Тейшебаини и орошавший водами реки Илдаруниа (Раздан) земли Куарлинской равнины, а также канал с тоннелем под городом Ереваном, орошающий далминские сады.

Эти важные объекты строительной деятельности урартов обуславливали развитие сельского хозяйства на данных территориях страны.

По свидетельству древних письменных источников, урартские ирригационные каналы в центральных областях страны имели более развитую сеть с комплексом различных искусственных сооружений. Действие этих каналов было настолько эффективным, что один из них — канал города Улху — удостоился подробного описания в летописях ассирийского царя Саргона¹.

Возникновение крупных городов на Араратской равнине, являющейся, как было сказано, одним из наиболее плодородных районов южного Закавказья, и развитие там ирригационной сети становится особенно понятным в свете указаний К. Маркса о том, что «история классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»². Это становится особенно наглядным в результате раскопок Кармир-блур, где обильно выявленный археологический материал раскрывает хозяйственную жизнь Тейшебаини и дает картину древнего земледелия, садоводства и животноводства, иногда в самых мельчайших подробностях³.

Теперь, после систематических раскопок последних лет, стало ясно, что в ряду крупных городов, основанных урартами в южном Закавказье, одним из наиболее значительных был город Эребуни, основанный не только задолго до Тейшебаини, но и на несколько лет раньше другого крупного урартского центра на территории Араратской равнины — Аргиштихинили.

Развалины Эребуни находятся на юго-восточной окраине Еревана, на территории между районами Нор Ареш и Вардашен. Здесь, на холме Арин-берд, систематическими раскопками, начатыми еще в 1950 г., раскрывается цитадель древнего города.

На этот холм, как памятник урартской эпохи, впервые обратил вни

¹ Гр. Капанцян. История Урарту. «Научные труды Ереванского государственного университета». 1910 XIV, стр. II (на арм. яз.).

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 5.

³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. II. III. Академия наук Армянской ССР. «Археологические раскопки в Армении», № 1, 2, 4.

манисе археолог А. А. Ивановский, сопровождавший М. В. Никольского, изучавшего клинописи Закавказья. А. А. Ивановский приобрел у жителя села Чолмакчи (ныне Норк) Папака Тер-Аветисова базальтовый камень с клинообразной надписью, найденный Тер-Аветисовым в 1879 г. у подножия Арин-берда. Надпись, вскоре после того опубликованная М. В. Никольским⁴, рассказывает о возведении на холме урартским царем Аргишти I постройки, обозначенной в тексте клинописным термином «аги», переводимым как «зернохранилище» емкостью 10 100 капи⁵.

Таким образом, упоминание в надписи имени Аргишти I дало возможность установить дату памятника, назначение же сооружения, обозначенного термином «аги», выяснилось позднее.

Можно предположить, что в 1894 г., когда в связи с приобретением клинообразной надписи А. А. Ивановский производил обследование крепости, древние ее стены были уже неразличимы и на поверхности холма находились постройки более позднего времени. Это предположение основывается на том, что на составленном А. А. Ивановским схематическом плане крепости отмечены такие стены, которые совершенно не совпадают с выявленным теперь древним планом⁶. Разведывательные раскопки А. А. Ивановского не дали определенного археологического материала, поскольку, как это выяснилось впоследствии, грандиозный комплекс Эребуни требует не кратковременных разведывательных, а больших и систематических раскопок.

Со времени разведок А. А. Ивановского холм Арин-берд длительное время не подвергался исследованиям. Положение изменилось лишь спустя 50 лет, когда проблемы, связанные с Тейшебаини, потребовали исследования некоторых урартских крепостей, в том числе и крепости Арин-берд. Кроме того, охрана древних памятников требовала также проведения и укрепительных мероприятий на этом холме. Только с 1950 г. Арин-берд стал объектом сначала разведывательных, а затем систематических археологических раскопок⁷.

Раскопками установлено, что урартская крепость Эребуни не подверглась разрушению при штурме как Тейшебаини (Кармир-блур), а была в свое время покинута. Б. Б. Пиотровский полагает, что Эребуни, как и другие урартские центры VIII в. до н. э., потерял свое прежнее значение в силу реформы административного управления. Подобно тому, как жизнь в Тушпе с Ванской скалы переместилась в город Русы (Топрах-кале), так и Тейшебаини заменил Эребуни. В Тейшебаини были перевезены и сокровища из дворцовых кладовых Эребуни. Во всяком случае на четырех щитах, найденных на Кармир-блуре, в надписях Аргишти, сына Менуа, упоминается, что эти щиты были изготовлены для Эре-

⁴ М. В. Никольский. «Материалы по археологии Кавказа». Вып. V. Москва, стр. 51.

⁵ Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Нанри-Урарту. Изд. Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси. 1954, стр. 260.

⁶ А. А. Ивановский. «Материалы по археологии Кавказа». Вып. VI. М. 1911, стр. 55.

⁷ К. Оганесян. Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпунни. «Известия АН Армянской ССР», 1951, № 8.

буни⁸. Вероятно, и другие бронзовые художественные предметы (шлемы, колчаны, чаши с именами урартских царей VIII в. до н. э., части конского убора и др.) также хранились раньше в Эребуни.

Раскопки на Арин-берде дали незначительное количество археологического материала; в крепости не прослеживается даже культурный слой урартского времени. Большинство древних предметов обнаруживается случайно при расчистке архитектурных сооружений. Наиболее многочисленными находками являются обломки глиняных сосудов, причем целых сосудов обнаружено не было. Найдены образцы характерной простой лощеной урартской керамики (чаши, кувшины с одной ручкой). В кладовых для вина находились крупные карасы. Многие обломки урартской керамики (особенно в колонном зале) извлекались из земляной насыпи крыши, так как разрозненные обломки сосудов лежали вместе с перегоревшей циновкой и тростником, т. е. остатками перекрытия. В разных местах были найдены три урартские печати: одна цилиндрическая со сценой охоты, вторая гиревидная с изображением льва и третья костяная, плоская, квадратная с двухсторонним изображением лежащего грифона (материал публикует М. А. Израелян). Из бронзовых предметов наиболее характерными являются фибулы с утолщенной дужкой, крупные бляшки с полусферическим выступом посередине и браслеты, один из которых с головами змей на концах. Среди бус имеются крупные бочкообразные агатовые и шаровидные сердоликовые, часто встречающиеся при раскопках урартских памятников. Мелкие стеклянные бусы с украшениями в виде глазков также относятся к урартскому времени.

При раскопках Арин-берда в большом количестве (свыше 100 штук) были найдены бронзовые наконечники стрел скифского типа, большинство которых представлено трехгранными наконечниками ромбической формы без втулки. Имеются одиночные экземпляры двугранных наконечников и трехгранных со втулками и срезанными перьями.

Наряду с бронзовыми наконечниками скифского типа обнаружены также черенковые железные как листовидные, так и трехгранные. Сравнение арин-бердских наконечников с найденными на Кармир-блуре выявляет некоторое их отличие. На Кармир-блуре преобладают наконечники со втулкой, имеющей изогнутый шип. Наконечники стрел ромбической формы без втулки найдены на широкой территории Передней Азии (Топрах-кале, Вавилон, Джерар, Сузы), но в своей основной массе они позднее втульчатых и особенно наконечников с загнутым шипом.

Обстоятельства, при которых были найдены бронзовые наконечники стрел, позволяют предположить, что они первоначально находились в сырцовых кирпичах кладки стен и попали внутрь помещений после обрушения стен. Вероятно, они принадлежали врагам, обстреливавшим крепость. Отличие арин-бердских наконечников от кармир-блурских допускает предположение, что нападение врагов на Эребуни не совпадало

⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III, стр. 27.

по времени с гибелью Тейшебаини. Урартские строительные остатки на Арин-берде не носят следов разрушения и пожара. Скорее всего здания всего комплекса были заброшены.

Археологические исследования Арин-берда отчетливо показали, что жизнь в Эребуни продолжалась в V—IV вв. до н. э.

Некоторые из найденных предметов несомненно относятся к ахеменидскому времени (железные удила с навесными кольцами, напоминающие удила Ахалгорийского клада, часть чаши с ручкой в виде головы утки, чашечки с горизонтальной полукруглой ручкой у края и др.). В 1956 г. около храма «Susi» были найдены две серебряные монетки милетской чеканки IV в. до н. э. Подобные монетки были найдены в Персеполсе, и их находка представляется чрезвычайно важной для датировки второго периода жизни Эребуни. Нет сомнения, что в ахеменидское время урартские постройки еще стояли, хотя некоторые обрушения уже произошли. Урартские здания подверглись перестройке, перепланировке, многие дверные проемы были заложены, дворы застроены, карасы в кладовой для вина, при перестройке ее в комнату, были сравнены с землей и поверх них был насыпан поздний пол. Росписи на стенах покрывали слоем штукатурки. Урартский храм был перестроен в иранскую апсиду. Нет сомнения в том, что и в V—IV вв. до н. э. крепость Эребуни сохранила свое могущество и изучение культуры ахеменидского времени представит не меньший интерес, чем урартский период, когда крепость представляла собою более административный, чем хозяйственный центр.

Эти работы показали, что для исследования Эребуни важными представляются результаты аналогичных работ, произведенных на Кармир-блуре, древнем Тейшебаини. Совместное изучение обоих этих памятников, различных по своему характеру, значительно способствует изучению урартской архитектуры и строительной техники в целом.

Первый же год работ на холме Арин-берд дал интересные результаты, выразившиеся прежде всего в находке двух клинообразных надписей, одна из которых принадлежала Аргишти, сыну Менуа, а другая — Сардури, сыну Аргишти.

Первая надпись прекрасно сохранившейся клинописи (рис. 1), состоящая из 13 строк, содержит следующий текст:

«Бога Халда величием Аргишти, сын Менуа, эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни, для могущества страны Биайны и для устрашения вражеских стран. Аргишти говорит: ...земля была пустынной, (?) могучие дела я там совершил. Бога Халди величаем, Аргишти сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайна, правитель города Тушпы».

Во второй надписи, у которой сбит верх и сохранилась лишь правая половина с девятью строками текста, говорится:

(Сардури сын Аргишти это) «аги» построил. 5100 капи там (в нем).

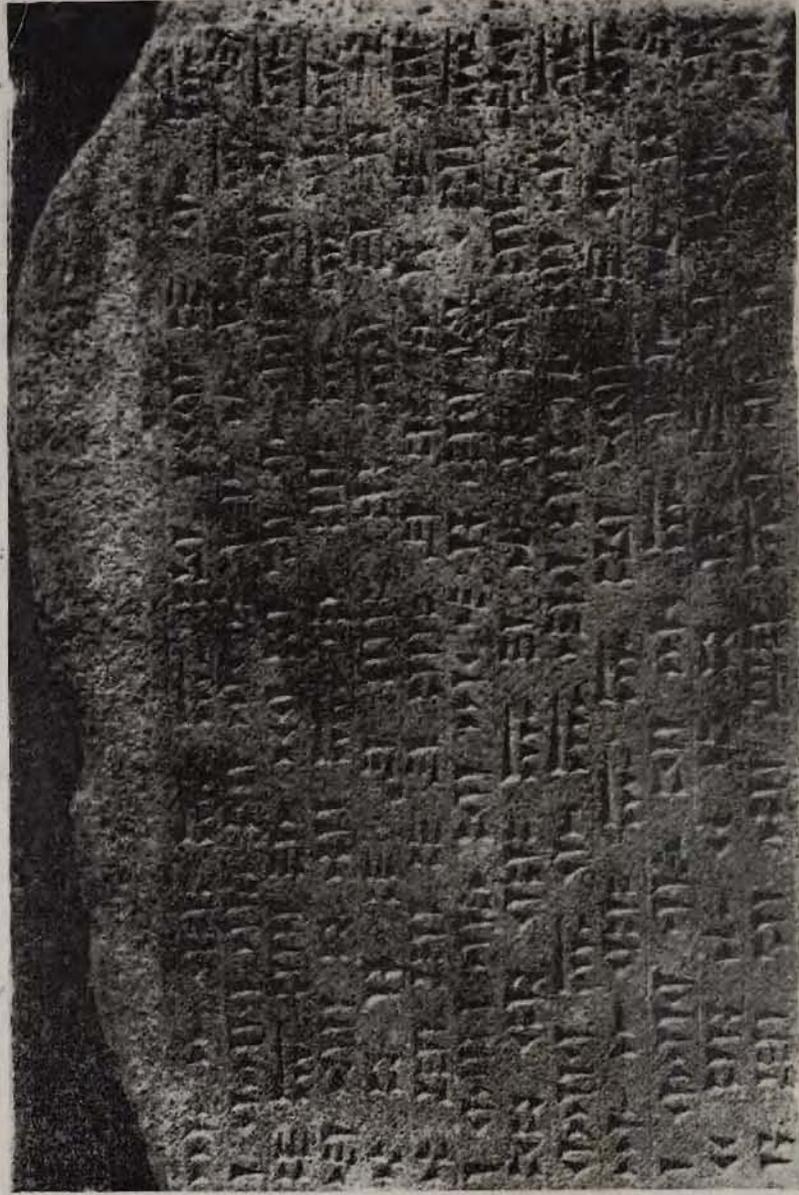

Рис. 1. Клинописи. Аргишти, сына Менуа, об основании города Эрбуни

Сардури, сын Аргишти, царь могущественный, царь великий, царь страны Биайны, царь страны, правитель города Тушпы»⁹.

Весьма важное значение для истории имеет сообщение Аргишти I о закладке в районе холма Арин-берд города, названного им Эребуни, города, который был известен еще раньше по ванской летописи, повествующей о событиях пятого года царствования Аргишти I, однако не дававшей возможности установить местонахождение этого города¹⁰. В этой надписи из Вана урартский царь рассказывает о построенном им городе Эребуни и, кроме того, сообщает, что он поселил в Эребуни одних только пленных воинов в количестве 6600, взятых им в странах Хате и Цупани, расположенных в северной Сирии, у западной излучины реки Евфрат¹¹. По-видимому, прав Г. А. Мелнкишвили, когда в этих пленных (причем без семей), переброшенных из Хате и Цупани в Эребуни, видит ту основную рабочую силу, руками которых здесь началась закладка обширного города. Потребность в такой рабочей силе могла быть вызвана строительством одной только цитадели, где, как показали далеко не законченные раскопки, был выполнен грандиозный объем строительных работ при Аргишти I, а в дальнейшем — при Сардури II.

Становится очевидным, что Эребуни, являясь крупным урартским городом на данной территории Араратской равнины, не уступал по значению городу Аргиштихннили. Но Эребуни был преимущественно военным центром, «для устрашения вражеских стран», а не хозяйственным. Это дало Г. А. Меликишвили основание предположить, что урартская власть на Араратской равнине была сосредоточена в руках начальника области, имевшего пребывание в самой могущественной тогда урартской крепости Араратской равнины—в Эребуни¹².

В связи с этим надо предположить, что такая мощная крепость находилась, кроме того, и на важной урартской магистральной дороге, проходившей севернее реки Аракс. Такое предположение прежде всего обуславливается количеством городов в данной части Араратской равнины, которые своим географическим местоположением определили направление существовавшей тогда магистрали¹³. Следовательно, Эребуни надо рассматривать как крупный военно-стратегический плацдарм урартов, укреплявший их власть в северной части завоеванных земель и обеспечивавший дальнейшую экспансию на север. Что касается Аргиштихннили, то, по-видимому, как полагает Г. А. Меликишвили, в этом го-

⁹ Перевод текстов принадлежит Б. Б. Пиотровскому.

¹⁰ Что касается достоверности перевода «земля была пустынной», о чем имеются различные толкования (Մ. Իսրայելյան. Արին Բերդի Susi տաճարը և նրա արձանագրությունները: «Հայկական ՍՍՌ ԳԱ Տեղեկագիր», հաս. գիտ., 1957, № 9, էջ 93—104), нам кажется, что сведения касаются не области и не отдельных строительных площадок цитадели, а города в целом, который был заложен на свободной от древней застройки территории.

¹¹ Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту, стр. 258.

¹² Там же, стр. 258.

¹³ К. Оганесян. Урартское поселение в селе Арагац. «Известия АН Армянской ССР» (общественные науки), 1958, № 4, стр. 80.

роде была сосредоточена хозяйственная деятельность урартов, о чем можно заключить по текстам найденных там клинообразных надписей.

Выделяясь своим важным военным и административным положением среди остальных урартских городов южного Закавказья, Эрбунни, как показывают результаты раскопок, отличался и высоким архитектурно-строительным уровнем, так как в крепости находился также и дворец, на что указывает и сам термин «Ê - GAL»¹⁴. В Эрбунни был выявлен целый ряд монументальных, ранее неизвестных, урартских архитектурных сооружений с богатым оформлением их интерьеров многокрасочной росписью. Именно на Арин-берде впервые удалось установить архитектурную сущность давно известных урартских клинописных терминов. Ê-GAL и Susi, и проверить частые упоминания клинообразных текстов о том, что Ê-GAL почти всегда сооружается в комплексе с культовым сооружением, каким в данном случае представляется Susi.

Эти, отдельно стоящие, архитектурные сооружения, построенные Аргишти I и Сардури II, приводят к заключению, что цитадель Эрбунни застраивалась не в один строительный период, а постепенно, в течение продолжительного времени, что жизнь крепости была долговременной. Это подтверждает весьма интересная и новая страница в исследованиях Арин-берда, которой выявлены древнейшие армянские постройки Эрбунни ахеменидского периода, датируемые не только по своему типу, но и археологическим материалам.

Вместе с тем знаменательно и отсутствие на Арин-берде памятников второго периода истории Урарту, после Сардури II.

Появление памятников ахеменидской архитектуры, как и вообще распространение ахеменидской государственной власти на территорию Урарту, связано с походами Кира на Запад. Урарту пало под ударами мидян, однако скорая смена их ахеменидами явилась поворотным пунктом во всех исторических событиях на древнем Востоке. Ахеменидский Иран, завоевавший значительную часть древнего мира, лишь огнем и мечом мог удержать подвластные ему громадные территории. Армения, образовавшаяся на территории распавшегося государства Урарту, после упорного сопротивления вошла в 13-ю и 18-ю сатрапии этой могущественной ахеменидской державы.

Ахемениды, как и урарты, должны были создавать в покоренных областях свои военно-административные центры. Они доходили и до озера Севан, на что указывает недавняя находка около Казаха великолепных баз колонн ахеменидского стиля. Поэтому вполне понятно решение ахеменидов укрепиться на цитадели Эрбунни, поскольку еще со времени урартов эта крепость слыла как могущественная.

По ряду соображений можно полагать, что цитадель во время ахеменидов находилась в хорошем, вполне пригодном для военных целей, состоянии. Это видно хотя бы по тому, что некоторые урартские постройки цитадели при перестройке вошли в ансамбль ахеменидских по-

¹⁴ В. А. Гвахария. О смысловом значении Ê и Ê-GAL в урартском. «Вестник древней истории», 1959, № 2, стр. 99

строек без каких-либо серьезных ремонтных работ. Реконструкции, выявленные па Арин-берде, касаются лишь изменения тематического содержания внутреннего пространственного построения здания. В результате этого в цитадели появились новые по назначению здания, в ряду которых мы находим известную архитектурную форму—ападану, довольно грандиозную постройку светского зодчества древнего Ирана. Другая ахеменидская постройка, созданная после реконструкции Susi, является храмом огня. Эта редкая даже в самом ахеменидском Иране постройка, известная по раскопкам в Сузах, здесь, в Эребуни, сохраняет много общих черт с соответствующими постройками в центре ахеменидского государства.

Таким образом, Эребуни представляется нам тем редким узловым пунктом древности, той гранью древнего Востока и сменившей его эпохи, где встречаются закончившее свою историческую жизнь зодчество Урарту и зарождающееся зодчество ахеменидов, вбирающие в себя все предшествующие культурные достижения древнего мира.

Кроме того, Арин-берд является пока тем единственным местом, где впервые обнаруживается архитектура эпохи формирования армянского государства.

Наконец, раскопки Арин-берда дали важнейший материал для решения вопроса о времени возникновения Еревана. Само имя крепости Эребуни дало основание некоторым исследователям видеть в нем имя столицы Советской Армении — Еревана¹⁵. Таким образом, можно считать время постройки Эребуни временем основания Еревана, который, как нам кажется, переместился к северо-западу, а затем, после расширения, снова включил в себя свое первоначальное ядро.

В летописях Аргишти указывается, что город Эребуни был заложен в пятом году его царствования, т. е. в 782 г.

Таким образом, в 1968 г. городу исполнится 2750 лет.

Ереван начинает свою историческую жизнь с глубокой древности, неся на себе тяжесть многих веков, являясь уже в начальный период своей истории могущественным городом древнего Востока с величественной архитектурой своих построек.

Естественно возникает вопрос, почему Ереван получил свое название от Эребуни, а не Тейшебаини, который, как известно, был крупнейшим центром в этом районе, куда были свезены еще при урартах сокровища из Эребуни, на что указывают клинообразные надписи на бронзовых предметах, отмечающие их принадлежность именно Эребуни.

Как полагает Б. Б. Пиотровский, крепость Эребуни в свое время была заброшена и поэтому во время нападения скифов в VI в. до н. э. не была разрушена и сожжена, как Тейшебаини. Именно потому сохранившиеся строения города Эребуни дали ему возможность впослед-

¹⁵ Մ. Իսրայելյան. Ուրարտական երկու նոր արձանագրությունները Հայկական ՍՍՌ-ի Հաս. րաժ. Տեղեկագիրք, 1951, № 8, էջ 97: Ա. Միրզոյան. Երևանի անվան ծագման շուրջը: ՏԳԱ Հաս. րաժ. Տեղեկագիրք, 1951, № 11, էջ 97—99:

ствии, в ахеменидскую эпоху, продолжать свое многовекковое существование.

И наконец, то обстоятельство, что город, основанный для могущества страны и устрашения вражеских стран древнего Востока, в момент боев со скифами эвакуируется, оставляя заботу об обороне области на хозяйственном центре Тейшебаини, как нам кажется, может найти себе объяснение в том, что мощный войсковой гарнизон Эребуни был переброшен на более важный участок битв, которые происходили в центральной части страны.

Раскопки на Арин-берде ведутся систематически с 1950 г. Академией наук Армянской ССР, сначала отрядом Кармир-блурской экспедиции, а начиная с 1952 г., самостоятельной экспедицией совместно с отрядом Музея изобразительных искусств им. Пушкина (Москва) и отдела охраны памятников Госстроя Армянской ССР.

В раскопках принимают участие: К. Л. Оганесян (начальник экспедиции—1950—1959), И. М. Лосева (1952—1956, 1958, в 1956 и 1958 гг., руководитель отряда Музея изобразительных искусств им. Пушкина), М. А. Израелян (1952—1954, с 1956 по 1959, начальник отряда Института истории Академии наук Армянской ССР), С. И. Ходжаш (1952—1959), А. К. Кочоян (1951—1953, 1956), М. Н. Прокофьева (1956, 1958), А. А. Демская (1959), Н. С. Трухтанова (1959), С. Тер-Авакян (1959), С. Арутюнян (1959), Ш. А. Азатян (1956—1959), К. К. Кафадарян (1959), А. А. Вруйр — фотограф экспедиции (1956—1959). В. Газазян — реставратор (1959).

Работы на Арин-берде проводятся при постоянной научной консультации Б. Б. Пиотровского (1950—1959).

¹⁶ Статьи К. Л. Оганесяна. См. «Известия Акад. наук Армянской ССР», 1951, № 8, стр. 75—88; «Советская археология», 1960, № 3, стр. 289—296; Б. Б. Пиотровский и К. Л. Оганесян. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Раскопки урартских крепостей Эребуни и Тейшебаини (Арин-берд и Кармир-блур), 1950. Статьи И. М. Лосевой. См. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 179; «Советское востоковедение», 1955, № 3, стр. 144.

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ЦИТАДЕЛИ

Холм, на котором расположена цитадель древнего города, возвышается на юго-восточной окраине Еревана (рис. 2). Проводимые здесь в связи со строительством городских зданий земляные работы показали, что холм Арин-берд и прилегающие к нему земли площадью около 50 га

Рис. 2. Общий вид раскопок Арин-берд.

представляют собою археологический район, где встречается древняя каменная кладка и обломки керамики. Именно здесь, на этой большой территории у подножия холма Арин-берд, мог находиться тот город Эребуни, в котором Аргишти I, согласно надписи из Вана, поселил 6600 пленных, угнанных им из стран Хате и Цупани.

Кроме данной территории, раскинутой у подножия холма, севернее и юго-восточнее от него возвышаются три меньших холма, которые также должны быть включены в черту древнего города, поскольку и здесь случайно найденный археологический материал (керамика, зерноотерки и др.) оказался аналогичным материалу из цитадели на холме Арин-берд. На равнине между упомянутыми холмами также обнаружены

урартская керамика, такие же зернотерки, каменные чаши и другие предметы. По-видимому, и тут располагались постройки древнего города. Вероятно, к одному из таких домов относится выложенный из базальта пол, который был открыт на глубине 4 м при рытье котлована для здания школы, построенной на расстоянии 200 м северо-восточнее холма Арин-берд.

Однако, кроме таких разрушенных строений, открываемых при рытье котлованов, или еле заметных на поверхности следов стен различных древних строений, ничего другого в черте древнего города, вокруг холма Арин-берд, пока не обнаружено. И лишь на отдельных участках древнего города, у северо-западного подножия холма, можно заметить красную глину с примесью мелкорубленной соломы или массу, образовавшуюся из разрушенных остатков кирпичных стен урартских строений. Быть может, стены принадлежали городским строениям, воздвигнутым у подножия холма, но не исключена также возможность, что это обрушившиеся стены самой цитадели.

Летом 1957 г. в 1 км юго-западнее холма Арин-берд, при разравнивании одного из участков, был обнаружен могильник, давший ряд погребений в урнах с урартскими бронзовыми художественными изделиями¹⁷. Эта случайная, весьма замечательная, находка расширила район археологической территории, лежащей вокруг холма Арин-берд.

Что касается систематических археологических раскопок, имеющих целью выявление древнего сооружения, то они производились только на высотах холма Арин-берд, в пределах цитадели города Эребуни. Раскопки затронули, как это выяснилось, наиболее важную и интересную часть цитадели.

Произведенными работами уже выявлен контур и обширная площадь цитадели, план которой со следами ее строений очерчивает треугольник значительных размеров, площадью около 2 га.

Цитадель города Эребуни, расположенная на холме высотой в 65 м, занимала доминирующее положение в отношении всей территории, простирающейся на много километров в сторону Араратской равнины. Цитадель возвышалась над городом Эребуни, как самостоятельный архитектурный комплекс, замкнутый крепостными стенами, возведенными на крутых склонах холма¹⁸.

Обследование цитадели показало, что поскольку стены возвышаются над очень крутыми скатами холма, доступ в нее мог быть только с юго-восточной стороны этого холма, где рельеф сравнительно спокойный, хотя и трудно доступный для подъема колесного транспорта без специально устроенной дороги.

¹⁷ Հ. Մարտիրոսյան, Հ. Մեղակոսյան. Նոր-Արեշի ուրարտական կուլտուրին. «Հայկական ՍՍՏ ԳԱ Տեղեկագիր» (Տաս. դիտ.), 1958, № 10, էջ 63—81:

¹⁸ Сравнивая цитадель Эребуни и Тейшебани, можно заметить, что последняя, возвышаясь над городом и доминируя над ним, все же представляла единое целое с городом, поскольку имела общую с ним линию наружных крепостных стен и непосредственное сообщение через двое больших ворот. Цитадель же Эребуни была более обособленной.

Раскопки 1958 г. именно на этом месте обнаружили главные ворота цитадели. Надо полагать, что они стояли на видном месте цитадели, поскольку именно здесь обнаружена вделанная в стену важная клинопись Аргишти о закладке города Эребуни, найденная в 1958 г. и тождественная клинописи того же содержания из находок 1950 г. Клинопись, высеченная на базальтовом камне размером 40×70 см, вделана в стену, которая подходит к воротам с юго-западной стороны.

Устроенная перед воротами выровненная площадка находится несколько ниже уровня площади цитадели. Разница в их отметках потребовала сооружения лестницы в просме ворот, что сделало недоступным въезд колесного транспорта через эти ворота. От ворот начинается широкий коридор, выведивший непосредственно на площадь, архитектурно-пространственные формы которой раскрываются сразу же при выходе из этого коридора. Ворота были монументальными, хотя у них отсутствуют фланкирующие башни (рис. 3).

Снаружи цитадель имела мощные крепостные стены, сложенные из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, некогда опоясывавшие всю вершину холма по ее треугольному контуру. Хорошо сохранились крепостные стены, примыкающие к главным воротам с юго-восточной стороны. Они выложены на протяжении свыше 60 м по прямой линии и на подходе к главным воротам образуют фасадную плоскость с контрфорсами, благодаря чему стены получают строгий и монументальный вид. Стены вместе с крепостью на своем ближнем подступе вырисовывались перед зрителем на высоком холме и на фоне неба. Средняя наличная высота этих стен достигает 2,5 м. Их цокольный ряд, аккуратно выложенный из хорошо обработанных камней, несет кладку из сырца-кирпича. Контрфорсы рассматриваемых стен имеют по 5 м ширины и заложены друг от друга на расстоянии 8 м, чем еще раз подтверждаются ранее выявленные урартские архитектурные пропорции с соотношением 5×8^{19} .

В юго-западной части крепости раскопками удалось обнаружить разрозненные остатки этих стен протяжением около 50 м. До высоты 2—3 м они были сложены из камня получистой тески (базальт, туф), а далее возвышалась кладка из сырца-кирпича, в значительной своей части теперь уже не сохранившаяся. Линия степ на всем ее протяжении ритмично расчленена контрфорсами, выступающими на 1,05—1,10 м. В некоторых местах между контрфорсами сохранились остатки мощеных площадок, выложенных из туфовых плит и позволявших обход стен у их основания.

По остаткам этих крепостных стен, некогда опоясывавших цитадель на высоте холма, имевшего крутые скаты, можно видеть, что строители принимали все необходимые меры предосторожности как против внешнего врага, так и подвластного населения своего же города, жилища которого, судя по различным следам, тесным кольцом опоясывали цитадель.

¹⁹ К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебани, стр. 100—107.

Проводившиеся раскопки в западной части холма Арин-берд и разведывательные раскопки в ряде других его пунктов дали определенное представление о различных по своему назначению раскрытых помещениях.

Так, раскопками выявлено, что западная сторона цитадели, обращенная к Арарату, являлась официально парадной частью, где были размещены наиболее крупные по своим размерам помещения, светские и культовые постройки. Именно в этом районе и были обнаружены шесть из восьми теперь хорошо известных арин-бердских клинообразных надписей.

Северо-восточная часть цитадели, судя по разведывательным раскопкам, была предназначена, по-видимому, для хозяйственных потребностей. В результате обвала одно из находящихся здесь помещений оказалось видимым как бы в разрезе. По определению Б. Б. Пиотровского, это помещение являлось хранилищем зерна, на что указывает особое устройство пола²⁰.

Хозяйственной, надо полагать, была также и южная часть цитадели, где раскопками 1959 г. обнаружена карасная комната с шестью большими карасами, на которых клинообразными надписями была отмечена их емкость, исчисляемая в терусиях. Самый большой карас оказался равным 7 теруси.

Третья, или северо-западная, и последняя часть треугольника, расположенная между официально-парадными и хозяйственными помещениями, надо полагать, была жилой частью цитадели. Здесь при разведывательных раскопках различных помещений в 1950 г. была обнаружена голубая и красная окраска, покрывавшая облицовку стен. Раскопки же 1959 г. раскрыли в средней части этого прямоугольника большой двор, окруженный различными помещениями, среди которых было одно помещение с карасами.

Все открытые на территории цитадели помещения, независимо от их характера, были одноэтажными и объединялись в отдельно стоящие комплексы, каждый из которых имел свое назначение. Всех же их объединяла общая внешняя крепостная стена. В расположении этих комплексов заложены определенные принципы их ансамблевой застройки в отношении центральной площади цитадели.

В юго-западной части цитадели обнаружены высеченные из туфа трубы, каждый отрезок которых был длиною в среднем до 1 м, при наружном диаметре 0,40 м и внутреннем 0,11 м. Отрезки эти входили один в другой своей суженной частью, а некоторые из них имели сверху узкий прорез технического назначения для очистки и ремонта трубопровода.

²⁰ На высоту 30 см от скалистой почвы пол сложен из камня, на нем лежит ровный слой гравия (5 см), а поверх его толстый слой, утрамбованный рубленой соломой (5—7 см). Такое устройство пола делало его гигроскопичным, что предохраняло зерно от сырости. По-видимому, именно такие постройки упоминаются в клинописях под термином «агI», который, как установлено в урартских клинописях, обозначал именно зернохранилище. Об «агI» см. Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наир-Урарту. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 25.

По этим отдельным отрезкам труб можно заключить, что здесь, в цитадели, в урартскую эпоху существовал хорошо развитый трубопровод, сеть и назначение которого по его наличным остаткам установить, однако, не удалось. Надо полагать, что трубопровод подводил питьевую воду в цитадель с ближайших северных гор²¹ (рис. 62, 63).

Как показали раскопки пока лишь одной, юго-восточной, части цитадели, ее плановая композиция основана на отдельно стоящих монументальных сооружениях или их комплексах. Все эти сооружения обнесены общей оборонительной крепостной стеной (рис. 3).

Полагая, что перед нами один из этапов развития плановых решений урартских крепостных сооружений, которые можно проследить с древнейших времен.

Так, высокие холмы были первыми местами древнейших населенных пунктов, нуждавшихся в обороне в условиях разложения первобытно-общинного строя. Такое доминирующее положение населенных мест в отношении раскинутых перед ними равнин диктовалось оборонными соображениями еще и потому, что только в этих случаях держались под должным наблюдением все дороги, находившиеся на ближних и дальних подступах к этим местам.

Основой обороны древних населенных мест являлась крепостная стена, которая первоначально возводилась лишь на вершине холма, что уменьшало обороняемую площадь и укорачивало линию стен, увеличивая тем самым силу обороны.

Дальнейшее развитие формы крепости выражается в сооружении нескольких рядов стен²².

Так, по наблюдениям Т. Тораманяна²³, стены некоторых так называемых «циклопических крепостей», опоясывая холмы на их различных высотах, пересекаются стенами, идущими от вершины к подножию, или же в радиальном направлении, создавая отдельные крепостные ячейки, расположенные по направлению от вершины холма к его подножию. Это — определенная форма развития древнего крепостного сооружения. К такой системе построения крепостных стен относится крепость, развалины которой находятся в селе Шамиран, Аштаракского района, хотя там можно видеть уже более развитую систему укреплений. Шамиранская крепость занимает площадь в виде треугольника, ограниченного с двух сторон глубокими оврагами, а основанием выходящего на равнину. Этим она напоминает позднейшие крепости Ани, Лори-берд и др. Шамиранская крепость имеет три ряда мощных стен, расположенных друг от друга на расстоянии выстрела из лука. У вершины треугольника в плане имеется тыльная стена, в которой устроены ворота, предназначенные,

²¹ В центральной части города Еревана, в районе его бульвара, обнаружен трубопровод, сходный с указанным здесь, но датировка его не определена.

²² Иногда за ряды крепостных стен принимают каменные подпорные стенки, оформлявшие террасы для построек.

²³ Ք. Քրամանյան. Նյուսեր չայգաղան ճարտարապետության պատմության Աշտարակի քաղաքի ժողովուրդ: Արմֆանի հրատարակչություն. Երևան. 1942, էջ 17--18:

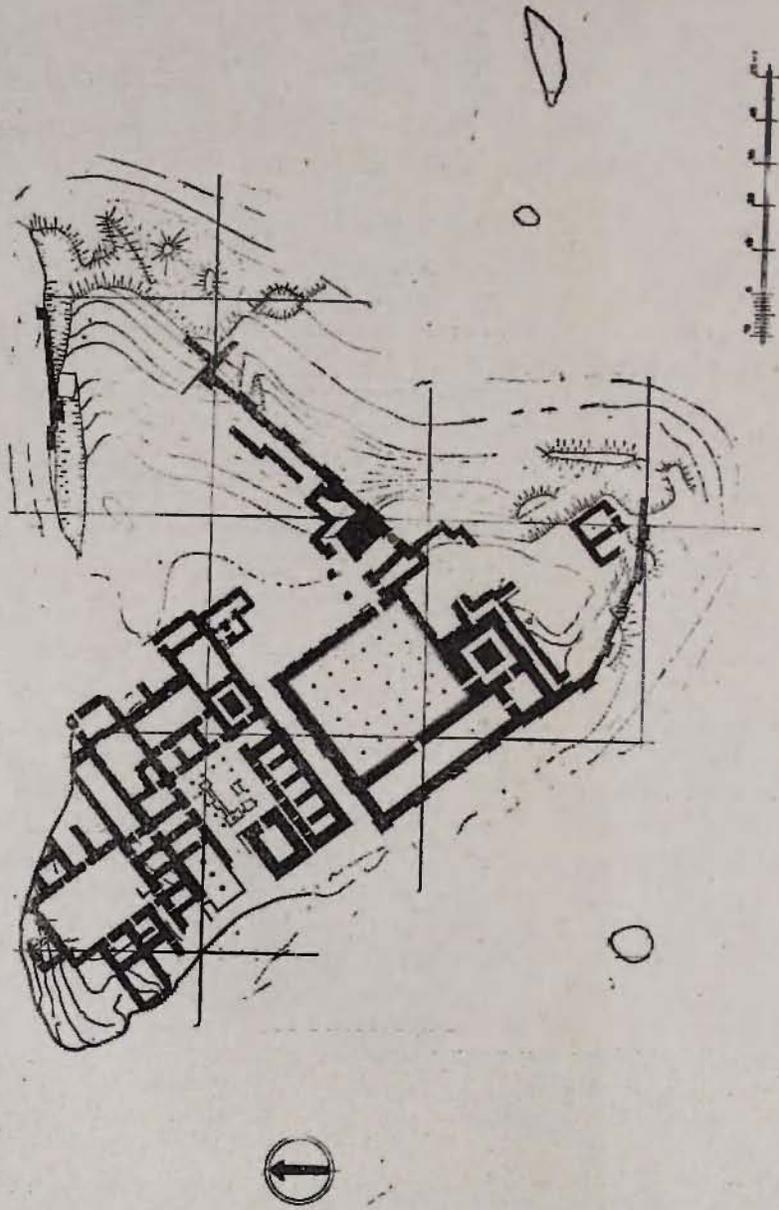

Рис. 3. Общий план поселения

надо полагать, для быстрой и вынужденной эвакуации крепости, как это, например, устроено и в Дур-Шаррукине.

Указанные системы крепостных стен находятся на той стадии своего развития, когда маневренность обороняющихся не имела тактических замыслов, а сами они всецело были прикованы к крепости, защищенной неприступными и мощными стенами. В этих условиях все бытовые постройки остаются на втором плане и мало подчеркиваются в системе этих крепостных стен.

Примером последующего развития приведенной системы крепостного сооружения является цитадель крепости в селении Лчашен (бывш. Ордаклу) на северо-западном побережье озера Севан. В плане этой крепости можно видеть две линии мощных крепостных стен, опоясывающих холм, и некоторые другие стены, идущие в радиальном направлении и составляющие усложненную оборону цитадели. Между тем здесь уже зарождается охваченное крепостной стеной внутреннее ядро цитадели — комплекс помещений с центральным двором. Все эти помещения зарождающегося ядра цитадели, пока еще не имеющие четкого композиционного построения, произвольно приставлены к крепостным стенам.

В своем дальнейшем и постепенном развитии это ядро приводит к определенным принципам построения цитадели, где отдельно стоящие сооружения или их комплекс заключены в крепостные стены. Примерами крепостей этого типа могут служить Арин-берд и Топрах-кале около Вана.

Так, в плановую композицию цитадели Эрбуни органически вошли довольно больших размеров площадь, застроенная по своему периметру монументальными сооружениями, внутренний перистильный двор дворца с отдельно стоящим храмом и др. Плановое построение выявленных здесь изначальных сооружений, принадлежащих урартской эпохе, указывает на их довольно четкое структурное размещение и, следовательно, на соответствующее выражение в пространственном восприятии. В этом отношении цитадель Эрбуни значительно отличается от цитадели другого урартского города — Гейшебаини — или от урартской цитадели из раскопок в селе Арагац. Там внешние архитектурные формы цитадели представляют единый объем грандиозных размеров или же одно единое сооружение со всеми своими парадными, культовыми, производственными и подсобными помещениями, расположенными в двух этажах. Кроме того, принципиальное отличие их выявляется и в системе построения наружных крепостных стен. На Кармир-блуре наружной крепостной стены, кроме той, которая отгораживает цитадель от города, нет. Крепостной стеной, или опорой обороны цитадели, там служат наружные стены помещений, расположенных по внешнему контуру цитадели.

То же можно видеть и на отдельных участках контура Арин-берд, в то время как на остальных участках крепостная стена свободно стоящая.

На приведенных примерах показан определенный этап развития

урартских цитаделей, берущих свое начало от крепостей, основанных на вершинах гор. В связи с этим урартская архитектура, судя по всем известным ее памятникам, всегда учитывала рельеф местности, и к нему рационально привязывалось сооружаемое здание. Так, располагаясь на косогорах, строение получало ступенчатые переходы архитектурных форм, что прежде всего было обусловлено горной местностью, в которой строили урарты свои города. В этом и заключается коренное отличие урартской архитектуры от архитектуры Двуречья, где отдельные сооружения или целые комплексы воздвигались на ровной и высокой искусственной платформе, которая давала полную свободу решению их плановой композиции.

Однако при постройке цитадели Эрбуни холм, на котором были возведены постройки, также подвергся предварительной обработке: рельеф был смягчен, площадь двора выровнена. Прямолинейные наружные крепостные стены имели, кроме того, платформу для их обхода, что также требовало выравнивания скалы.

От Арин-берда отличается цитадель Тейшебаини характерной чертой, которой является сильная изрезанность наружного контура. Такая изрезанность является результатом привязки здания к рельефу. В подобных цитаделях нет развитых внутренних открытых архитектурных пространств; вся их архитектурная выразительность проявлена во внешних, единых и мощных объемах. В результате создается характерная для горных условий архитектура, тесно связанная с рельефом, с природой.

Рассматривая теперь застройку цитадели Эрбуни без позднейших строений, принадлежащих ахеменидскому времени, а только изначальную урартскую, можно отметить в ней ранее неизвестные для урартского зодчества архитектурно-пространственные решения.

По-видимому, главной частью цитадели является ее средний раскопанный участок, который в урартскую эпоху был отведен под площадь довольно больших размеров. На этой площади раскопки выявили пока две монументальные постройки, одна из которых своим главным фасадом раскинута почти по всей ширине площади, занимая на ней подчеркнутое место. Другая фасадная стена расположена под прямым углом к предыдущей фасадной стене и принадлежит дворцовому зданию, о чем говорит найденная в кладке ее стены соответствующая клинообразная надпись.

Главное сооружение, расположенное на продольной оси площади, в фронтальном аспекте подчеркивается массивным объемом с башенкой над ней. Этому объему соответствовал такой же объем, возвышающийся справа от дворцового входа, и тем самым эти асимметричные элементы архитектуры площади получают определенную уравновешенность своих вертикальных форм.

В связи с этим в построении плана как площади, так и всей остальной раскопанной части цитадели можно отметить принципы асимметрии, которые приводят к приятному восприятию отдельных частей ансамбля.

Архитектура площади в целом создавалась на контрастном сочетании мощных, массивных контрфорсов дворца с легкой и изящной деревянной колоннадой портика главного сооружения. Эти же формы должны были придавать всей площади и определенную вертикальную устремленность, поскольку в портике, стоящем на оси площади, было установлено 12 легких колонн. Если учесть, что стены портика, как и некоторых других сооружений, были выкрашены в голубой цвет и имели многокрасочный фриз, станет ясной та живописная картина площади на фоне горы Арарат, которая в знойные дни представляет причудливую картину двух плывущих по небу гигантских белоснежных шатров.

В позднейший период жизни Эребуни — в ахеменидское время — эта площадь была густо застроена рядом монументальных сооружений.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных зданий и цитадели.

ДВОРЕЦ (Ê - GAL)

В дошедших до нас многочисленных урартских клинообразных строительных надписях весьма часты упоминания о сооружениях, которые в этих клинописях отмечены идеограммой Ê-GAL. Эта идеограмма, буквально передававшая два слова «Большой дом», в ассирийской клинописи означала «дворец». Но в то же время в ряде урартских текстов термин Ê-GAL, сопровождавшийся эпитетом «укрепленный», стал переводиться также как «крепость» или же «цитадель». Подтверждением такого положения послужили, кроме того, и ассирийские источники, описывающие урартские крепости как опоясанные двумя, часто тремя рядами мощных стен с башнями и рвами перед ними. Являясь, таким образом, сильно укрепленными, крепости, как сообщают те же ассирийские источники, служили местопребыванием войск или стоянкой гарнизонов урартских царей. В них, как это видно по примерам крепостей Аргиштиуна и Калланиа, о чем сообщает ассирийский царь Саргон, были лучшие бойцы, победоносное в битвах войско — пращники и копьеносцы, надежда его страны.

Наглядным примером того, что урартские крепостные постройки действительно были мощными сооружениями, являются их изображения на ассирийских и урартских памятниках. Так, на бронзовых обивках ворот Салманасара III имеются изображения крепостей Сугунии и Арзашку, а на рельефе дворца Саргона — крепостей страны Мана и города Мусасир. По ассирийским текстам известно, например, что Тиглатпаласар III оставил осажденную им столицу Урарту — город Тушпу — и отошел от нее, разуверившись в возможности ее захвата; также и Саргон отказался от мысли осадить Тушпу даже во время своего успешного похода против Урарту в 714 г. до н. э.

Многочисленные клинообразные надписи постоянно указывают на то, что урартские крепости занимали, кроме того, и важное хозяйственное положение в стране. В них хранилось большое количество продуктов: зерно (пшеница, ячмень), вина, а также скот. О богатых амбарах урартских дворцов рассказывает ассирийский царь Саргон II в связи со своим походом 714 г. на Урарту, когда он опустошал целые области в стране, вырубал деревья, уничтожал посевы. Саргон везде находил «полные амбары», «ячмень без счета», «душистое вино, текущее как речная вода». В области Сангибуту Саргон II в своем лагере образовал навалы из пшеницы и ячменя, «как холмы».

Наглядным свидетельством хозяйственного значения крепостей того времени служат открытые в них помещения с карсами, являвшимися складами-амбарами, а также производственные помещения для перера-

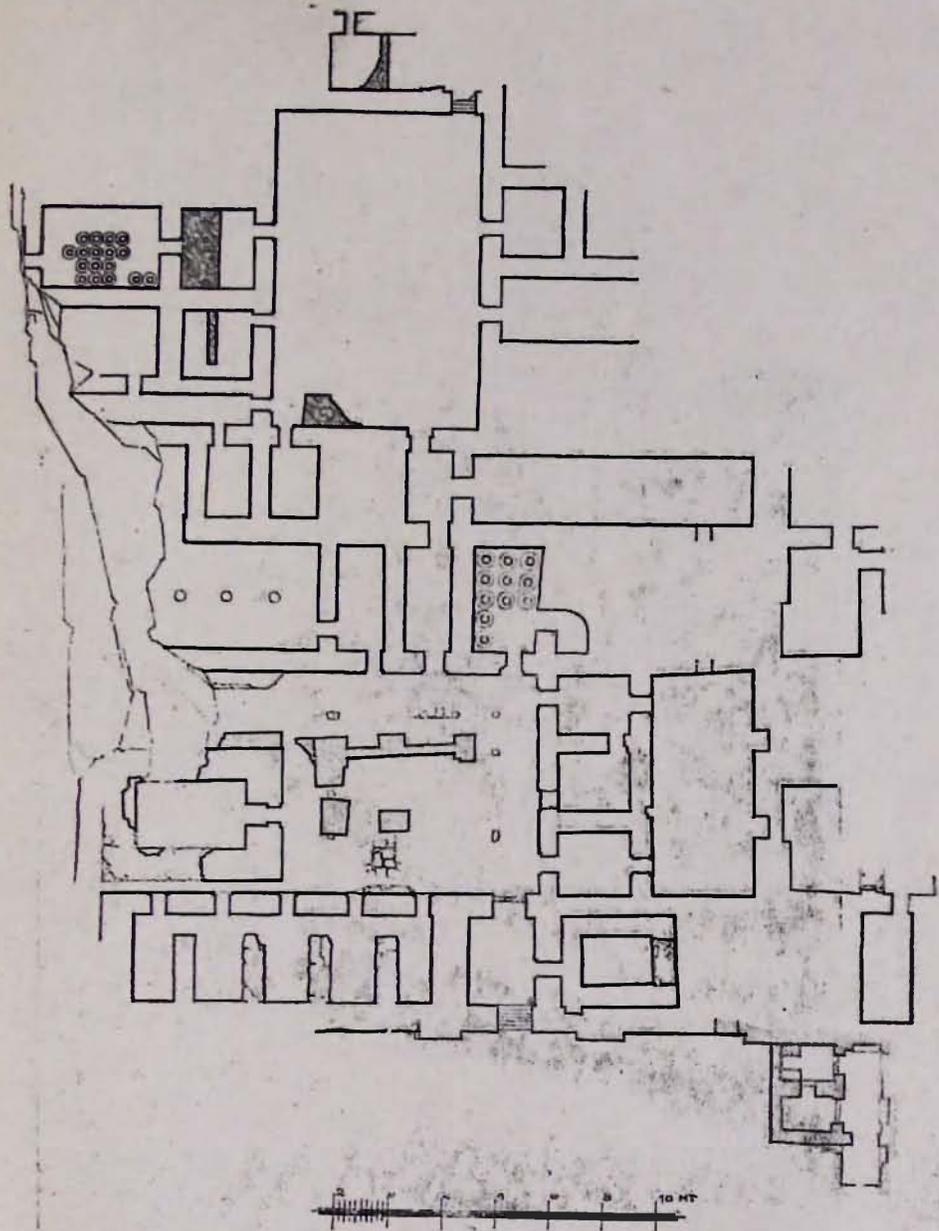

Рис. 4. План дворца (E-GAL)

ботки сельскохозяйственных продуктов, хорошо представленные раскопками на Кармир-блуре. К этому можно добавить, что во многих урартских крепостях существовали литейные и другие мастерские, где обрабатывались железо, медь, бронза, а также серебро и золото. Однако не все эти крепости обозначались в клинописи термином E-GAL.

Высказывались предположения, что Ê-GAL сооружались вместе с городами URU представляя в них, видимо, возвышенную часть цитадели, на которой, как правило, урарты соорудили дворцы. Но, очевидно,

Рис. 5. Вход во дворец с клинописью Аргишти, сына Менуа

не все города или поселения имели Ê-GAL-ы, поскольку в древних сообщениях о захвате и разрушении урартских поселений Ê-GAL встречается значительно реже крепостей и городов. Поэтому, естественно, возникает предположение о том, что под термином Ê-GAL разумеется

крепость, в которой находится дворец царя или правителя области. В этом случае употребление ассирийской идеограммы «дворец» будет вполне понятно. Это согласуется также и с тем, что по клинообразным надписям Ê-GAL часто упоминается вместе с культовыми сооружениями, как, например, с Susi, воротами бога Халди и др.

На Арин-берде в воротах была открыта клинопись с текстом: «Величием Халди Аргишти сын Менуа этот Ê-GAL величественный построил». Это первый случай, когда представляется возможность связать наличные строительные остатки с определенным термином и вложить в этот древний термин конкретное содержание. Раскопки Арин-берда подтвердили, что под термином Ê-GAL следует понимать крепость с дворцом и культовыми сооружениями, которая служила, вероятно, резиденцией урартского царя во время его походов в Закавказье.

Дворец Эрбуни сохранился довольно хорошо. Стены, уцелевшие до высоты 3—4 м, обрисовывают его общий план с парадными залами, культовыми помещениями, жилыми комнатами, кладовыми и открытыми дворами. Наличие строительных остатков дает достаточный материал для реконструкции архитектурных форм дворцового комплекса.

Дворец Эрбуни, с точки зрения своей плановой композиции, представляет вполне законченную и самостоятельную архитектурную форму, но он не занимает цитадель полностью, а является только ее частью.

Занимая весь северо-западный участок цитадели, дворец выходит на ее площадь, по оси которой было воздвигнуто грандиозное здание с портиками по фасаду. Фасадная стена дворца, прямолинейно очерчивающая его границу на данной площади, обрисовывает в этой части полностью сохранившийся контур. Хорошо различимы и северо-восточные границы дворца, теперь уже в основном раскрытые. Что касается его юго-западной стороны, то здесь он разрушен по всему своему контуру. Остатки стен и помещений можно видеть в обрывах крутых скатов холма.

При раскопках отчетливо прослеживаются элементы более поздней реконструкции, которая коснулась средней дворцовой части, где был воздвигнут ряд капитальных стен, основательно изменивших начальную плановую композицию. Тогда же был застроен и двор северной части; с юго-восточной стороны было пристроено небольшое здание, состоявшее из трех помещений. Особенно четко проявилась перестройка в закладке дверных проемов и возведении дополнительных стен, цокольные ряды которых лежат выше цоколей первоначальных урартских построек.

Поэтому для того, чтобы показать плановую композицию урартского дворца VIII в. до н. э., необходимо отвлечься от искаживших его пристроек и переделок (рис. 4).

Вершина холма, на котором был сооружен дворец с его монументальными постройками, была выровнена до начала строительства. Остальная часть холма, в том числе и участок, занятый северной половиной дворца, имеет некоторое падение своего рельефа. Следовательно, здесь имеются различные рельефные условия для дворца, главная часть

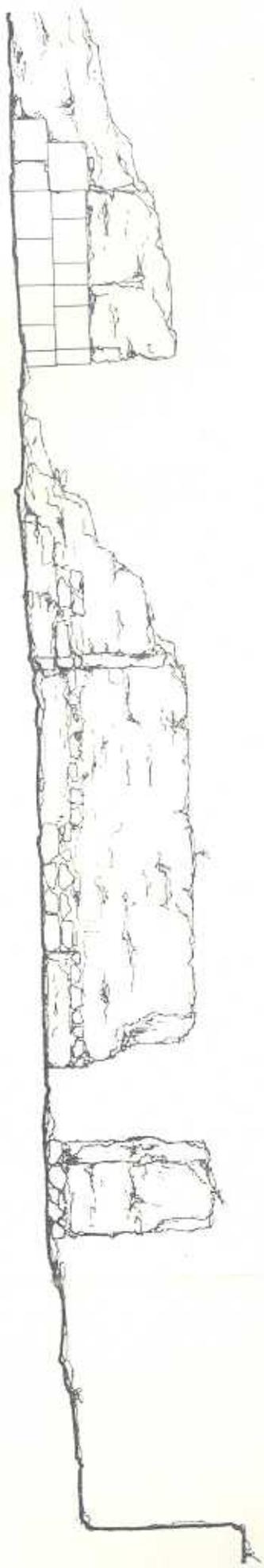
Рис. 6. Дворец. Северо-восточная стена перистильного двора

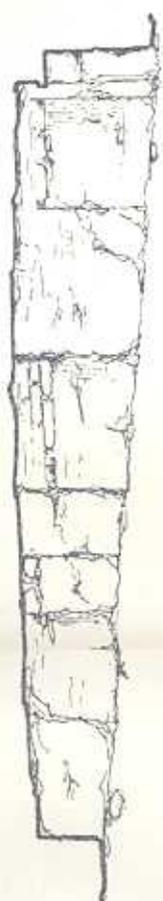
Рис. 7. Дворец. Северо-западная часть перистильного двора

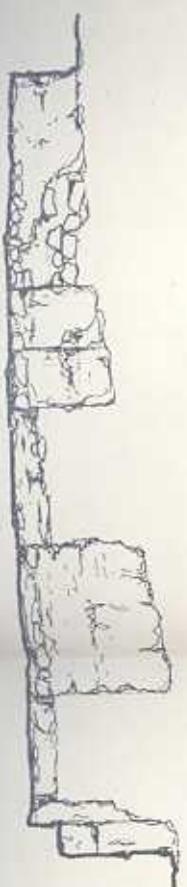
РАСПЕЧ 5-5

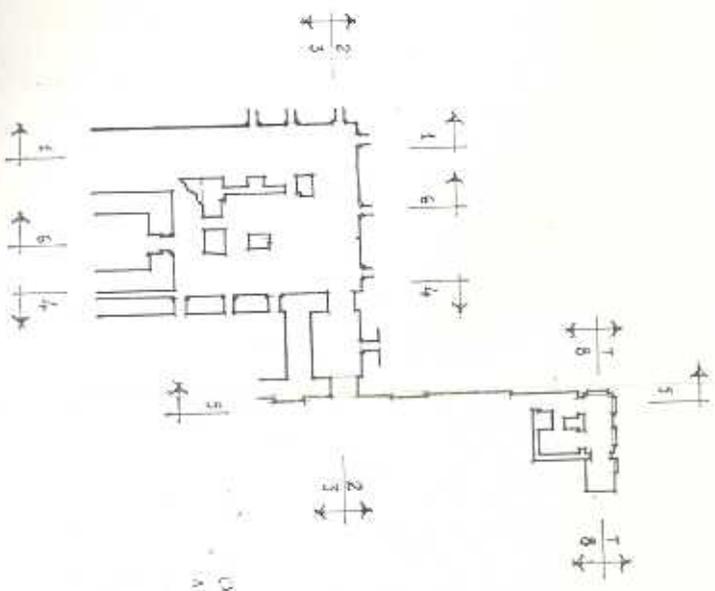
РАСПЕЧ 6-6

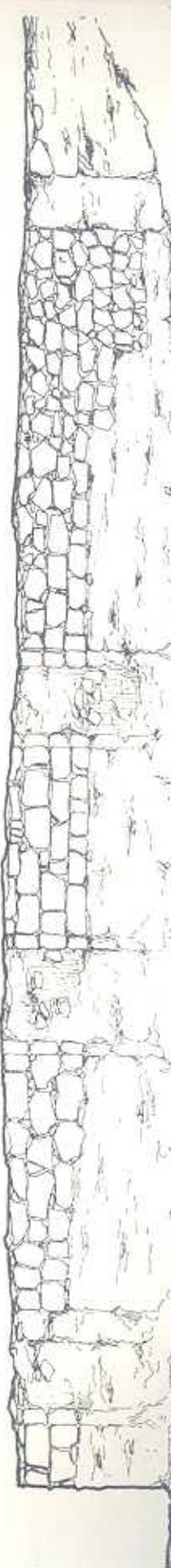
РАСПЕЧ 7-7

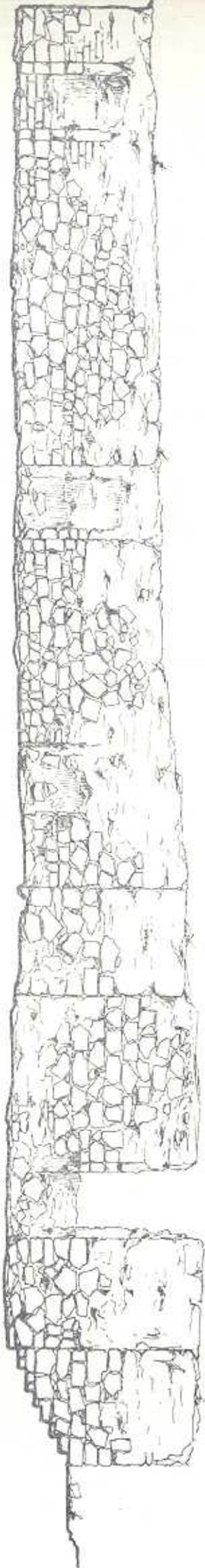
РАСПЕЧ 8-8

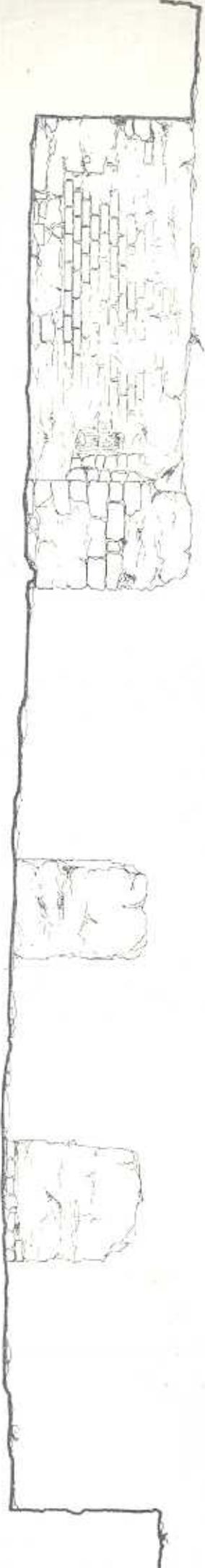
ПЛАН НАМА С ОДОБРАНЕНИМ
АНУМА РАСПЕЧОМ

PASPE3 1-1

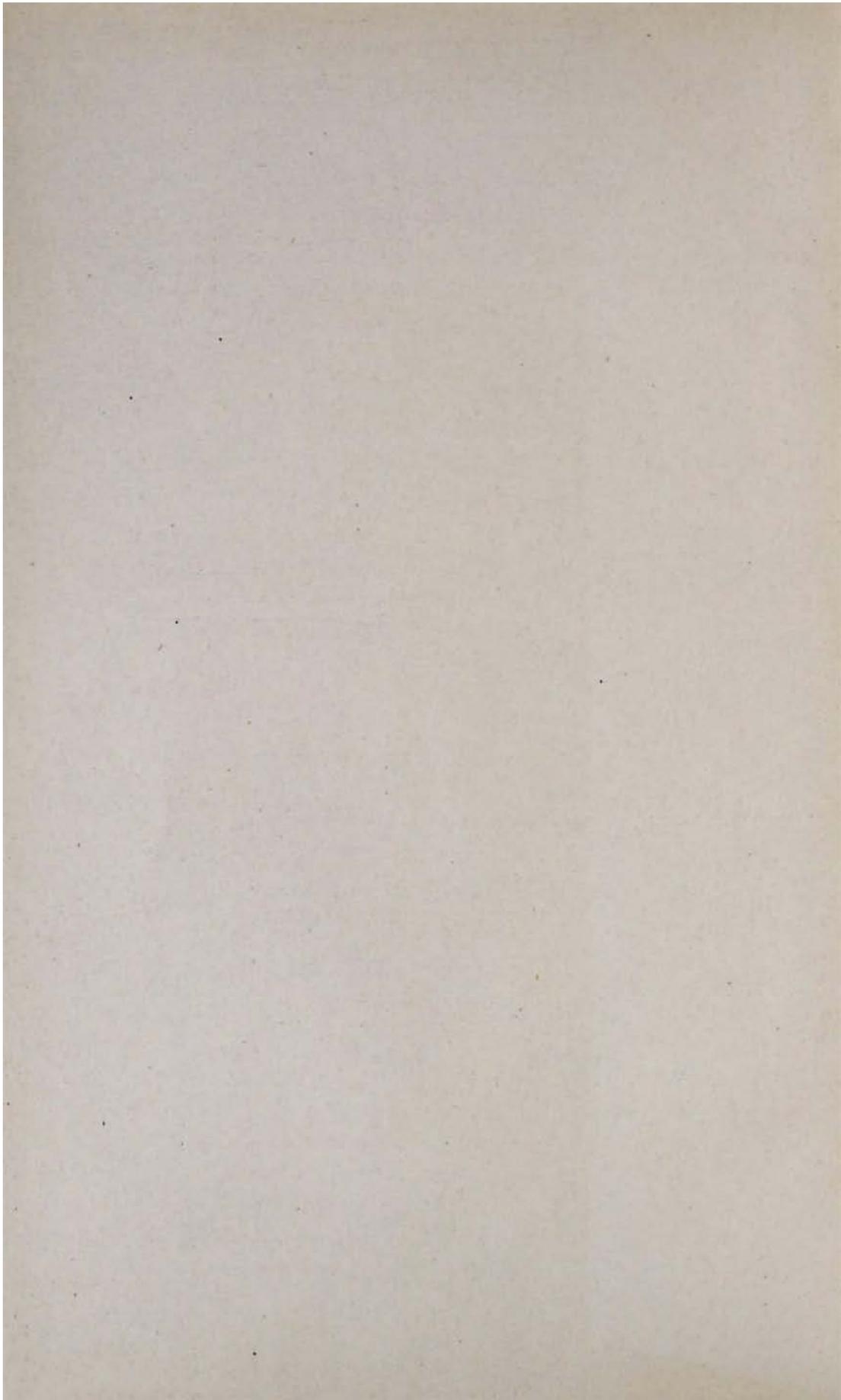
PASPE3 2-2

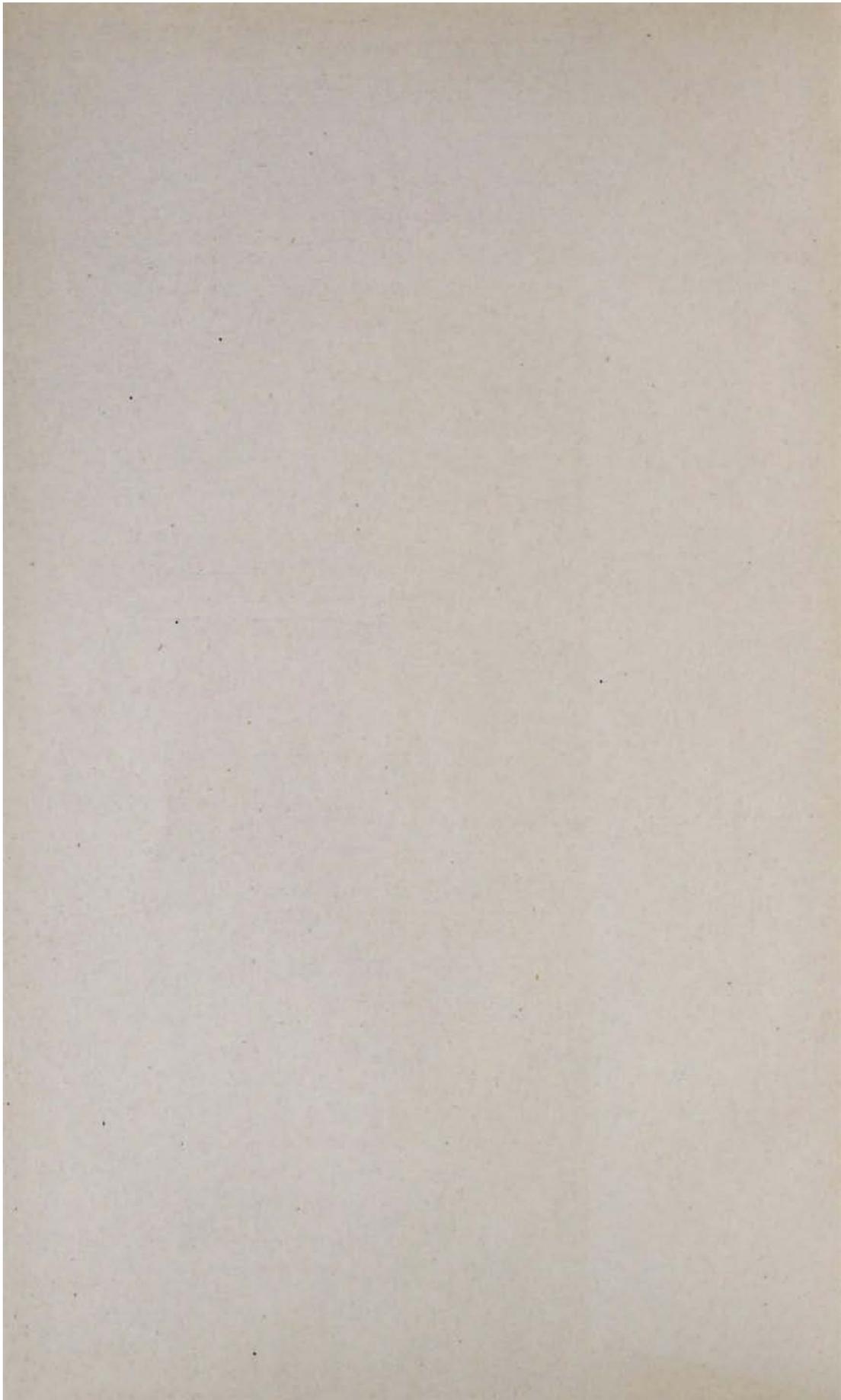

PASPE3 3-3

0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

которого расположена на выровненном участке. И, здесь, на этом участке, мы впервые встречаем в урартском зодчестве архитектурную форму перистильного двора. Как стало теперь видно после детальных раскопок, все главнейшие помещения дворца сгруппированы вокруг этого двора, имея с ним тесную функциональную связь. Перистильный двор, надо полагать, являлся официально-парадной частью дворца, поскольку там, в юго-восточной части двора, стоял храм Susi. Кроме того, устроенная перед храмом у юго-восточной стены приступка из сырцового кирпича, а перед ней мощный из базальтовых плит пол и каменный блок со ступенькой также имели культовое назначение.

Исходя из характера найденного здесь археологического материала, можно предположить, что и остальные помещения, окружавшие перистильный двор, были официально-парадными, т. е. служили для официальных приемов или культовых церемоний.

Дворцовые помещения, расположенные севернее и в основном имеющие хозяйственное назначение, группируются около второго двора, расположенного на косогоре; во двор с северной части вела небольшая лестница.

Описание этой части дворца, еще недораскопанной, не входит в настоящий отчет.

Средняя часть дворца, как представляющая собою перистильный двор, имела размер 17×19 м. В этом прямоугольнике, очерченном внутренними стенами, было обнаружено семь базальтовых плит от баз (из общего числа 14), на которых ранее были установлены деревянные колонны, расположенные по пяти в продольных и четыре в поперечных портиках перистилия. Судя по этим базам, расстояние между осями колонн равняется 4 м, а глубина портиков — 4 м.

Граница северного портика перистилия была отмечена также и водосток-трубопроводом под полом, который отводил дождевые воды со двора в северном направлении²⁴. Двор был вымощен мелким булыжником, а в портиках, поверх этой вымощки, обнаружен выравнивающий слой глиняной обмазки.

Все стены перистильного двора, включая и главный фасад храма Susi, были оштукатурены глиной с примесью мелкорубленой соломы, окрашены в синий цвет и украшены росписями. В разных местах портиков, почти у самых стен, среди обвалившейся глинобитной массы, при раскопках постоянно обнаруживались отдельные фрагменты этих росписей, постепенно складывающиеся в процессе их реконструкции в единую композицию.

Реконструкция этой композиции показала, что она принадлежит фризу, идущему по контуру стен всего двора, и посвящена культовой тематике.

²⁴ Трубопровод, уложенный под полом E-GAL, имеет хорошую сохранность каменных деталей данной системы. Установлено также, что уровень полов портиков, судя по северной стороне, был устроен выше уровня двора на 20 см.

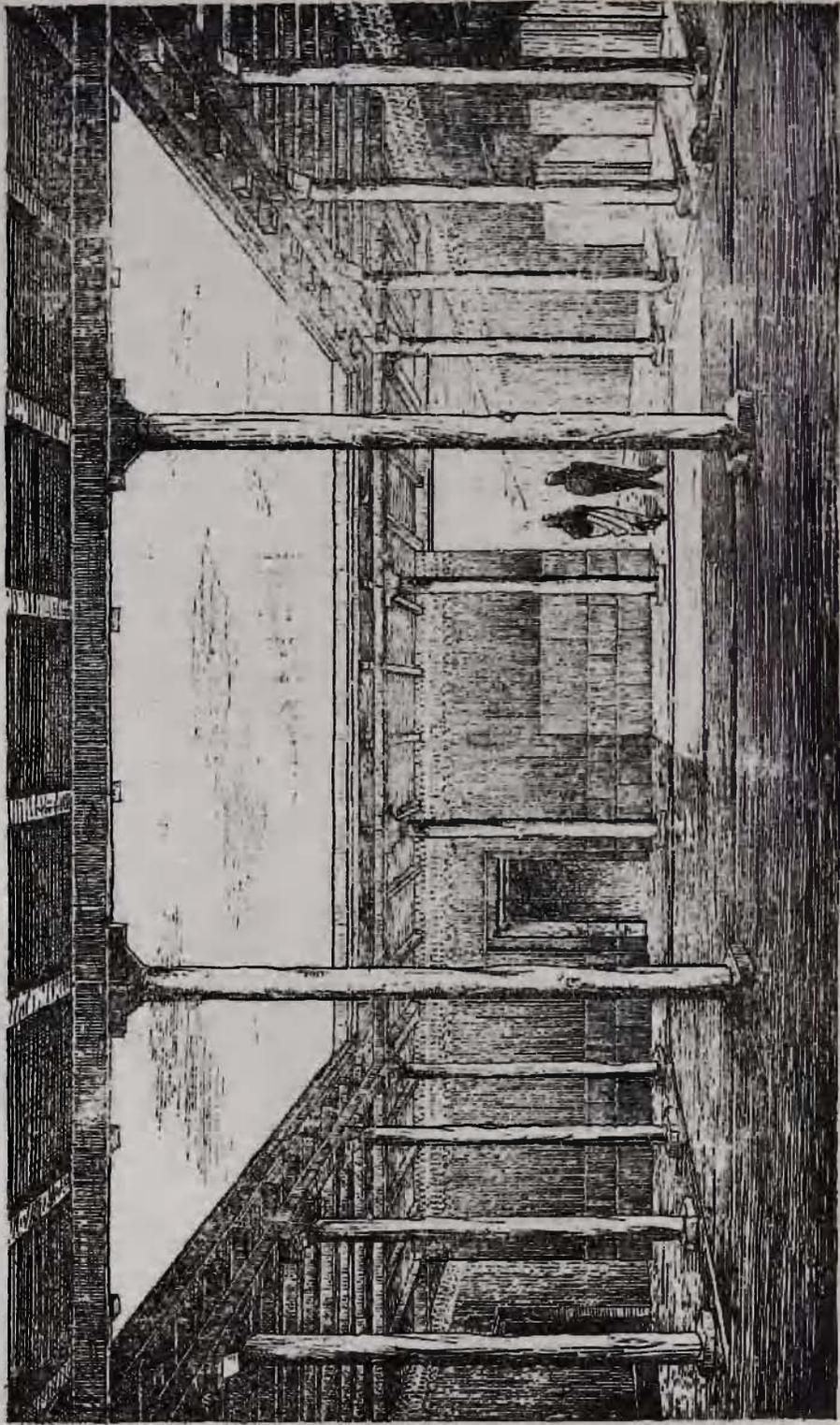

Рис. 10. Дворец. Реконструкция перистильного двора

Как выявили исследования некоторых остальных помещений дворца, роспись и окраска стен была и в них и в храме Susi. Таким образом, наличные остатки перистильного двора, как, например, стены сго общего контура, плиты от баз для колонн, алтарные сооружения в средней части двора, водосток и др., вполне обрисовывают его былой план. Исключив поздние застройки на основе этого плана, легко можно установить организацию внутреннего пространства перистильного двора и составить реконструкцию его былых архитектурных форм.

Однако для этой реконструкции нет аналогий ни в урартском, ни в месопотамском материале. Наличными являются лишь данные, полученные при настоящих раскопках. В результате архитектурно-пространственная композиция перистилия составлена в лаконичных формах, без каких-либо детализаций (рис. 10).

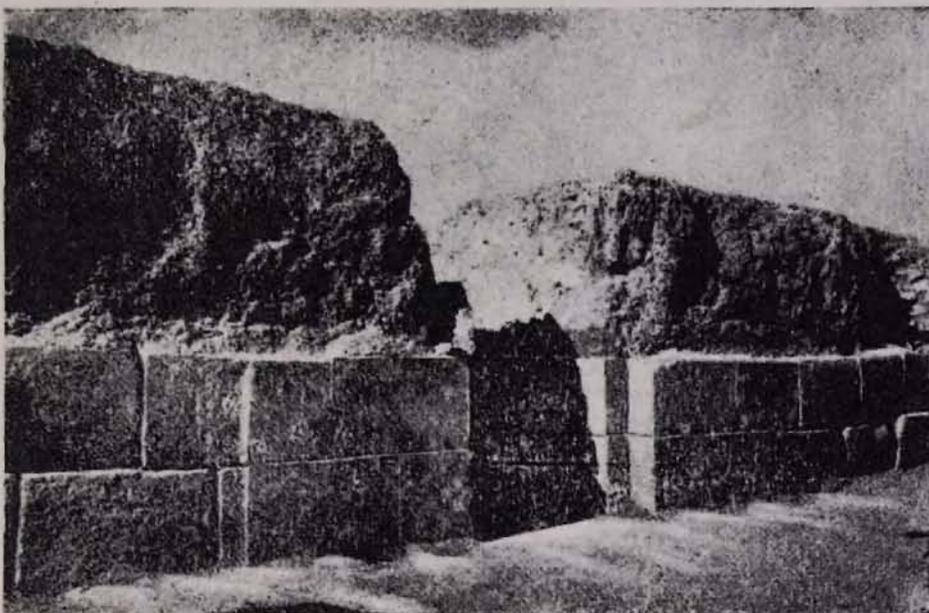

Рис. 11. Храм Susi. Главный фасад

В предлагаемой реконструкции, обусловленной наличным планом, неустановленными остаются лишь высота и диаметр деревянных колонн, размеры которых на месте ничем не были определены. Поэтому размеры этой высоты приняты в соответствии с конструктивной необходимостью, а также на основе приемлемых архитектурных пропорций. В основном, однако, высота портиков перистильного двора обусловлена высотой помещений, которые в данном случае являются наиболее точным ориентиром и имеют 4,2 м высоты.

В реконструкции показаны также архитектурные росписи в виде фриза на стенах двора и Susi, перед которыми находились их разрозненные остатки. Эта роспись оказалась идентичной росписям как внутри храма, так и в перистильном дворе, что определенно сближает их по тематическому содержанию.

Итак, общие формы перистильного двора, его плановое и пространственное решение, а также художественное оформление стен богатой и многокрасочной росписью, говорят о нем как о вполне сложившемся и зрелом архитектурном строении.

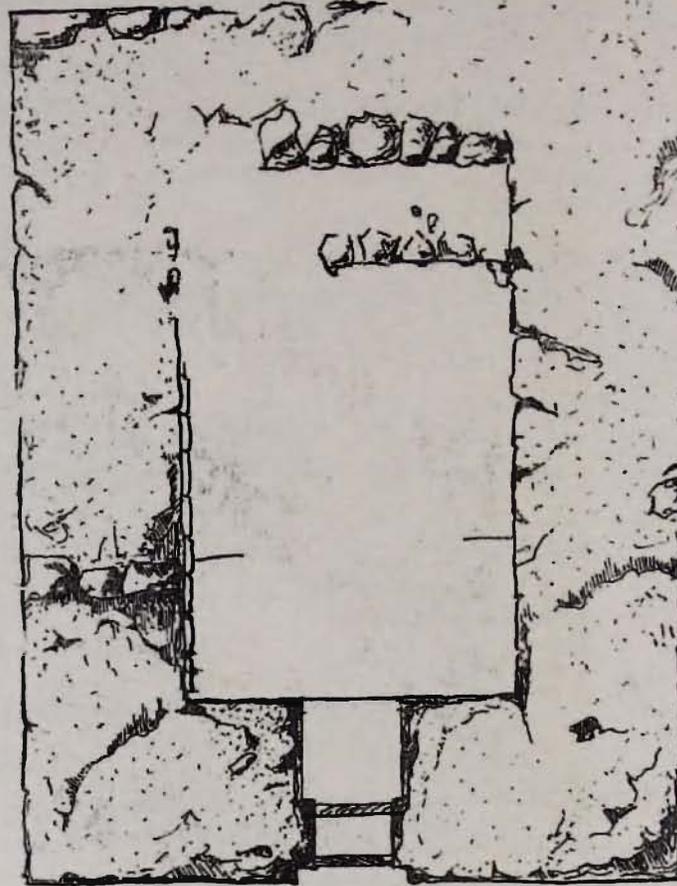

Рис. 12. Храм Susi. План (обмер)

В этом замкнутом в себе перистиле, доминирующем в центральной части дворца, довольно слабо подчеркивается расположение храмового сооружения Susi. Кроме того, расположенный за поперечным портиком, храм установлен не на центральной оси перистиля, а на оси смежного интерколумния. Это уже говорит о том, что в данной пространственной композиции ее ядром является именно перистильный двор.

Храм примыкает к перистильному двору с западной стороны, стоит в ряду с другими помещениями дворца и обозначен в двух идентичных надписях, высеченных по обе стороны от входа, термином Susi. Этот термин весьма часто встречается в урартских клинообразных надписях, но

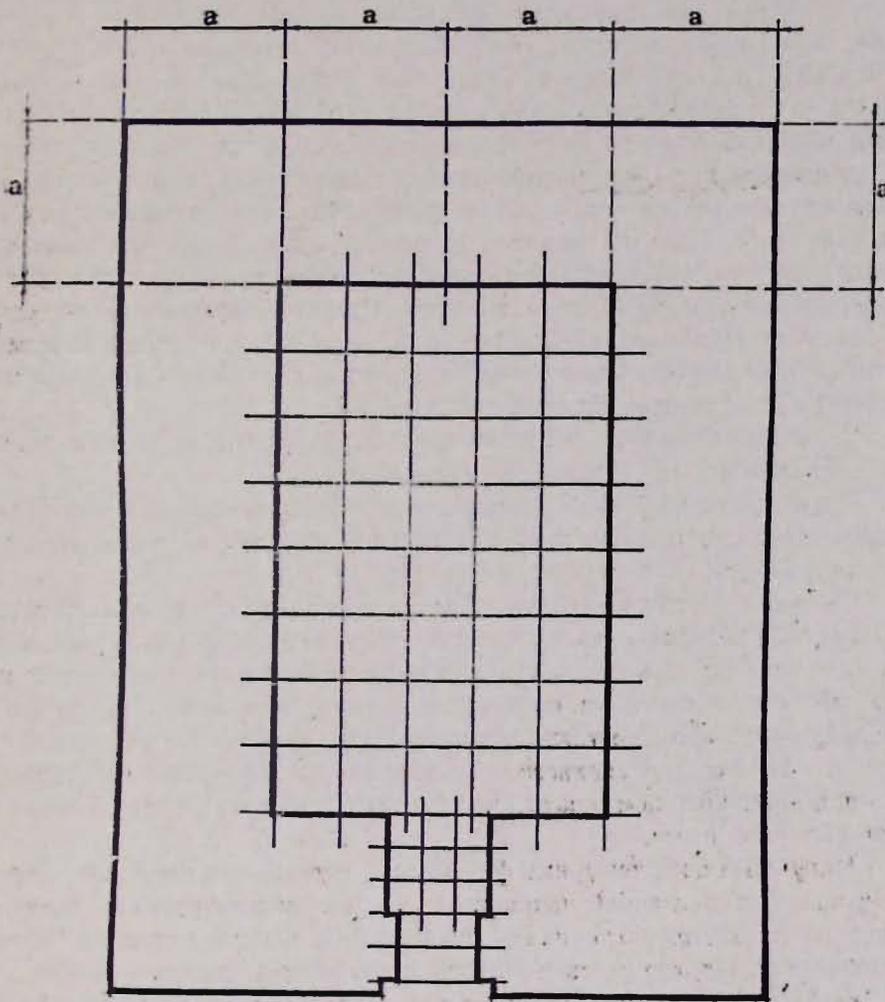

Рис. 13. Храм Susi. План (реконструкция)

он не был связан с определенным типом храмов. Теперь же раскопки на Арин-берде дали полное представление об архитектурном содержании этого урартского термина. В этой надписи также сообщается, что урартский царь Аргишти, сын Менуа, построив этот храм Susi, посвятил его

богу Иубша (возможно также чтение Иуарша²⁵), имя которого ранее в урартских надписях не встречалось. Г. А. Меликишвили этого бога сопоставляет с богом хетского пантеона и возникновение культа его в Эрбунни связывает с переселением пленных в Эрбунни из стран Цупани и Хате²⁶.

Храм Susi представляет собой прямоугольное в плане помещение, при внутренних размерах 5,05×8,08 м и наружных 10,00×13,45 м (рис. 12, 13). Таким образом, храм был небольшим, площадью около 40 кв. м. Предназначался он для ограниченного количества людей, почему и наличие его в дворцовом комплексе становится вполне понятным.

Несмотря на то, что западная стена храма сильно разрушена, все же план его выявляется полностью по наличным камням фундамента. Стена главного фасада сохранилась до высоты 2,6 м. Перед фундаментом западной стены храма по всей ширине интерьера уцелели остатки другого фундамента, который, надо полагать, принадлежал некогда стоявшему здесь жертвеннику. Примечательно, что, судя по сохранившимся остаткам фундамента, жертвенник стоял там, где обычно христианские базилики имели свое алтарное возвышение.

В отношении стран света план Susi также поставлен по диагонали, как это обычно для храмов Месопотамии.

Перекрытие Susi было плоским, и от него в обугленном состоянии сохранились куски балок, жердей и цыновок, т. е. все то, что обычно составляло перекрытие урартских построек.

Перекрытый таким образом храм, имеющий архитектурные росписи, должен был быть надлежаще освещен. Наличные стены Susi не сохранили каких-либо следов верхнебокового освещения, почему и следует предположить, что храм освещался верхним светом, через отверстие, устроенное в потолке, или, что также возможно, через дверной проем главного фасада. Возможность верхнего освещения вполне допустима еще потому, что при наличии в нем жертвенника отверстие в потолке требовалось и для вытяжки дыма.

Наружные архитектурные формы Susi, судя по его наличным остаткам, представляли собой лаконичные объемы, непосредственно вытекающие из прямоугольного плана сооружения. И лишь в средней части главного фасада, где устроен дверной проем, фасад отступает вглубь на 0,27 м. В результате вся наружная масса храма, как и внутреннее пространство, в своих границах обрисовывают четко построенные геометрические формы. Отличительной чертой этих форм является строгая симметрия. Объемы храма, его план и даже размещение клинообразных надписей на главном фасаде решены на основе полной симметрии, чего нельзя видеть в других постройках Арин-берда, а также Кармир-блуря (рис. 11).

²⁵ Մ. Իսրայելյան. Արին-բերդի Susi տաճարը և նրա արձանագրությունները. «Հայկական ՍՍՌ-ի Ա Տեղեկագիր» (հաս. գիտ.), № 9, 1957, էջ 93—104:

²⁶ «Вестник древней истории», 1959, № 1.

Говоря об архитектуре внешних форм храма, следует обратить внимание на некоторые характерные детали его оформления. Так, камень и главным образом туф здесь, в Susi, использован только для двух нижних рядов сооружения, причем в чистой теске камень уложен только в толще дверного проема, затем в части главного фасада, где по обе стороны от входа высечены клинообразные надписи, а также в интерьере на 0,5 м от углов проема. В остальной части храма как снаружи, так и внутри туф уложен в получистой теске и затем покрыт штукатуркой. В связи с таким использованием камня чистой тески линия, разграничивающая его от оштукатуренной части фасада, обрисовывает не горизонталь, как обычно, а вертикаль.

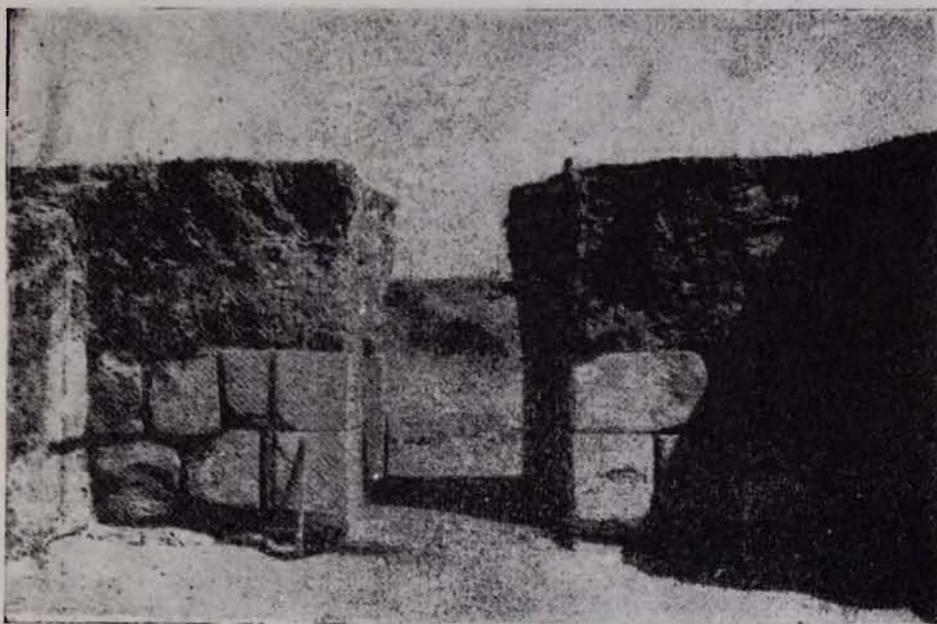

Рис. 14. Храм Susi. Интерьер

Таким образом, при сооружении Susi проявлена максимальная экономия в использовании камня чистой тески, уложенного только в наиболее необходимых местах, как, например, для мест клинообразных надписей или же где стена образует углы в проходах и, следовательно, подвержена более быстрой порче.

Все остальные фасады храма покрыты штукатуркой и окрашены в синий цвет. Поверх штукатурки помещалась архитектурная роспись, представлявшая фриз. В таком виде храм мог отличаться массивностью и парадностью своих архитектурных форм, говорящих на языке четких плоскостей и линий.

Парадным был и интерьер храма, где также была обнаружена синяя краска обвалившихся стен и на которых также были заметны следы росписи фриза (рис. 14).

Пространственные границы этого малого внутреннего помещения, охваченного мощными стенами, воспринимались как однородная, тяжелая масса. Мощь этих стен особенно сильно ощущается в дверном проеме, где толщина стен, при ширине проема 1,05 м, достигает 2,80 м. В связи с этим протяженность прохода, отделяющего экстерьер от инте-

Рис. 15. Дворец. Вход в залу с росписями

рьера, наряду с глухими стенами, придает сооружению характер статичной массивности, для которой пластика мелких деталей уже не может играть соответствующей роли. Здесь, следовательно, иное пространственное впечатление, чем в стоящем на площади большом здании, где в фор-

мах его широко раскинутого фасада многочисленны деревянные колонны придают пространственному восприятию здания определенную легкость и некоторую вертикальную устремленность.

Дополнением в архитектурной характеристике храма служат наблюдения, согласно которым внутреннее пространство Susi основано на строгой закономерности построения своих форм, что четко отражается в архитектурных пропорциях плановой композиции. Уже сами абсолютные размеры внутреннего пространства храма, равные $5,05 \times 8,08$ м, показы-

Рис. 16. Дворец. Северо-восточная стена зала с росписями

вают, что в основе интерьера лежит пропорциональный прямоугольник с соотношением сторон 5×8 . Но, как было нами выявлено еще раньше, соотношение 5×8 является основой урартских архитектурных пропорций, и, видимо, не только урартских, поскольку отдельные примеры этого соотношения, как и соотношения 7×11 , выявляются и для других архитектурных памятников²⁷. Подобные числовые соотношения, как показали исследования некоторых арин-бердских стеновых росписей, послужили также основой и для их построения. Такая строгая система архитектурных пропорций в урартских памятниках говорит о высокой художественной культуре древнего зодчества.

Итак, пернстильный двор и отчасти примыкающий к нему Susi явля-

²⁷ К. Л. Оганесян. Кармир-блур. IV. Архитектура Тейшебаппи. АН Армянской ССР. Ереван. 1955, стр. 100—108.

ются центральным ядром дворца или главной частью его плановой композиции. Все остальные помещения соответственно связаны с этим дворцом. Так, вход во дворец с южной стороны имел широкий проем, обращенный в сторону площади цитадели. Эти ворота имеют большое проходное помещение, причем вход в него с площади имеет лестницу в семь ступеней. В проходе, в толщу стены, была вставлена уже упомянутая клинопись Аргишти I о сооружении Ê-GAL. Противоположный простенок ворот на той же высоте имеет углубление в каменной кладке, по-видимому для аналогичной, но в дальнейшем утерянной, клинописи. В этом случае и в воротах, так же как и на стенах Susi, клинописи были расположены симметрично (рис. 5).

Вход имел двухстворчатые ворота, от которых на месте сохранились

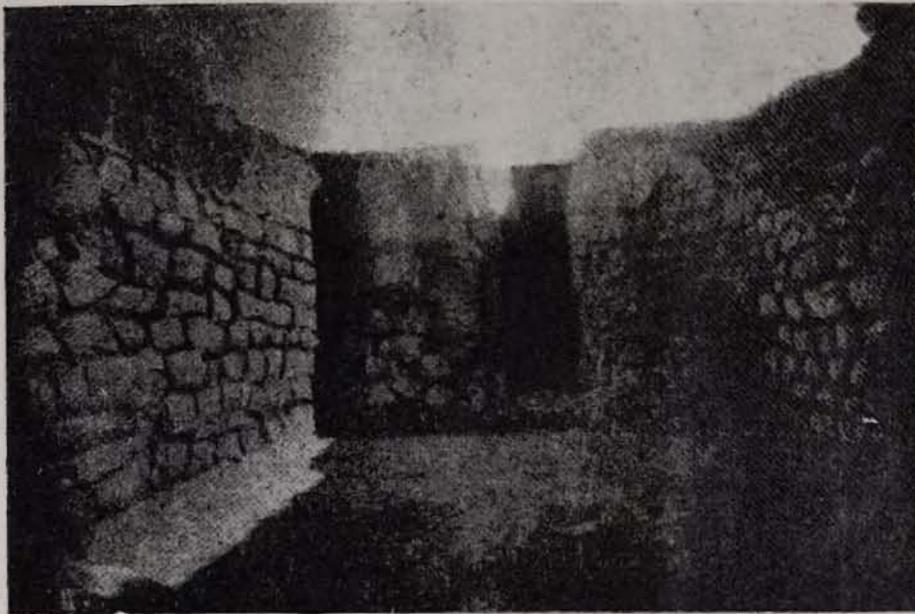

Рис. 17. Дворец. Ниша для жертвенника

лишь подпятные камни из туфа, установленные по обе стороны от лестницы. Что касается этой лестницы в семь ступеней, то, судя по различной их обработке, можно предположить, что только первая из них является первоначальной и относится к урартскому времени, а остальные шесть были добавлены при реконструкции дворца, возможно в ахеменидскую эпоху.

Проходное, прямоугольное в плане, помещение имеет с противоположной от входа стороны такой же проем, вводящий в портик перистильного двора. Из этого же помещения одна из дверей ведет в помещение с лестницей, расположенное справа от входа во дворец. В средней части этого помещения был воздвигнут массивный, прямоугольный в плане, пилон, вокруг которого, по всей ширине помещения, на различных вы-

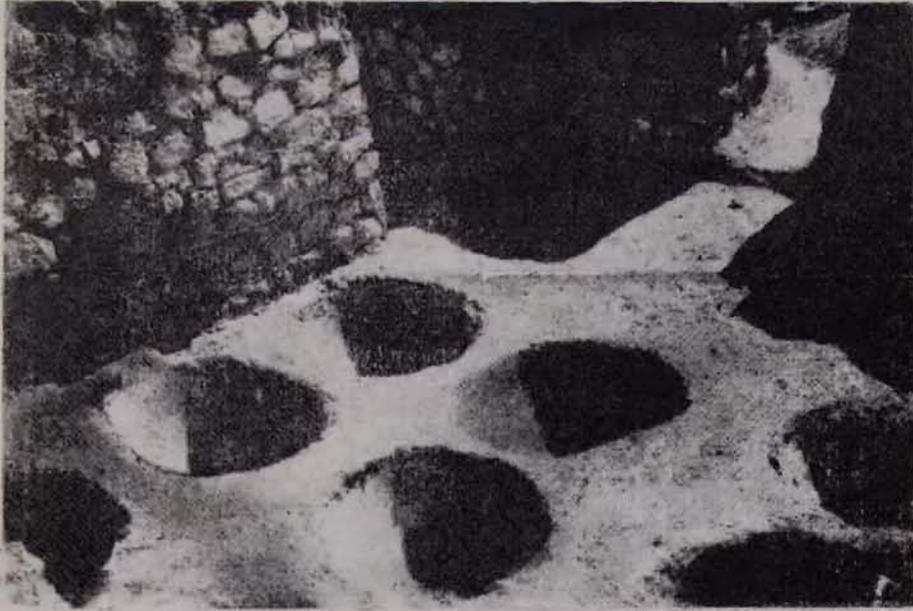

Рис. 18. Дворец. Красная комната

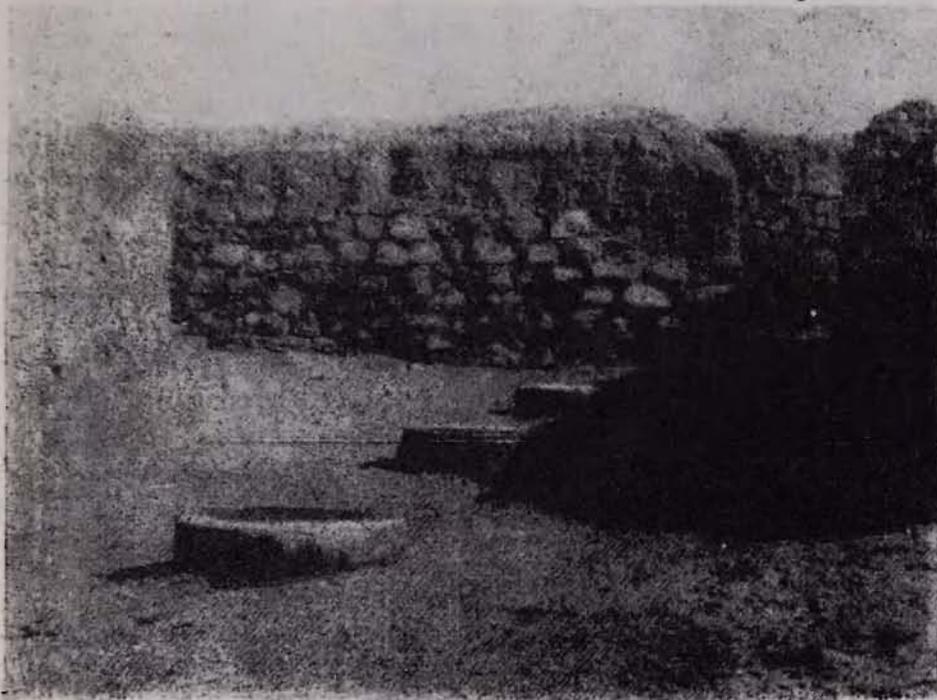

Рис. 19. Дворец. Колонный зал

сотах сохранились остатки кладки, служившей основанием для ступеней лестницы, ведущей на крышу здания. Лестницы подобной конструкции обнаружены на Арин-берде в двух его сооружениях, имелись также и в цитадели Тейшебаини.

Поскольку установлено, что раскопанная часть дворца была одноэтажной, можно предположить, что над лестницей находилось башнеобразное сооружение, чем подчеркивался фасад дворца со стороны площади цитадели. Но в то же время фасадная плоскость дворца имела в симметричном расположении широкие традиционные для зодчества Урарту контрфорсы, фланкирующие вход.

С левой стороны от входа во дворец и теперь можно видеть большой заложенный проем, который ранее служил проходом в соседнее помещение.

По-видимому, все эти комнаты, примыкавшие к проходному помещению, имели сторожевое назначение для дворца. Что касается самого проходного помещения, то оно было соответственно оформлено, на что указывают выявленные фрагменты росписей и раскрашенной штукатурки.

Обращаясь теперь к остальным помещениям дворца, можно видеть, что наиболее важными из них являются те, которые расположены по периметру перистилия. Так, три из этих помещений находятся против Susi, причем два связаны между собой дверным проемом.

Убрав позднейшую закладку дверного проема в первом предзальном помещении, где впоследствии была создана ниша, о которой скажем ниже, получаем вход в большой зал (разм. 7,4 × 17,0 м). Другой вход в этот же зал найден в симметричном расположении в третьем помещении. Таким образом, выявленный зал, равный ширине перистильного двора, своими симметричными входными помещениями создает строгую плановую композицию и парадность в архитектурно-пространственном восприятии (рис. 15).

В самом зале при его большой ширине (7,4 м) нет следов от баз для колонн, которые несли бы тяжесть перекрытия. Весь интерьер решен в виде единого внутреннего пространства, где только ниши, устроенные в продольных стенах — две с западной и одна с восточной — акцентируют это пространство (рис. 16).

Симметрично расположенные двери имеют отступы, образующие традиционные наличники, причем в данном случае с обеих своих сторон, чем подчеркивается их архитектурная равноценность.

Зал поражает богатством своего былого внутреннего оформления, композиционно разнообразными и многокрасочными росписями. Росписи образуют не фриз, как это обычно для других помещений, а широкую полосу, занимающую большую часть стены, начиная от отметки 1,4 м от уровня пола. Росписи обнаруживались и в нишах.

Судя по выявленным при раскопках раскрашенным в синий цвет потолочным доскам, был, следовательно, расписным и потолок. Кроме росписей, стены залы были покрыты коврами, поскольку здесь найдены места для зигатти (гвоздей).

Рис. 20. Дворец. Хозяйственные комнаты

Выявленный зал является самым подчеркнутым и важным местом дворца. Может быть это был зал царя Аргишти, который останавливался здесь во время своих походов на север.

Возвращаясь снова к описанию предыдущих помещений, отмечаем, что, несмотря на полное отсутствие в них археологического материала, все же представилась возможность выявить назначение входного и смежного с ним помещений после соответствующей реконструкции, в результате чего здесь была получена ниша. Эта ниша была образована путем закладки дверного проема, который вводил в фресковый зал дворца, и она напоминает обычную урартскую нишу, наиболее известной из которых является «Дверь Мгера» около Вана.

На полу этого помещения и главным образом в нише обнаружен толстый слой золы, достигающий до 20—25 см. В самой нише, кроме того, обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, также побывавшие в огне. Сама ниша имеет на своих стенах следы обжига. Соседняя комната обнаружена пустой и, надо полагать, являлась подсобной для предыдущей. Вся эта обстановка, хотя и не обрисовывает сколько-нибудь цельной картины, однако определенно наводит мысль на то, что здесь происходили жертвоприношения и, следовательно, в целом комплекс описанных помещений представлял собой святилище (рис. 17).

Эта ниша похожа на святилище Вавилонского дворца. Такую нишу имеет и храм E. Mach в Вавилоне, а также главный храм в Тель-Армале²⁸.

В качестве аналогии можно, кроме того, привести и святилище из раскопок Тейшебаини, также представляющее комплекс, но в данном случае состоящее из трех помещений²⁹.

Такое назначение этих помещений, расположенных в ряд и находящихся против Susi, не удивительно, если вспомнить, что между ними в центре двора стоял жертвенник, имевший форму кубического массива, сложенного из камня на глиняном растворе. Под этим сооружением частично находится зольный слой, отсутствующий под каменным блоком со ступенькой. Таким образом, стало ясным, что каменный блок со ступенькой и зольный слой под жертвенником принадлежали урартскому времени (рис. 58). Что касается самого жертвенника кубической формы, то он, бесспорно, позднейшего происхождения.

Рассматривая дальше данный комплекс, под южной стеной перистилия находим скамью из сырцового кирпича, известную урартскому зодчеству и по другим его сооружениям. Наконец, пол в приведенных здесь сооружениях выложен из базальтовых плит, чем он выделяется среди остальной части перистильного двора, вымощенного мелким булыжником.

Весьма интересным является помещение, расположенное в северо-восточном углу перистильного двора, где было открыто 11 больших ка-

²⁸ Taha Baqir. *Babylon and Borsippa*. Government Press-Baghdad, 1959, стр. 7.

²⁹ Б. Б. Пиотровский. *Кармир-блур*. I, стр. 67. К. Л. Оганесян. *Кармир-блур*. IV, стр. 54—58

Рис. 21. Дворец. Кладовая с карасами

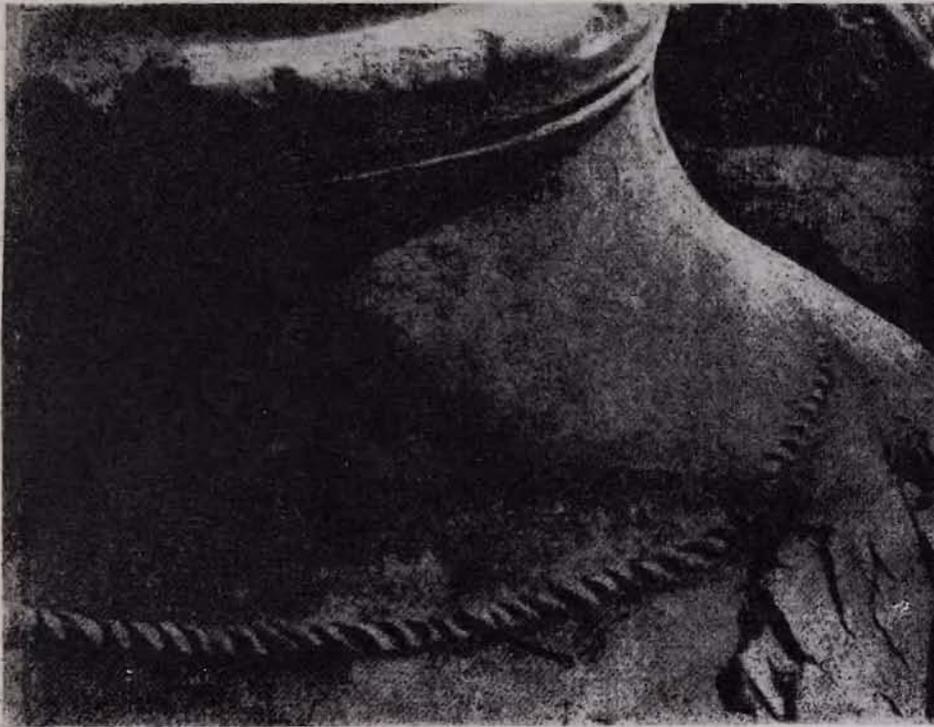

Рис. 22. Карас с клинописью из комнаты южной части цитадели

расов, каждый емкостью около 600 л. На первый взгляд, это помещение может показаться хозяйственным и потому несовместимым в смысле своего расположения в ряду культовых помещений дворца. Надо отметить, что эти карасы определенно предназначались для вина, на что указывают его следы, сохранившиеся в виде темного осадка. Но ни один карас не имел отметки емкости, как это обычно делалось на карасах хозяйственных кладовых. Поэтому само собой напрашивается предположение о том, что эти 11 карасов составляли не хозяйственную кладовую, а хранили вино для целей культа (рис. 18).

Мы хорошо знаем о том, что вино играло определенную роль в культовых церемониях урартов. Об этом у нас имеются прямые свидетельства. Так, в перечне добычи, захваченной Саргоном в мусасирском храме, упоминается «один большой сосуд (чан) из бронзы, вмещавший 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений богу Халди, наполняли вином возлияний»³⁰. Действительно, на ассирийском рельефе из дворца Саргона, изображающем мусасирский храм, на первом плане изображено два больших котла, которые, в связи с приведенным сообщением, должны были также служить для возлияний. Такой котел был найден и на Кармир-блуре, причем диаметр его верхней части достигал 1,25 м. Надо думать, он имел назначение, тождественное мусасирскому, и также стоял перед храмом. Не исключена возможность, что, подобно многим другим предметам, и этот котел был привезен в Тейшебаини из Эребуни. В Эребуни, как можно видеть, имелись соответствующие храмы, перед которыми могли бы стоять эти котлы.

В дополнение к сказанному приведем оттиск печати из Топрах-кале, в свое время опубликованный Леман-Гауптом. Здесь перед священным деревом показана человеческая фигура в молитвенной позе, а перед ней кувшин, как мы полагаем, также с вином для жертвенных возлияний³¹.

Основываясь на приведенных выше данных, можно, как нам кажется, прийти к заключению, что данное помещение служило именно для хранения вина возлияний, о чем говорится в ассирийских источниках.

Обращаясь теперь к остальной части дворца, расположенной на северных склонах холма, севернее перистильного двора, и судя по добытым здесь археологическим материалам, а также по архитектуре помещений, можно предположить, что эта часть дворца носила светский характер (рис. 20).

К помещениям, имеющим светское назначение, прежде всего относится колонный зал, расположенный в северо-западной части перистильного двора. Зал не имел непосредственной связи с двором; между ними, как и в предыдущем фресковом зале, находилась проходная, или предзальная, комната, что еще более подчеркивало его парадное назначение (рис. 19).

В настоящее время от колонного зала сохранилась лишь его часть.

³⁰ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 226.

³¹ Там же, стр. 281.

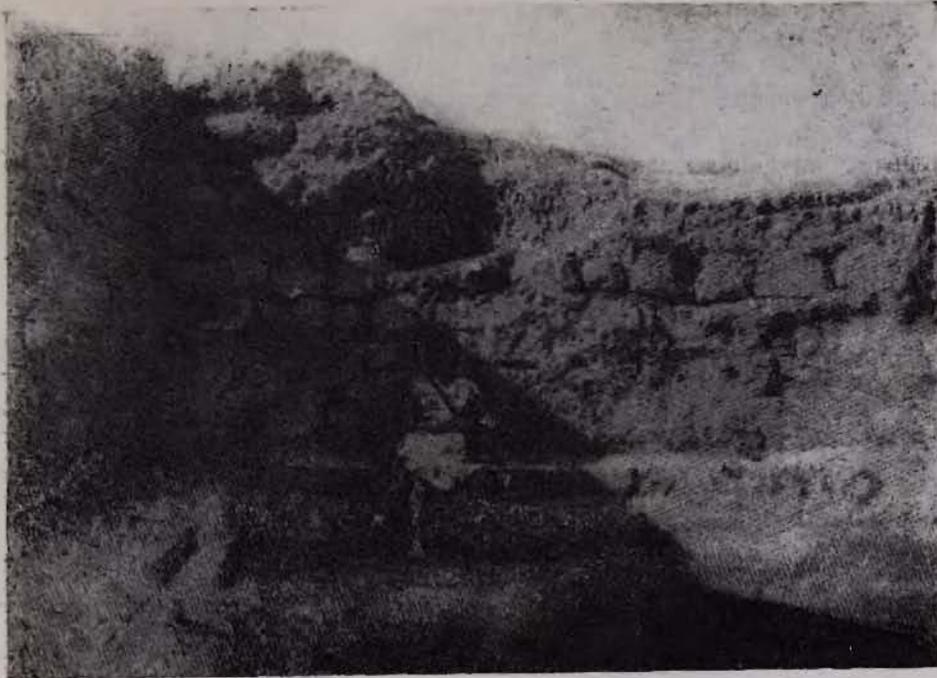

Рис. 23. Храм бога Халди. Остатки портика

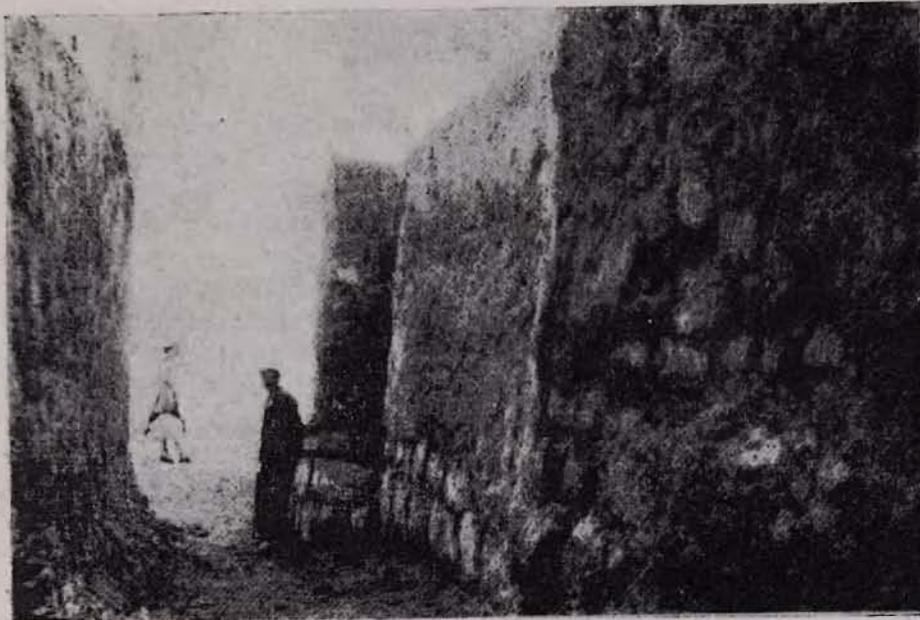

Рис. 24. Храм бога Халди. Южный фасад

в которой по продольной оси найдены три крупные базы, высеченные из туфа твердой породы и хорошо обработанные. Поскольку третья база находится на самой границе разрушенной части зала, надо полагать, что зал имел только эти три колонны. Длина зала может быть определена внешней стеной цитадели.

Кроме баз, в раскрытом помещении обнаружена глинобитная скамья, устроенная вдоль средней части южной продольной стены. Размеры зала говорят о том, что он мог служить для соответствующих торжественных или официальных приемов. О том, что зал был действительно

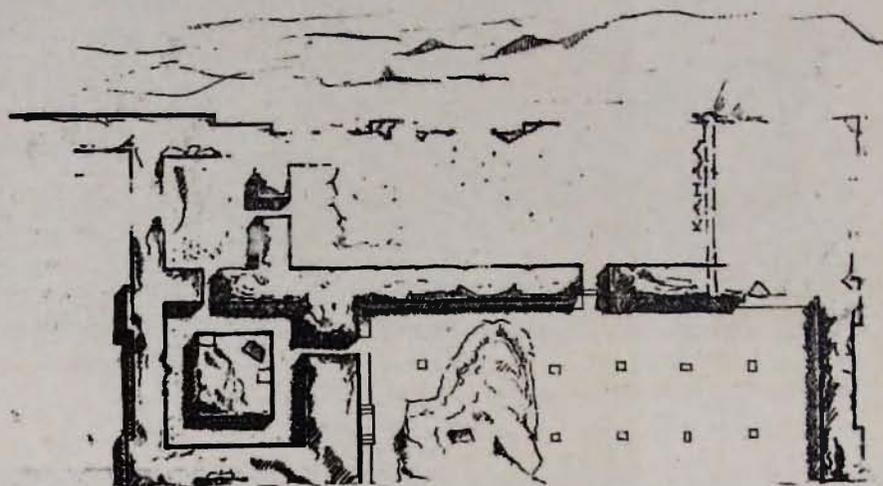

Рис. 25а. Храм бога Халди. План (обмер)

парадным, говорит, кроме того, и его архитектурное оформление. Так, потолки зала и предзального помещения состояли из широких балок состесанными краями в нижней потолочной части, уложенных вплотную друг к другу³². Потолок был выкрашен в темно-синий цвет, представляя, надо полагать, небесный свод. Примечательно, что в этом светском помещении совершенно не было обнаружено следов какой-либо росписи.

Таким образом, перед нами открылось первое урартское светское зальное сооружение с легкой деревянной колоннадой. Теперь уже можно сказать, что подобные урартские сооружения в своих интерьерах имели не массивные формы, как это ранее представлялось по мощным пилонам помещений Арагаца и Кармир-блур, а легкость и даже определенное их изящество. Во всяком случае ряд деревянных колонн создавал здесь вертикальную устремленность и глубину восприятия своего пространства.

Надо думать, что такое пространственное построение зала с колоннами по его продольной оси своей начальной формой имеет жилую архитектуру. Об этом говорят жилые дома, раскрытые в городской части

³² Аналогичной конструкции потолок нами был обнаружен также и в одном из помещений Кармир-блур. См. К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини, стр. 90.

Кармир-блур, хотя по времени они и являются несколько поздними сооружениями, безусловно имевшими свои древние традиции³³.

На основании наличных остатков зала легко дорисовываются его былые архитектурные формы. По этим формам зал, имеющий на своей продольной оси колоннаду, представлял, несмотря на такое членение, единое внутреннее пространство. Судя по размерам баз, колонны имели значительную толщину и, возможно, как и в портиках соседнего сооружения, доходили до 0,4 м в диаметре. Можно предположить, что, так же как и потолок, эти колонны были окрашены.

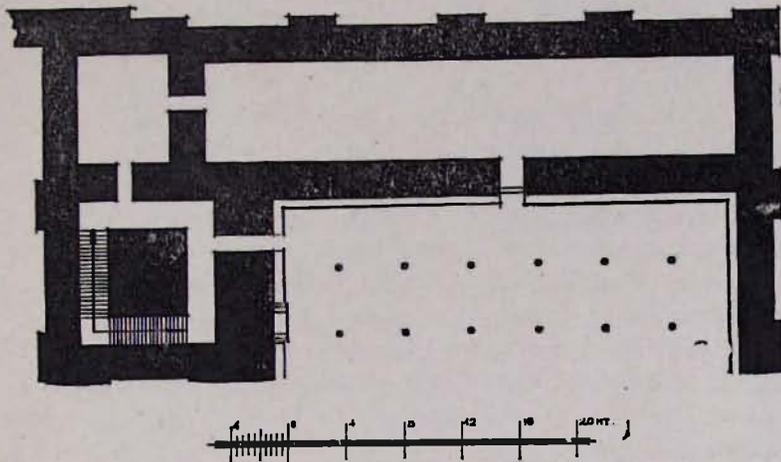

Рис. 256. Храм бога Халди. План (реконструкция)

На противоположной от зала стороне раскопками открыты пять расположенных в ряд комнат. Каждая из этих комнат имеет самостоятельный вход с перистильного двора и все комнаты, в свою очередь, сообщаются между собой. Это дает основание к предположению, что все они имели единое функциональное назначение. По всей вероятности, выход этих комнат в узкий коридор, образованный перед храмом Susi, и на площадку непосредственно перед ним говорит о связи этих комнат с храмом, как подсобных для него помещений.

Интересной оказалась находка, сделанная в дверном проеме, выходящем в коридор. Здесь найдены пока единственные на Арин-бердг остатки деревянной двери толщиной в 12 см.

Рассматривая, далее, комплекс двора, в ряду его помещений находим, устроенный между предзальной комнатой и карасной, коридор, который уводит в глубь северной части двора. По-видимому, именно отсюда был устроен основной вход из перистильного двора в жилую и хозяйственную часть двора.

Северная половина двора пока не закончена раскопками, но произведенные исследования определенно говорят о хозяйственном назна-

³³ Там же, стр. 30—31.

чении этого участка. Тут помещения располагались вокруг большого двора, в который симметрично выходят дверные проемы комнат (рис. 4). В западной части была обнаружена кладовая с крупными черными сосудами, врытыми в земляной пол.

Эта часть дворца существенно отличается от его средней части и в архитектурном отношении. Если перистильный двор с окружающими его помещениями был сооружен на предварительно выровненной местности, то здесь комнаты расположены по склону, что очень характерно для многих урартских подобных сооружений. Этот же принцип ступенчатости принят и в зданиях, построенных на западных скатах холма Аринберд. В результате мы имеем не только тесно связанные с рельефом местности здания, но и богатство их форм в пространственном восприятии (рис. 20).

На одной из таких ступенек, или выровненной площадке, расположен северный двор. Двор связывает различные уровни помещения лестницами, одна из которых обнаружена в его северо-западном углу.

Средняя часть двора еще не раскопана, однако, судя по остаткам многих стен, частично здесь раскрытых, уже теперь можно видеть, что двор был застроен и реконструирован впоследствии. Среди окружающих двор различных помещений только о назначении одного можно сказать с достоверностью как о кладовой, где раскрыты карасы с обозначениями их емкости. Остальные помещения не дали нужного археологического материала, позволяющего детально характеризовать их. Часто здесь выявляется битая керамика, которая лишь в целом определяет данную часть дворца как хозяйственную.

Итак, дворец на Арин-берде своими рассмотренными формами совершенно меняет наши прежние представления о характере урартских дворцовых построек и вообще о монументальном зодчестве Урарту, как имеющих одни только массивные, мощные и тяжелые архитектурные формы. Теперь уже видно, как деревянная колоннада зала или перистильного двора, стоящая на фоне раскрашенных стен, придает архитектурным формам интерьера определенную вертикальную устремленность, а следовательно и легкость в своем зрительном восприятии.

Новой представляется и форма перистильного двора, который являлся связующим звеном между различными дворцовыми помещениями и имел одиннадцать несимметричных дверных проемов. Все эти помещения, в ряду которых стоит также храм Susi, находились в подчинении господствующего в центральной части дворца перистиля. Это обстоятельство весьма примечательно, так как, кроме Египта, перистильный двор, судя по известным материалам, оставался неизвестной архитектурной формой для Передней Азии. В Месопотамии деревянные колонны не получили широкого развития в архитектуре, несмотря на то, что они встречаются в раннем шумерском зодчестве (Эль-Обсид, Ур, Киш), где основными формами являются массивные стены и узкие, перекрытые коробовым сводом или деревянным настилом помещения.

Обращаясь теперь к зодчеству Египта, можно отметить в нем пе

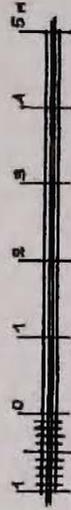
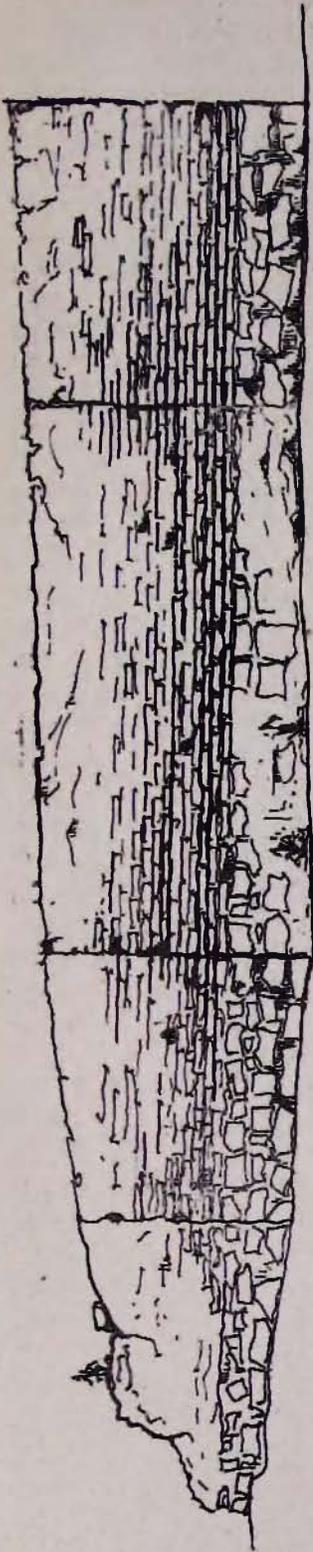

Рис. 26. Храм бога Халди. Обмер южной стены

только композиционное различие построения колоннад, но и характерные формы перистилия в культовых, дворцовых и жилых постройках. Между тем в перистильных дворах Египта монументальная колоннада заметно вытесняет собою пространство в портиках, и последние уже теряют свое пространственное выражение (Рамессеум, Мединет-Абу и др.). В этом смысле общность перистильных дворов Египта и Урарту имеет мало точек соприкосновения, что указывает на отсутствие генетической связи.

Можно полагать, что из стран Переднего Востока Мидия могла иметь, судя по некоторым ее жилым и монументальным сооружениям, композиционные решения пространственной организации, основанные на деревянной колоннаде. К ним относятся жилые дома северной части страны или же дворцы столицы Мидии — Экбатаны, в которых обнаружены многоколонные залы. Что касается самих перистильных дворов, то и здесь, в Мидии, мы их в явственных формах не находим.

Итак, пока только Урарту своими памятниками города Эребуни представляет перистильные дворцы древнего Востока. Это пространственное построение перистильных дворов могло здесь, на урартской почве, получить свое зарождение и развитие, имея исходные формы дворовых портиков с деревянными колоннами типа жилых домов Тейшебаини и урартского поселения села Арагац. Будучи расположенными вдоль одной из дворцовых стен указанных домов, эти портики могли бы путем простого повторения, оконтурив двор, перейти в перистильную форму. Известно также, что портики к рассматриваемому времени являлись составной частью урартских храмов.

Уже давно было указано на то, что перистильные дома эллинизма (имеющие в плане принципиальное сходство с урартским дворцом) в своем ядре имели мегарон (дома Приены)³⁴. Последний, как это теперь стало известно по раскопкам Тейшебаини, был знаком также и зодчеству Урарту. Однако в плановой композиции перистильного двора аринбердского дворца не видно следов, ведущих от мегарона, как основы формирования перистильного построения двора, что особенно четко выступает в сооружениях Крита. Все сказанное укрепляет нас в убеждении, что перистильное устройство дворов урартского дворца на Аринберде берет свое начало от портиков урартских жилых домов.

³⁴ «История архитектуры в избранных отрывках». Составили М. Алпатов, Д. Аркин, Н. Брунов. Изд. Всесоюз. Акад. арх. М. 1935. К. Свобода. Перистильные дворы и виллы эллинизма, стр. 113—120.

ХРАМ БОГА ХАЛДИ

В юго-западной части цитадели Эребуни раскопки 1950—1955 гг. открыли остатки огромного сооружения или комплекса различных помещений, занимающих здесь подчеркнутое место и расположенных смежно с южной стороны дворца (рис. 3).

Раскопки 1956 г. показали также, что территория перед входом в этот комплекс была частично крытой, о чем говорят обнаруженные стены, пилоны, балки от перекрытия, а также жерди и камыш.

Наличный комплекс как по абсолютным размерам своих помещений, так и по характеру их архитектурных форм в общей плановой композиции раскрываемой части цитадели занимает наиболее подчеркнутое и доминирующее положение. Последнее обусловлено и расположением данного комплекса непосредственно у ворот цитадели, где вделанная в стену клинопись Аргишти, сына Менуа, повествует об основании Эребуни.

Этот комплекс состоит из пяти помещений. Два из них представляют большие залы, к которым примыкают две комнаты, видимо подсобного назначения. Пятое помещение имеет мощные стены, большой центральный пилон и лестницу вокруг него, ведущую на крышу или же на башню. Исследование этого комплекса показало, что он имеет явные следы пристроек и перестроек, которые и создали его наличную архитектурную форму, отличную от первоначальной. Наиболее крупной из таких пристроек является юго-восточная часть большого тридцатиколонного зала, который был достроен к портику первоначального сооружения, что подтверждается исследованием как архитектурных форм, так и конструкции и материалов обеих частей рассматриваемого памятника. Прежде всего бросается в глаза, что стены первоначального сооружения и пристройки, не имеющие необходимой конструктивной связи, приставлены одна к другой. Так, по указанной границе пристройки, с внутренней стороны колонного зала, виден выложенный из туфа некогда внешний угол башнеобразного сооружения, к которому и была приставлена последующая стена.

Различие касается и самой кладки стен. Ранние стены имеют цокольную часть, выложенную из туфа и базальта вперемежку. Система кладки стен напоминает так называемую кладку «мидис», которая легла в основу последующего древнеармянского зодчества и нашла там не только широкое применение, но и дальнейшее развитие и усовершенствование.

Стены пристроенной части, в отличие от первоначальных, имеют доколь, выложенный с внутренней и внешней сторон всего из одного ряда базальтовых блоков чистой тески. Надо полагать, что подобная обработка камней, принадлежащая послеурартской эпохе, имела традицию, идущую от Тейшебаини, где было обнаружено много блоков из базальта чистой тески.

При раскопке базальтовых плит, служивших основанием баз для деревянных колонн, мы видим, что и они различны в обеих частях сооружения. В пристроенной части, в отличие от ранней, эти основания выложены из более мелких плит, изготовленных из более мягкой породы туфа. В древней части камень плит напоминает тот туф, из которого сложен храм Susi.

Поскольку пристройка была осуществлена значительно позже основной части сооружений, различными оказались и их архитектурные формы, как, например, контрфорсы фасадных стен. В пристройке они значительно уже, чем контрфорсы основной части (рис. 40а).

Эти различия контрфорсов по пропорциям не являются случайностью. Так, построенные ранее более широкие и, следовательно, более мощные контрфорсы хорошо сочетались в пропорциональном отношении с формами монументального башнеобразного сооружения. А в позже сооруженной части, где подчеркивалась одна лишь плоскость главного фасада, пропорции контрфорсов были приняты иными.

Дальнейшими раскопками (1958), когда была открыта вторая клинопись Аргишти об основании Эребуни, помещенная на стене у входа в цитадель, стала ясной принадлежность данной стены урартской эпохе, и деление строительных остатков на урартские и послеурартские не представлялось трудным делом. Совершенно очевидно, что зал на Арин-берде, имевший вид ападаны, не был изначальным, а был создан после пристройки значительной части к более раннему храму, имевшему портик, хорошо известный в храмах типа Бит-Хилани.

Наконец, обе рассматриваемые части разграничены между собой также и линией фундамента, который, однако, стал раскрываться только лишь в 1960 г.

Итак, исключив позднейшую пристройку, нетрудно получить архитектурные формы первоначального сооружения. Оно состояло из большого зала, одного смежного с ним подсобного помещения, помещения с пилоном, служащего лестницей, ведущей на плоское перекрытие или в башню (рис. 25а, 25б).

Стены сооружения хотя и оказались разрушенными, однако местами сохранились до 3,1 м. Это обстоятельство позволило дать реконструкцию общих форм здания. В реконструкции не могли быть отмечены какие-либо архитектурные детали (рис. 27). Будучи выложенными из сырца-кирпича, они, так же как и все стены выше цокольного ряда, разрушились, совершенно потеряв свою форму.

Первым из помещений этого комплекса в 1950—1951 гг. был раскопан зал, расположенный по наружному контуру цитадели. Отрезок его

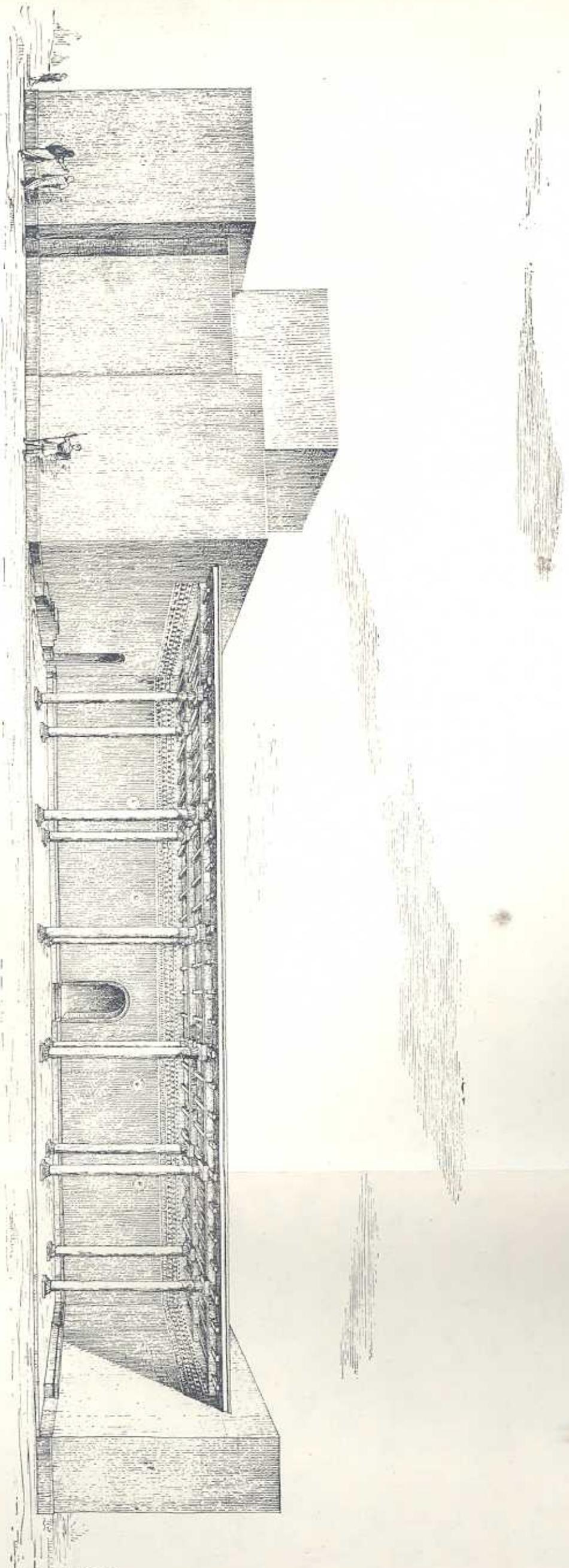
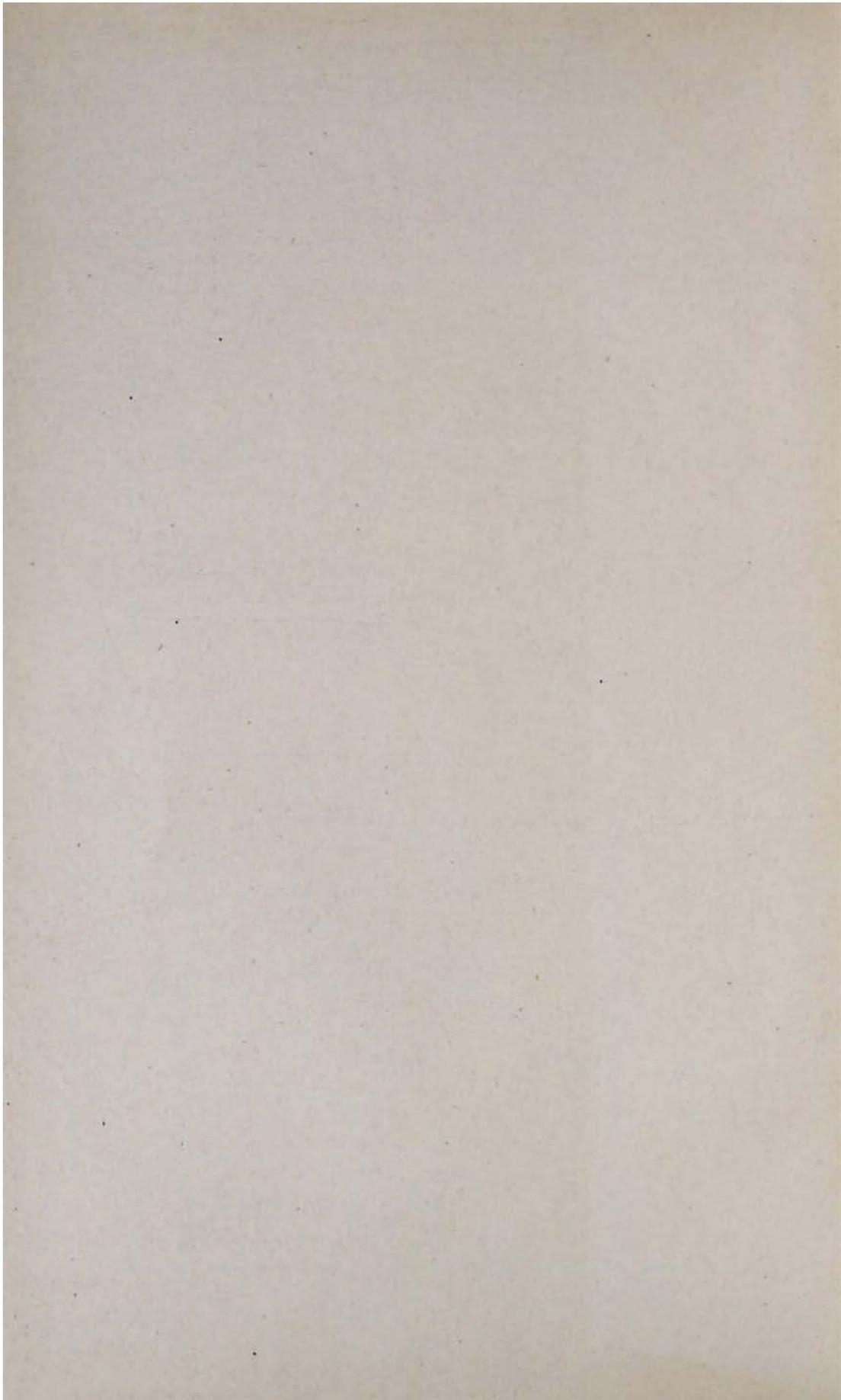

Рис. 27. Храм горы Хайин, Петровскійкум.

внешней юго-западной стены, теперь почти бесследно потерянный, за исключением еле заметных следов фундамента, является вместе с тем наружной стеной цитадели. Этот, довольно больших размеров, зал сохранил лишь одну продольную и отрезки двух поперечных стен высотой до 3,1 м. В остальной своей части зал полностью разрушен, но по следам фундаментов можно восстановить его план, представляющий прямоугольник (8×37 м).

Плохая сохранность зала не позволила обнаружить следы каких-либо опор для его перекрытия. Между тем, как показывают раскопки урартских построек, помещения подобной ширины всегда имели в своем продольном направлении опоры в виде колонн или пилонов. Наглядным является пример зала арин-бердского дворца или же так называемое «большое здание», раскопанное А. А. Ивановским в Ташбуруне³⁵. В них можно видеть базы от вертикальных опор, поддерживавших перекрытие. Поэтому следует полагать, что и в данном случае на продольной оси этого зала в свое время могли быть установлены деревянные колонны.

С южной стороны к этому залу примыкала небольшая комната, общавшаяся с ним дверным проемом. По-видимому, эта комната являлась подсобной по отношению к большому залу.

Под полом зала и портика было обнаружено интересное сооружение — канал, отводивший дождевые воды с площади перед зданием за пределы цитадели, как и в перистильном дворе дворца. Раскопки показали, что этот канал, высотой в 0,7 м, был покрыт рядом плоских камней, а под массивными стенами, кроме того, было уложено семь балок, несших всю тяжесть стены. Примечательно, что эти деревянные балки прекрасно сохранились и до наших дней; на них видны следы их обрубания металлическим топором (рис. 61).

Весьма любопытной деталью этого зала был пол, выложенный из деревянных дощечек. Хотя эти дощечки были открыты в сильно поврежденном состоянии, все же представилась возможность выяснить их форму и размеры, по которым они оказались очень близкими к современному паркету.

Как показали раскопки, рассматриваемый зал имел богатое оформление своего интерьера и портика. Стены его были украшены многокрасочными росписями, составлявшими композиции с изображениями богов, что указывает на то, что этот зал был храмовым помещением (рис. 29—32). По форме он был близок к ассирийским храмам, в частности к храмовому помещению дворца Ашурназирпала II, где были помещены статуя царя и жертвенник. Именно для ассирийских храмов характерна вытянутая прямоугольная форма помещения, обусловленная длиной деревянной балки. Рельефы, которые украшали стены ассирийских храмов, в рассматриваемом храме были заменены росписями, также не чуждыми ассирийскому искусству.

³⁵ А. А. Ивановский. Указ. соч., стр. 32.

Данный храм, как и Susi, также поставлен по диагонали в отношении стран света, как это обычно для храмов Месопотамии.

Обращаясь к архитектуре главного фасада, можно видеть, как массивная монументальная стена, столь характерная для этого зодчества, отступает назад, и на первом плане храма бога Халди оказывается легкая деревянная колоннада. На главном фасаде храма был сооружен портик, состоявший из 12 колонн, размещенных в два ряда, которые, подчеркивая вертикальную устремленность, придавали фасаду нарочитую легкость. Этот тип фасада, характерный для Бит-Хилани, определенно связан с архитектурой жилого дома. Примеры, подтверждающие сказанное, можно найти в жилых кварталах Тейшебаини, где деревянные колонны очень часто встречаются как в виде опоры перекрытия комнат, так и поддерживающими навесы на дворах³⁶.

Южная часть фасада рассматриваемого храма стоит в отношении к северной как бы в контрастном сочетании, противопоставляя ее легкой колоннаде монументальную башню, напоминающую зиккурат (рис. 27).

Таким образом, и тут проявляется принцип асимметричных решений, столь характерный для архитектуры Двуречья.

Асимметричные композиции, характерные для памятников урартского зодчества, определяют большие возможности живописного и перспективного восприятия форм. В связи с этим всегда, даже при необходимости стереотипной передачи форм, композиция сбивается на асимметрично поставленные элементы.

Обращаясь теперь к башнеобразному сооружению, или к так называемому зиккурату, отмечаем, что и он в своем плане имеет некоторое несоответствие с точки зрения симметрии, не связанное, однако, с указанным здесь принципом, а имеющее конструктивное обоснование. Это проявляется в утолщении северной стены, на которую именно и ложилось плоское перекрытие портика. Внутри этого помещения находится массивный пилон, оставлявший для обхода вокруг себя лишь небольшой коридор. По аналогии с цитаделью на Кармир-блуре можно заключить, что это помещение заключало в себе лестницу, ведущую наверх. Раскопанные вокруг пилона, туфовые камни серого тона и получистой тески принадлежали, видимо, завершению этого пилона, который, образуя башнеобразную форму, имел соответствующий карниз. В таком виде архитектурно-пространственная композиция сооружения как снаружи, так и внутри создавала своеобразные формы. В представленном в нашей реконструкции виде эта башнеобразная форма отдаленно напоминает зиккураты Двуречья.

По мнению Б. Б. Пиотровского, в VII в. до н. э. Эребуни пришел в упадок и был заброшен, и именно тогда многие предметы из его кладовых были перенесены в Тейшебаини, где и хранились до последнего дня его существования. По надписи на щитах, найденных среди этих предметов, устанавливается, что они были посвящены верховному богу урарт-

³⁶ К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини, стр. 30—31.

ского пантеона — богу Халди, изображение которого имеется и в росписи в виде фигуры бородатого бога, стоящего на льве. Мы хорошо знаем, что именно лев был символом Халди, в то время как бык относился к Тейшебе. Поскольку посвячительные щиты должны были быть размещены на стенах храма, то мы их и показали развешанными на стенах реконструированного храма, считая, что и весь храм был посвящен Халди. Это предположение подкрепляется еще и тем, что бог Халди являлся также богом войны, а Эребуни, как это теперь известно, являлся крупным военным центром страны.

Описанный тип урартского храма, раскопанный на Арин-берде, не был единственным. В течение длительного периода своего существования урартское зодчество создало различные типы храмовых построек, которые в настоящее время известны по многочисленным текстам клинообразных надписей. В этих надписях можно найти упоминания о культовых постройках, к которым относятся: \hat{E} — дом (бога) — храм, \hat{E} -Ваг — храм, \hat{I} agan \hat{I} — часовня, \hat{s} \hat{i} st \hat{i} lu — ворота богов и Susi, теперь уже известная архитектурная форма. Возможно, что, кроме них, воздвигались и другие сооружения, также имевшие религиозно-культовое назначение — предположение, возникшее в результате анализа некоторых урартских текстов, предложенного Гр. Капанцяном, который в терминах \hat{b} urgana и \hat{b} argudi — \hat{b} idu видит именно обозначение священных построек³⁷.

Между тем при таком значительном количестве видов урартских храмов их наличные остатки представляют весьма ограниченное число, и потому наши сведения о храмовой архитектуре Урарту основываются на комплексном рассмотрении всего материала. Выявленные характерные примеры храмовых построек приводят, однако, к двум принципиально различным типам, которые, по всей вероятности, и являлись основными в развитии культурного зодчества Урарту.

Вместе с тем это не означает, что все храмы, известные по надписям, составляли всего два типа. Первый из этих типов представляет храм прямоугольного плана с входным проемом, устроенным с короткой стороны прямоугольника, которая и становится главным фасадом сооружения. Этот тип урартских храмов, независимо от различия своих архитектурных решений, в частности, представляют: храм, раскрытый на вершинах Топрах-кале, храм в Мусасире, известный по ассирийскому изображению и, наконец, Susi на Арин-берде.

Другой тип также представляет прямоугольное сооружение, однако входы в него здесь устроены со стороны продольной стены прямоугольника. Данный тип представляют: большое здание или храм, раскрытый в Ташбуруне, и арин-бердский храм бога Халди. Оба эти типа связаны с ранними архитектурными традициями, бытовавшими и в других странах древнего Востока. Так, например, для храмов первого типа, имеющих

³⁷ Гр. Капанцяна. История Урарту. Ереванский государственный университет. Научные труды. Т. XIV. Ереван. 1940 (на арм. яз.), стр. 78—79.

прямоугольный план с входом, устроенным с торца, можно найти некоторую аналогию среди архитектурных форм стран, сопредельных Урарту. В связи с этим в литературе часто, как пример, приводятся план Тель-Тайнатского храма-мегарона (Сирро-Хетты) или отдельные архитектурные детали памятников в Ливии и Пафлагонии. Но эти аналогии, связанные лишь с общей формой, убеждают нас в том, что первый тип храма получил на урартской почве самобытное развитие, следовательно, мусасирский храм на подиуме с фронтоном и колоннадой следует рассматривать как результат творческих исканий урартских зодчих.

Архитектурная форма храма Susi имеет весьма большое значение не только для характеристики храмового зодчества Урарту, но и для определения всего последующего развития культового зодчества уже христианской эпохи древней Армении, у историков которой, как основная архитектурная форма, появляется прямоугольная в плане постройка, завершенная апсидой, и близкая к Susi. Следовательно, совершенно определено, что в эволюционный процесс раннехристианских культовых сооружений древней Армении включились и долго жившие типы урартских храмов.

Рассматривая второй тип урартских храмов, можно привести уже целый ряд аналогий из архитектуры древнего Востока, где подобная композиция кладется в основу при создании храмовых сооружений, как отдельно стоящих, так и в комплексе дворцов. К ним относятся храмы городов Упи, Абу в Ашнуаке, Иштар в Вавилоне, храмы в Тель-Халафе и др. Еще ближе будут ассирийские аналогии, о которых уже говорилось выше. Эти формы связаны с Бит-Хилани, характеризующимся колоннадой портика. Башня, помещенная у фасада арин-бердского храма, также может быть связана с зиккуратами, часто сопутствующими храмам рассматриваемого типа.

Наши представления о типах урартских храмов не могут считаться окончательными, пока мы располагаем небольшим археологическим материалом и пока мы не будем знать реальное содержание урартских терминов, употреблявшихся для обозначения храмовых сооружений.

Понять формы храмов можно только при знании культовых церемоний, связанных с религиозными представлениями, которые, несомненно, вносят определенные дополнения в пространственные построения форм храма. Что касается урартской религии и связанных с ней мифов, то наши сведения по этим вопросам еще крайне скудны. Известно, однако, что в урартских культовых церемониях особое место занимали жертвоприношения рогатого скота, а может быть и человеческие³⁸. Имсли также место подношения богам различной утвари, оружия, доспехов и т. д., о чем часто упоминают клинообразные надписи, сделанные и на самих посвященных предметах.

Жертвоприношения сопровождалась молениями перед статуями богов или перед небольшими статуэтками, находимыми около жертвенников.

³⁸ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 273—274.

Местом, где происходили культовые церемонии и жертвоприношения, являлись храмовое сооружение или площади перед ними, святилища, портики и т. д.

Итак, с культовыми церемониями, происходившими в урартских храмах, прежде всего связаны жертвенники — пока что единственно известные нам атрибуты жертвоприношений. В данном случае можно констатировать лишь то, что жертвенники или другие предметы, связанные с жертвоприношениями, как, например, котлы, устанавливались как внутри храма, так и перед их главными фасадами. Именно потому монументальные скульптуры и бронзовые декоративные посвятельные предметы помещались не только внутри храмов, но и перед главными фасадами, что видно на примере мусасирского храма.

Выше уже указывалось на то, что в ранних памятниках древнеармянского зодчества можно видеть пережитки древних традиций, восходящих к Урарту. Так, между планами однонаправленных базилик Танаатванка, Дилаклара, Двина и др., с одной стороны, и планами арин-бердского и ташбурунского храмов, с другой, — имеется много общего. В этих древнеармянских базиликах довольно четко прослеживается наличие и в урартских постройках стремление подчеркнуть продольную стену сооружения, превращая ее в главный фасад, и раскрыть за ним внутреннее пространство в поперечном направлении. В этом отношении весьма характерна базилика Танаатванка или Джрвежа³⁹, имеющая всего один выход, устроенный в продольной стене. В остальных же ранних базиликах, где входы устроены как в поперечной, так и в продольной стенах, в последних обычно их число удвоено, чем опять-таки подчеркнута значимость продольной стены, как главного фасада.

Наконец, именно с продольной стороны, как на армянских, так и на рассмотренных урартских памятниках, возводятся дополнительные сооружения, обычно портики.

Здесь следует вспомнить мнение Г. Глюка о происхождении однонаправленных христианских церковных зданий Армении, рассматривавшего их как результат северо-месопотамской эволюции. Г. Глюк также считает, что из смешения этих традиций (помещения широкого типа) с христианским эллинизмом (помещения продольного типа) именно и возникли упомянутые планы древнеармянских храмов⁴⁰.

Приведенную точку зрения Г. Глюка можно, как нам представляется, признать лишь после перенесения истоков развития этих памятников однонаправленной архитектуры Армении из северной Месопотамии и Сирии в глубь веков — в Урарту.

³⁹ Раскопки Джрвежской базилики производились в 1959 г. И. М. Токарским.

⁴⁰ Heinrich Glück. Die hellenistische Überlieferung: Das tonnengewölbte Langhaus. Josef Strzykowski. Die Baukunst der Armenter und Europa, 1918. T. I, стр. 373—417.

АРХИТЕКТУРНАЯ РОСПИСЬ

В монументальных сооружениях Урарту видное место занимала архитектурная роспись, а в известной степени и монументальная скульптура. В связи с этим, привлекая в качестве иллюстраций ряд урартских памятников, как, например, арин-бердские храмы и дворец, рельеф с изображением мусасирского храма, недавно ставший известным крупный рельеф из Адильджеваза и др., можно даже сделать вывод, что синтез искусств, возможно еще в своем первоначальном виде, был уже известен зодчим Урарту.

Раскопки Арин-берда с полной очевидностью показывают, что архитектурная роспись служила почти неотъемлемой частью монументальных сооружений, как храмовых, так и дворцовых. Тематика росписей, открытых на Арин-берде и Кармир-блуре, представляет несложные композиции религиозного характера, изображения богов и орнаментальные мотивы.

На Арин-берде росписи были обнаружены опавшими со стены в храме; отдельные куски их попадались в различных помещениях, и, наконец, в 1959 г. в одном из дворцовых помещений они были открыты непосредственно на стене.

Обнаруженные здесь росписи в значительной мере изменили наши представления о художественном убранстве внутренних помещений урартских монументальных сооружений и показали, что архитектурная роспись, как область художественного творчества урартов, стояла на довольно высокой ступени своего развития.

Различные фрагменты показывают, что урартские орнаментальные росписи использовали мотивы геометрические, растительные, а также фигуры животных и людей.

Во всех случаях эти росписи связаны с культовыми сюжетами, изображая иногда священное дерево, гениев; часто роспись символизирует небесный свод или дает растительные элементы — символы плодородия. Но, возможно, несмотря на эту тематику мотивов, роспись уже во многих случаях потеряла свое смысловое значение и стала чисто декоративной.

Композиция выявленных урартских росписей одноплановая; она строится чередующимися рядами, горизонтально расположенными полосами. Иногда композиция образует определенную геометрическую форму, как, например, диск, что видно на росписи из раскопок Кармир-блур.

ра, или же построение росписей было заключено в рамку, очерченную краской, следы которой обнаружены на одном из пилонов кладовой для вина, раскопанной также на Кармир-блуре.

Фрагменты росписей, открытых на Арин-берде, отличаются не только простотой композиционного построения, но и гармоничностью своих ярких красок. Орнаментальные полосы сочетались и с основным цветом стены, обычно синим, редко красным.

Если эту колористическую палитру красок не удалось выявить на Кармир-блуре в связи с обугленным состоянием росписей, то раскрываемые в сооружениях Арин-берда росписи отличаются удивительной свежестью красок, в числе которых можно видеть охру, зеленую, светло-красную, красную, голубую, синюю и черную. Они накладывались на светлый грунт (мергель, каолин); поэтому в общую палитру входил и светлый тон. Эта многокрасочная архитектурная роспись, дополняя мощные архитектурные формы сооружения, вступала с ним в гармоничное единство.

Техника выполнения росписей показала, что их наметка на стенах производилась путем прочерчивания линий линейкой и циркулем, а уже потом в полученные сетки вписывались орнаментальные фигуры. При этом выяснилось, что при вычерчивании орнаментальных мотивов урарты также придерживались законов архитектурных пропорций.

Росписи выполнялись по тонкой белой обмазке, которой была покрыта более толстая глиняная обмазка, наложенная непосредственно на кирпич-сырец.

Наибольшее количество росписей, причем композиционно разнообразных, обнаружено под толстым слоем завала в арин-бердском храме бога Халди. Здесь эти росписи лежали в большом поперечном зале, под его юго-восточной стеной, на узком скальном массиве, где они, очевидно, задержались при своем падении. При этом обнаружено, что часть росписей, которая лежала лицевой стороной вверх, сохранилась в подлинниках, а другая, которая лежала лицевой стороной вниз, дошла в виде отпечатков.

Хорошая сохранность фресок позволила реконструировать некоторые из них, так как в отдельных местах при падении сохранилось расположение горизонтальных полос. Несмотря на то, что до нас дошли лишь мелкие обломки некогда больших композиций, восстановление этих композиций ввиду их трафаретности оказалось делом несложным.

Большинство росписей было покрыто слоем глиняной обмазки, из чего можно заключить, что при перестройке зданий Арин-берда в ахеменидский период старые фрески не представляли уже интереса; частично они были сбиты, частично перекрыты новым слоем штукатурки.

Перейдем к описанию отдельных, наиболее хорошо сохранившихся фрагментов фресок, дающих представление о всей композиции.

Розетки в шахматном расположении. Этот фрагмент был обнаружен в зале храма бога Халди, находился влево от входа, недалеко от места упомянутого завала, где лежало большинство найденных фрагментов росписей (рис. 28).

Рассматриваемая роспись по композиционному замыслу отличается простотой своего построения — на ровном темно-синем фоне помещены многоцветные большие и малые розетки, расположенные в шахматном порядке. Возможно, что вся композиция в целом передавала небесный свод.

Синее поле рассматриваемой росписи с розетками пересекает пояс, окаймленный лентами, между которыми в обе стороны от середины пояса свисают бутоны, связанные между собой дугообразными полосками — ветками. Этот пояс своей цветовой гаммой (бутоны красные, ветки зеленые, фон — охра) в контрастном сочетании создавал гармоничную взаимосвязь всей композиции. Используемый здесь орнамент из бутонов имел широкое распространение в искусстве Урарту. Многие художественные изделия, найденные на Кармир-блуре, украшены именно этим орнаментом. Он имеется на бронзовых щитах Аргишти I и Сардура II в поясах, разделяющих изображения львов и быков⁴¹; прекрасный образец такого орнамента помещен на золотых концентрических полосках, украшающих серебряную крышку с надписью Аргишти I. Можно привести и много других примеров употребления мотива бутонов.

На этом фрагменте (рис. 29) также заметна предварительная разметка поверхности для нанесения орнамента, которая состоит из сетки квадратов, со стороной в 4,4 см. Этот размер в общем построении росписи является исходным и представляется, следовательно, ее модулем. Так, малая розетка, изображенная на синем фоне, оказалась равной в своем диаметре $1\frac{1}{2} \times 44 \text{ мм} = 66 \text{ мм}$. Большая розетка = $1\frac{1}{2} (1\frac{1}{2} \times 44 \text{ мм}) = 99 \text{ мм}$. Внутри этой розетки очерчен круг, равный исходному размеру или стороне квадрата (44 мм).

Таким образом, в данном пропорциональном построении видим его новые стороны, теперь уже основанные не на соотношении 5×8 , а на исходной единице, служащей как бы модулем.

Первый фрагмент фриза. Остатки росписи, обнаруженные в верхней части слоя земли в зале храма бога Халди, представляют собой, как это удалось установить, фрагменты большого фриза. Этот фриз имел горизонтальные построения из нескольких различных полос геометрического и растительного орнамента, а также полосы со священными деревьями и жертвенными животными (рис. 31).

В самом верхнем ряду, на стене, которая в виде узкой полосы выступала (на 3 см) за подлицо нижней части, шел ряд розеток с вписанными в их круг девятиконечными звездочками. Между этими розетками (находящимися друг от друга на расстоянии 12 см), но ниже на один ряд, изображены пальметки. Еще ниже, непосредственно под ними, изображены ступенчатые пирамидки, очень характерные для ассирийского и, по-видимому, также и для урартского искусства. Можно думать, что этот характерный и довольно распространенный в ассирийском и урартском искусстве элемент изображал жертвенник.

⁴¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. II, табл. X, XI.

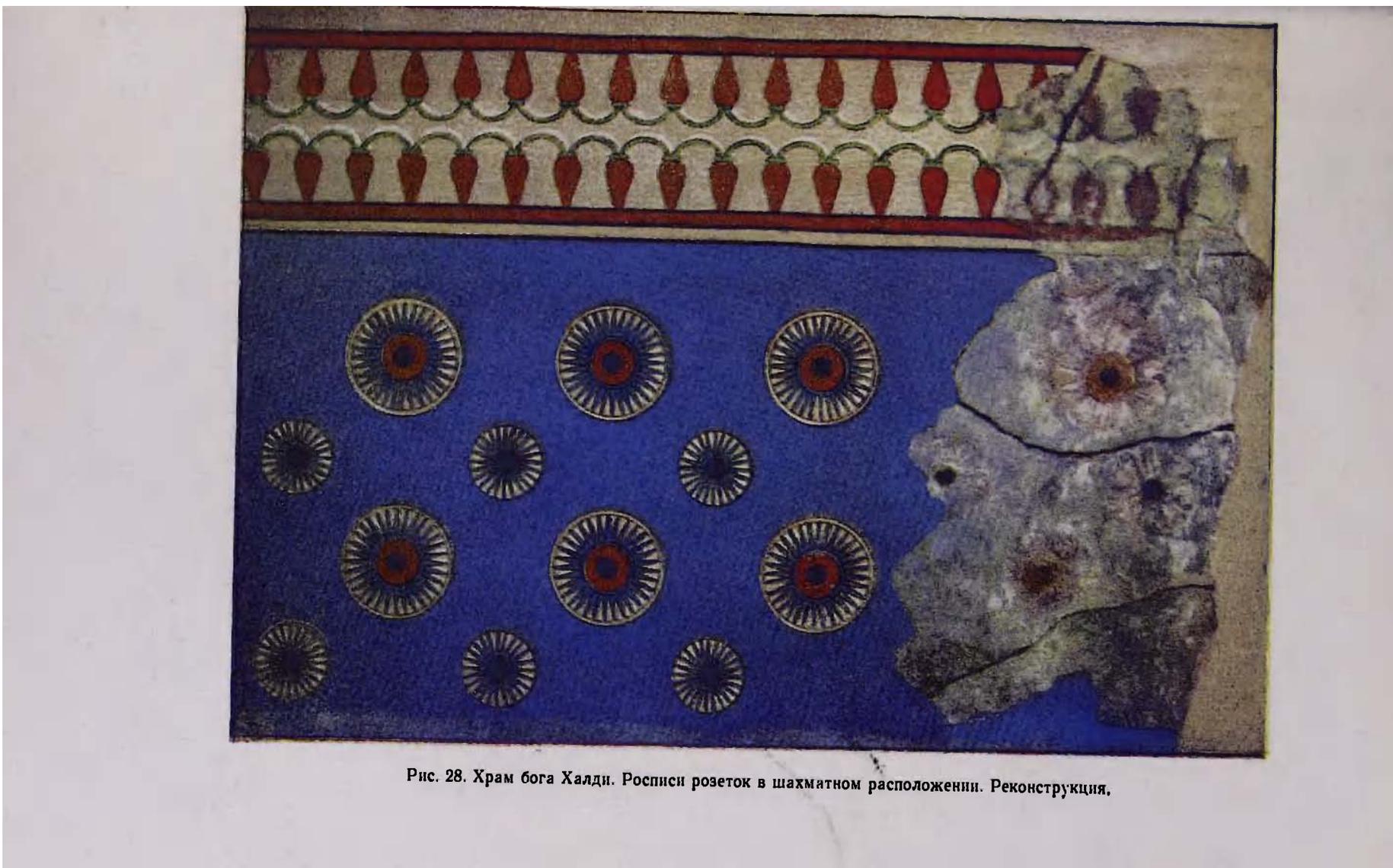
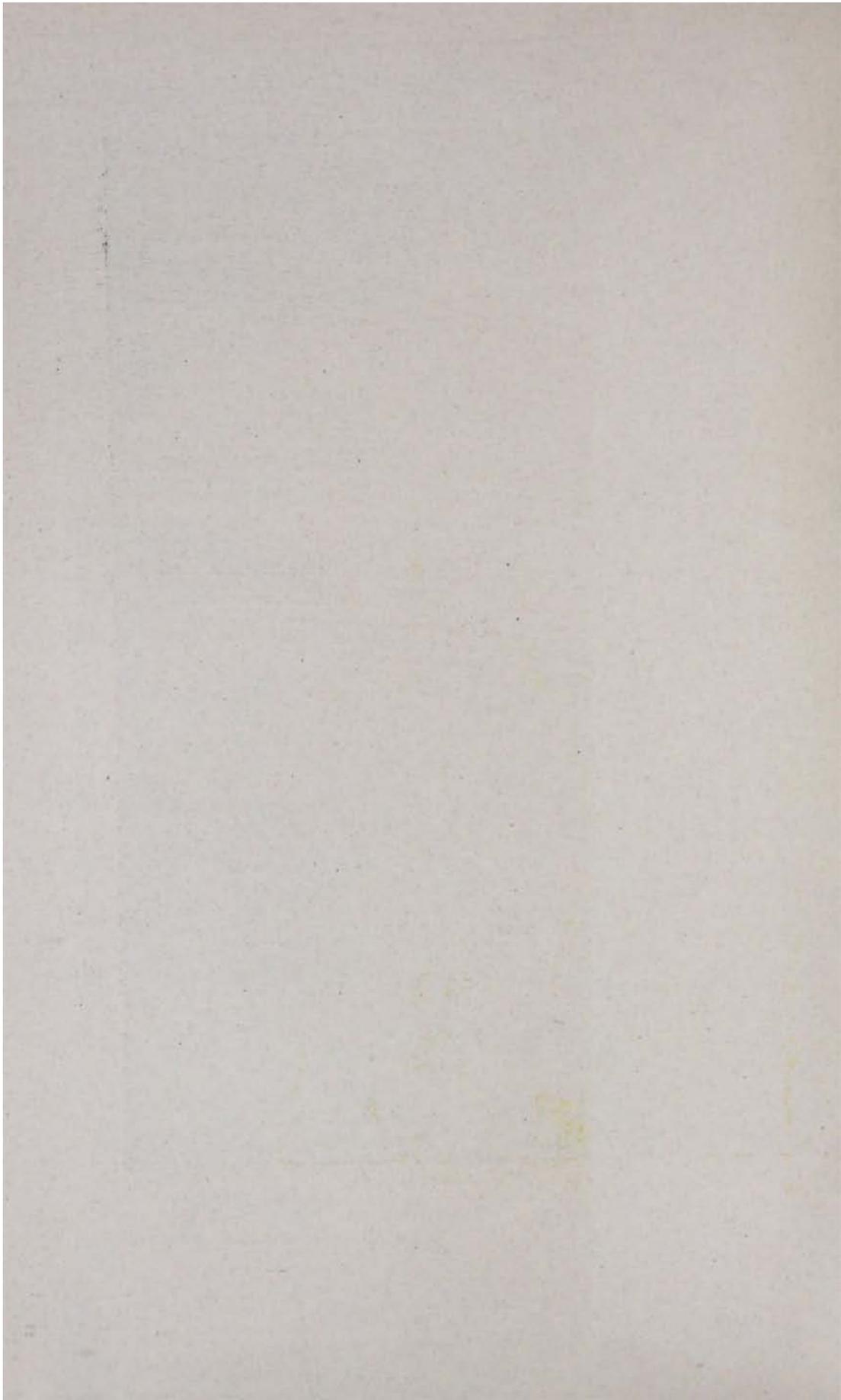

Рис. 28. Храм бога Халди. Росписи розеток в шахматном расположении. Реконструкция,

Под этой полосой идет следующая, на которой изображены идущие друг за другом телята и козы. Их белые фигуры помещены на синем фоне, детали выполнены черной краской. Весьма вероятно, что на фризе были изображены жертвенные животные, часто упоминаемые в культовых клинообразных надписях.

В следующем ряду ритмически чередующимся элементом изображения является священное дерево, по обе стороны которого стоят служи-

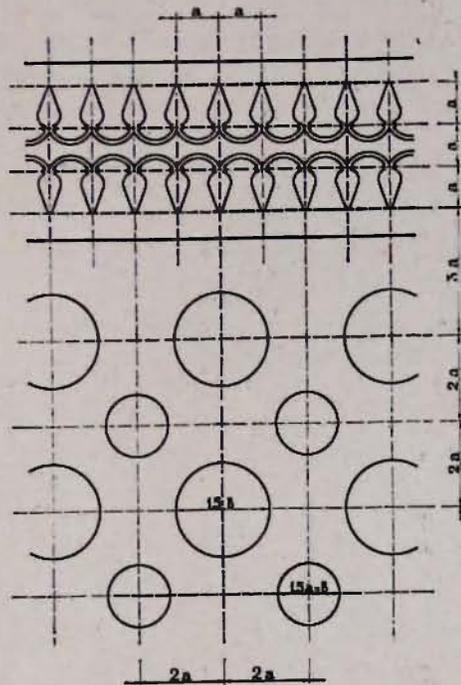

Рис. 29. Храм бога Халди. Росписи розеток в шахматном расположении. Пропорциональное построение

тели культа (или гении) с приподнятой одной рукой и с ведром в другой. Фигурки (высотой в 7,5 см) выкрашены в красный цвет и хорошо выделяются на синем фоне, лица светлые, контуры—черной краской. Фриз был помещен сравнительно высоко, и мелкие фигурки, трафаретно повторенные, без сомнения, служили целям орнамента, составляя красочный ритмический ряд. В данном случае можно видеть, что человеческие фигурки не являются доминантными в общей композиции росписей, а, напротив, даже соразмерно мелки по сравнению с геометрическими и растительными орнаментами остальной части фриза. Строгое и трафаретное повторение этих фигурок окончательно стирает возможные для восприятия черты их индивидуальности, приближая их ряды в зрительном аспекте к композиции геометрического порядка. В искусстве Урарту такая тематика священного дерева со служителями культа около него хорошо известна по ряду примеров, в частности по изображениям на

лобных частях шлемов с надписями Аргишти I и Сардури II, найденных на Кармир-блуре.

Наконец, на полосе под этим рядом снова помещены жертвенные животные — ягнята и козы.

Последний ряд представляет круги, охватывающие черные диски, подвешенные к кругообразным формам. Каждый свисающийся такой элемент объединен с другим дугообразными парными линиями.

Роспись фриза двухцветная, рисунки выполнены синей и красной краской по белому фону. Однако цветовая гамма этих красок, образованная из такого малого количества цветов, создает впечатление многокрасочности. При этом одинаковые элементы в каждом ряду (пальметки, зубчатый карниз) выкрашены поочередно одной из этих красок.

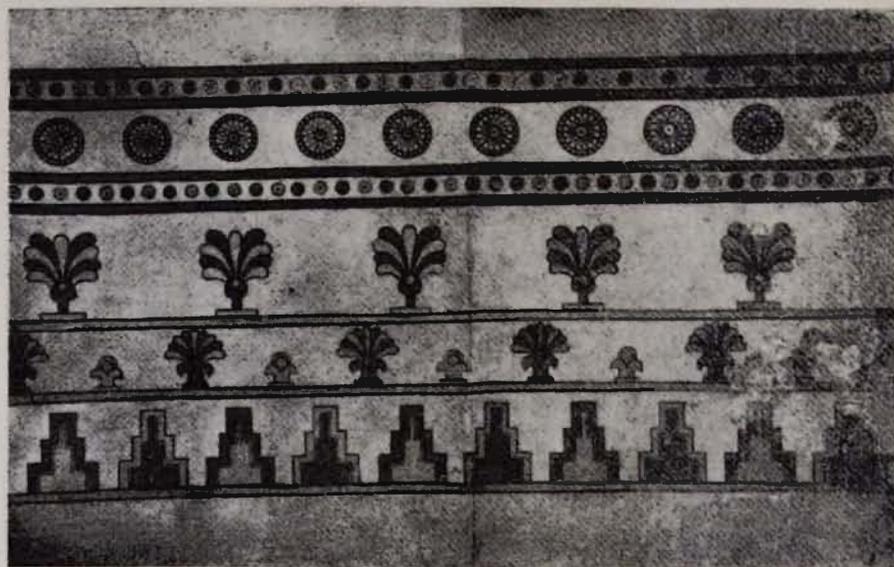

Рис. 30. Храм бога Халди. Роспись фриза. Реконструкция

Кроме того, для четкости изображений их контур обводился черной краской. Этот фриз показан нами в реконструкции портика храма бога Халди. Общая высота фриза равна 0,7 м. Поверхность стены, не занятая фризом, имела голубую раскраску, на что указывает большое число окрашенных этим цветом кусков обмазки.

Второй фрагмент фриза. Сохранился значительно хуже первого, но и по наличным остаткам можно все же получить представление о фризе в целом (рис. 30). Так, первая, или верхняя, его полоса составлена из розеток, аналогичных первому фризу. Однако эта ритмичная композиция здесь значительно усложнена обрамляющими ряд розеток сверху и снизу полосками, в которые вписаны четкие черные кружочки. Такая композиция розеток для верха фриза была значительно богаче, чем на первом фризе. Под этой композицией изображен ряд пальметок, расставленных по отношению к розеткам через одну.

Нижний ряд имел изображение цветков, которые по своим размерам уступают пальметкам. Очевидно, именно в связи с этим для сохранения зрительно-гармоничного восприятия и единства масштаба обоих элементов, в нижнем ряду более мелкие элементы расположены чаще. И наконец, в самом нижнем из сохранившихся ряду фриза изображены уже известные нам ступенчатые пирамидки.

Предположение о том, что данный фриз был значительно богаче предыдущего, вызвано самим композиционным построением. Так, в обоих случаях в первой полосе видим розетки, во второй—пальметки, в третьей — ступенчатые пирамидки. Но во втором фризе все эти элементы дополнены новыми промежуточными полосками, которые и придают композиции большую нарядность.

В зале храма бога Халди, наряду с орнаментальными росписями, была найдена также роспись, изображающая божество. Хотя она частично разрушена, но уцелевшие фрагменты позволяют получить полное представление о целом (рис. 32).

Как установлено исследованием на месте, эта роспись находилась на стене под предыдущим фризом и, следовательно, должна была обозреваться с более близкого расстояния. Роспись изображает бога, стоящего на льве, от которого сохранились часть гривы, спина и хвост. Левая рука бога, согнутая в локте, прижатом к боку, вытянута вперед открытой ладонью в фас. Правая рука на росписи не сохранилась. Но, судя по тому, что она могла быть только в разрушенной части росписи, рука была протянута вперед и вниз. Голова, изображенная в профиль, увенчана тиарой. По плечу фигуры, очерчивая ее контур, ниспадает лента головного убора. Грудь бога прикрывает борода. Плохо сохранились лицо и выдвинутая вперед нога фигуры. Несмотря на эти пробелы, можно заключить, что в общем композиционном построении фигуры бога явственна каноничность, и принцип передачи человеческой фигуры весьма близок к ассирийскому. Эта роспись по краскам значительно богаче орнаментальных фризов. Можно отметить гармоничность яркого наряда божества из двух контрастирующих цветов, красного и синего. В ряду сравнительно мелких изображений, входящих в росписи храмового комплекса, данная фигура, имея общую высоту со львом 61 см, должна была заметно выделяться на фоне стены. Это дает основание предположить, что в рассматриваемой росписи было изображено не рядовое божество, а один из главных богов, образующих триаду урартского пантеона. То обстоятельство, что бог изображен стоящим на льве, дает нам полное основание признать в нем бога Халди, поскольку лев является животным, связанным именно с Халди.

Такое предположение подкрепляется находками, сделанными на Кармир-блуре, где надписи на обнаруженных щитах говорят об их изготовлении для города Эребуни и посвящении богу Халди.

По некоторым мелким фрагментам можно заключить, что в храме был изображен не один бог, а ряд богов, стоящих на животных, наподобие процессий ассирийских богов, изображенных на скалах в Бавиане и Малтае.

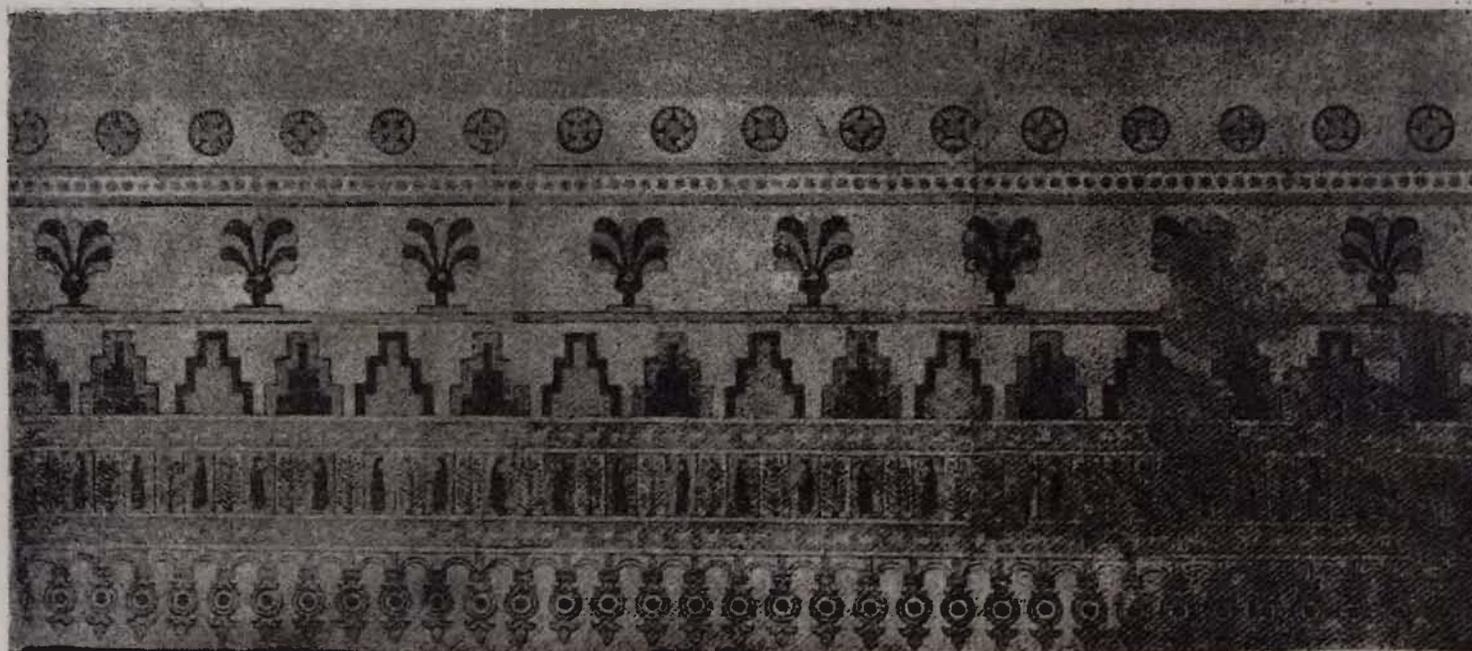
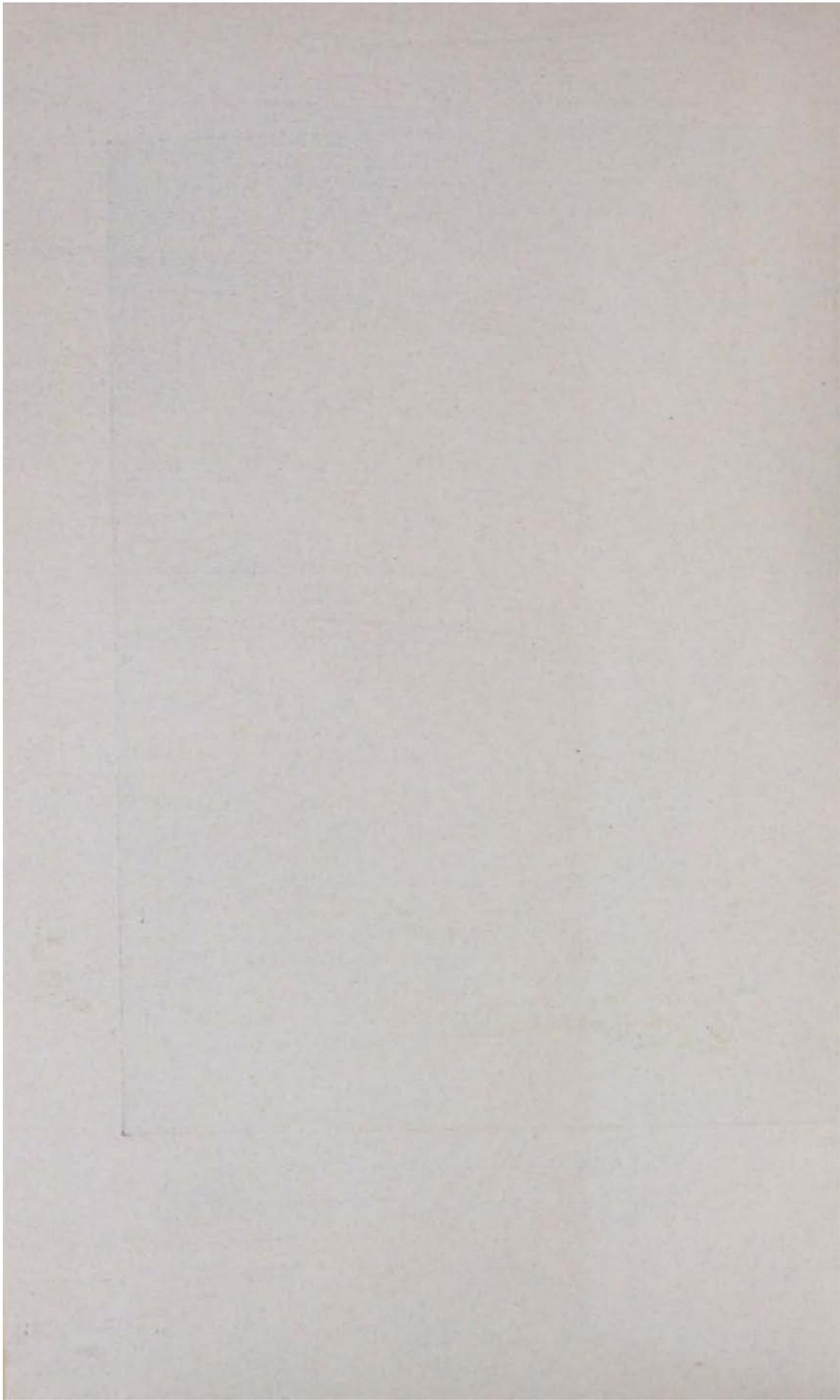

Рис. 31. Храм бога Халди. Роспись фриза. Реконструкция

Рис. 32. Храм бога Халди. Бог стоящий на льве.

Подобные композиции божеств, стоящих на львах, быках и фантастических животных, известны в Урарту в довольно большом количестве. Они были найдены на Топрах-кале около Вана и являлись скульптурами, украшавшими бронзовый, покрытый листовым золотом, трон.

В качестве примера изображения божества на животном можно привести большой урартский рельеф, недавно открытый в Адильджевазе (Ванский район) П. Хьюлином. Рельеф изображает бога Тейшебу, стоящего на быке перед священным деревом. Части каменного фриза с изображением быка стали известны по раскопкам И. А. Орбели на Топрах-кале.

Аналогию этой композиции бога, стоящего на льве, можно также найти в ряде произведений живописи и скульптуры народов древнего Востока. Примерами могут служить: скульптурная группа главного фасада святилища Тель-Халафа — главных божеств хетто-субарийского круга бога грома Тешуба, богини-матери Хепет и бога солнца, ассирийские наскальные изображения Бавиана и др.

Как отмечал Б. Б. Пиотровский, изображенные в росписях звери — это бывшие божества, которые после антропоморфизации божеств сопровождают их уже как посвященные им животные. На различных стадиях процесса такого перевоплощения можно видеть рудименты первоначального образа, в результате чего появляются фантастические существа.

В качестве примера можно привести также и шеду — фантастическое животное, но с туловищем быка, образ которого в искусстве Урарту также известен по статуэткам из раскопок на Топрах-кале. Б. Б. Пиотровский предполагает, что лев, возможно, как священное животное содержался при урартских храмах. Во всяком случае на одной из урартской печати из Топрах-кале, изображающей культовое шествие, можно видеть и шагающего льва⁴².

Фрагмент фриза перистильного двора и прилегающих к нему помещений, как показали выявленные в процессе раскопок фрагменты росписей, оказались идентичными с разобранными. С другой стороны, эти росписи аналогичны выявленным в храме бога Халди. Некоторое заметное отличие между ними касается лишь манеры их исполнения. Поэтому вполне возможно, что они исполнялись разными мастерами. Выявленные в перистильном дворе и Susi остатки росписей принадлежали фризу, также составленному из нескольких горизонтальных полос. Однако отдельные полосы этого фриза, фрагменты которых оказались бесследно утраченными, восстановить не удалось. Так, первая, или верхняя, сохраненная полоска фриза представляет собой хорошо известные фрагменты ступенчатых пирамид. Эти пирамиды чередуются своей красной и синей окраской. Их контуры представляют полосы, в которых очерчены кружки, как и во всех других подобных примерах. Ниже элементы фриза не сохранились.

⁴² Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 282.

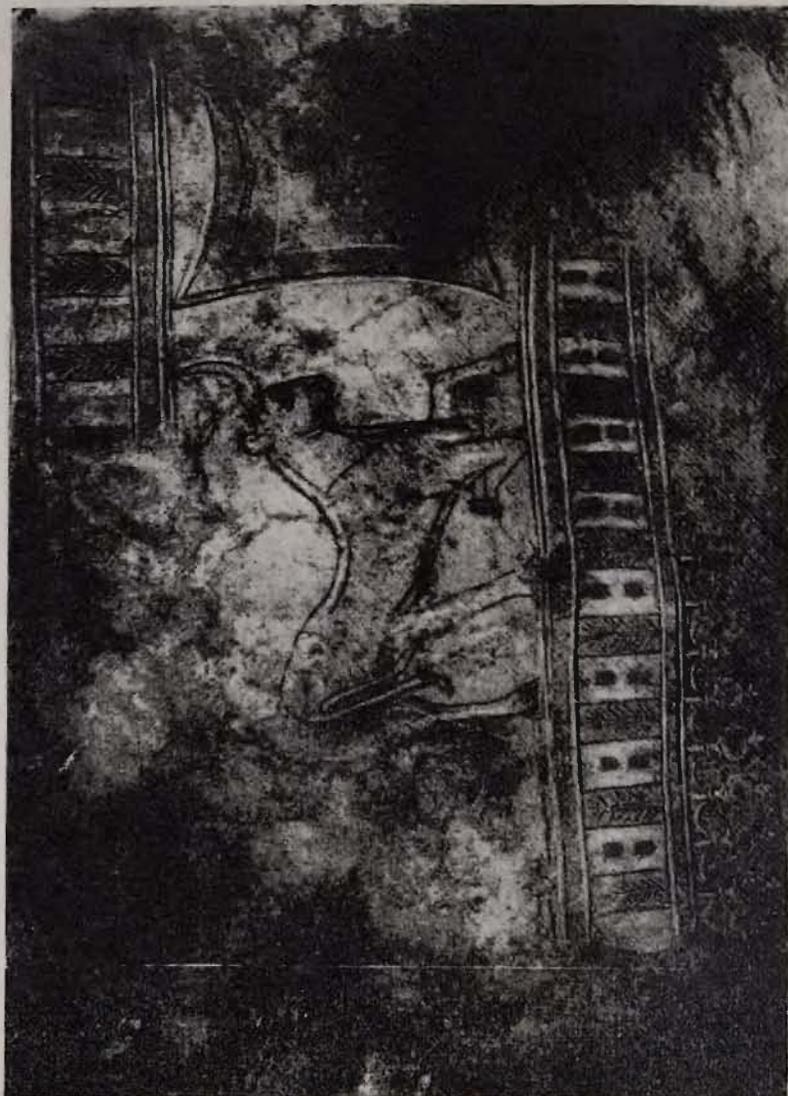

Рис. 33. Дворец. Фрагмент росписи стен большого зала

Далее, под этой почти утраченной частью хорошо видны ряд деревьев жизни и стоящие перед ними служители культа. Эти последние выполнены весьма тщательно и очень близки к художественной миниатюре. Сказанное касается верхней половины туловища фигуры, поскольку остальная ее часть нигде на месте не обнаружена. Сохраненная часть фигуры показывает, что платье гениев, которое в росписях большого храма закрашено одной краской, здесь получает дополнительную штриховку у рук и спины.

Рис. 34. Дворец. Фрагмент пальметки

Рис. 35. Дворец. Древо жизни со служителем культа

Более детально показана также тиара фигуры. Она завершается шишкой, какую можно видеть также и на тиаре ассирийского царя Саргона. Под этой шишкой, в верхней своей части, тиара украшена орнаментом, изображающим свисающие полукруги. В нижней части она имеет выступы, образующие у лба рога, которые также можно видеть на тиаре бога, стоящего на льве (из раскопок зала храма бога Халди). Выше этих рогов на тиаре, в средней её части, у лба видна штриховка, что должно означать ее богатую отделку.

Такая передача деталей в росписях указывает на то, что они находились на небольшой высоте. В росписях дворца и храма Susi заметно некоторое отличие и в рисунке священного дерева, которое получает более вытянутую форму.

Рис. 36. Дворец. Фрагмент коленопреклонного быка

Рис. 37. Дворец. Гирлянды. Роспись

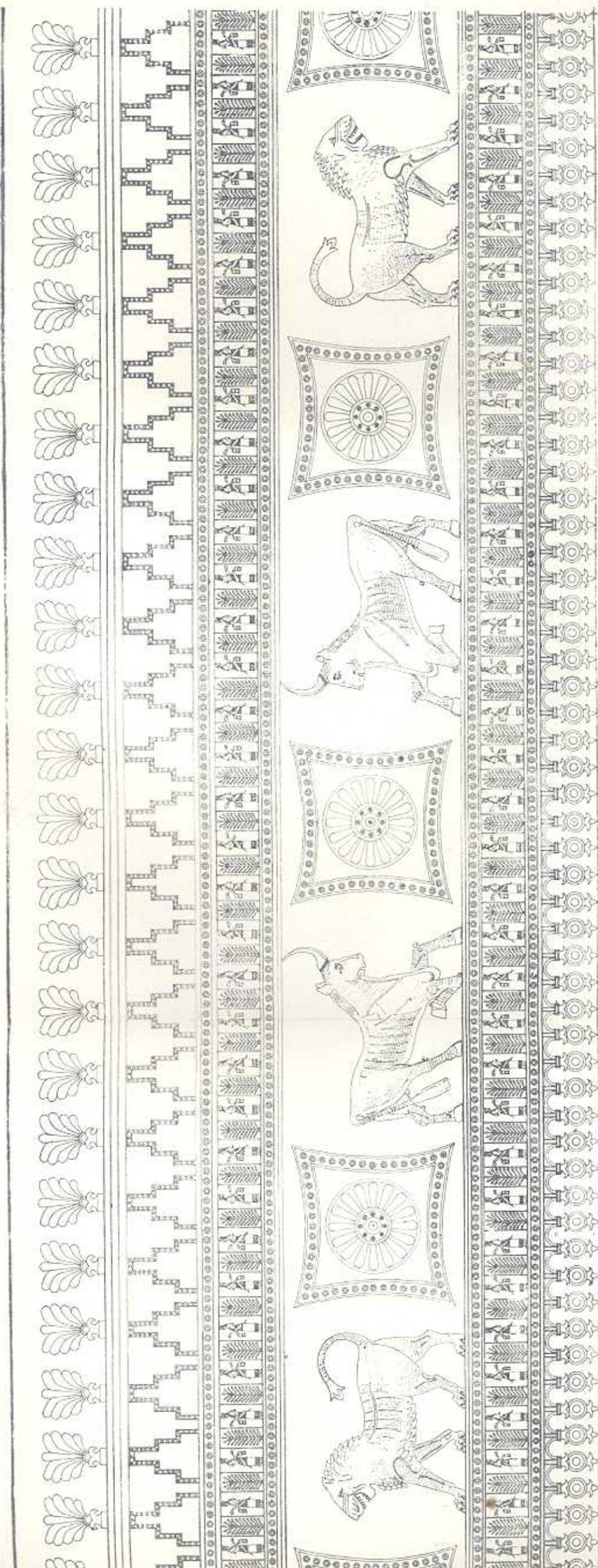
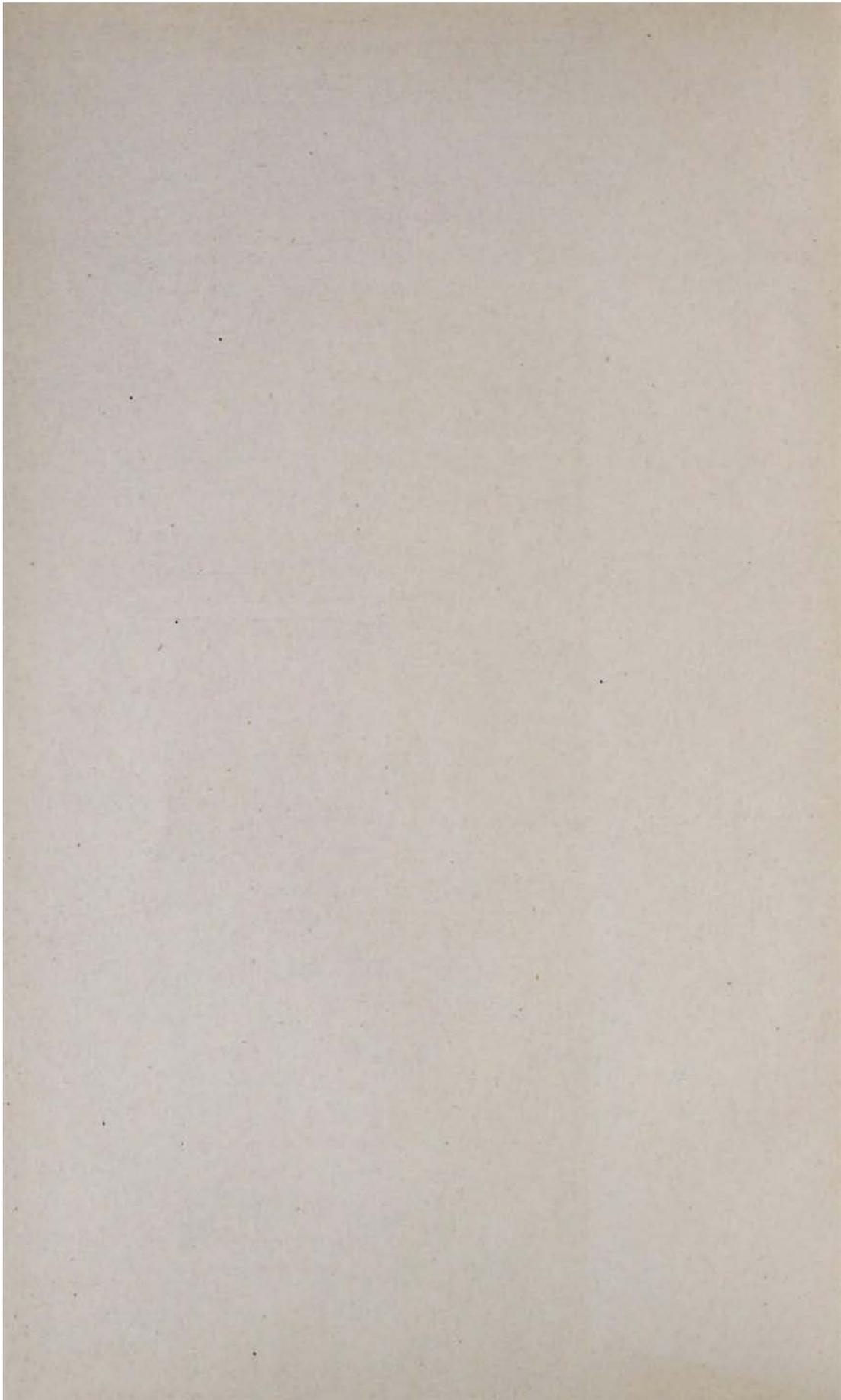

Рис. 38. Дария. Рельефы стен большого зала. Реконструкция.

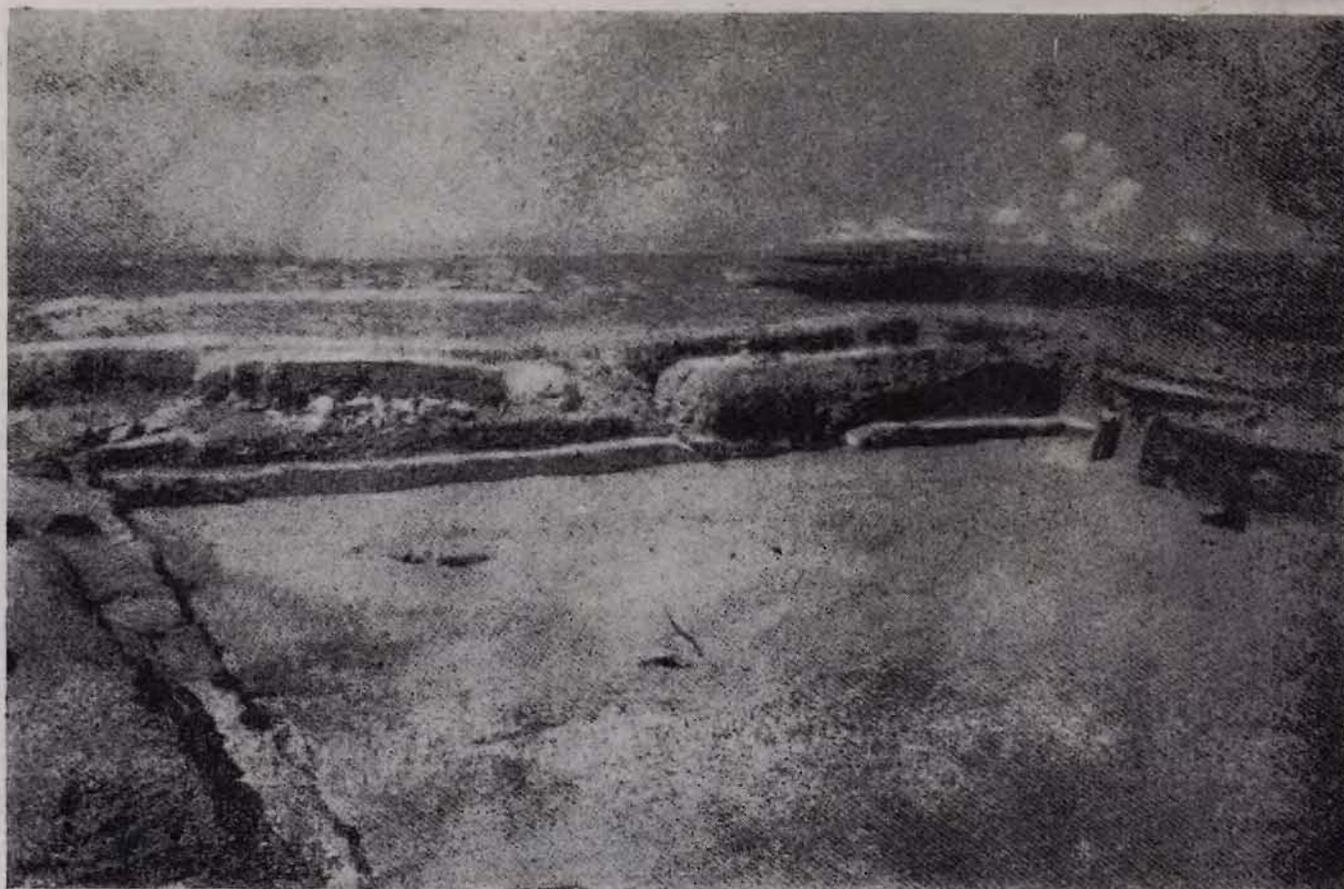

Рис. 39. Ападана. Общий вид

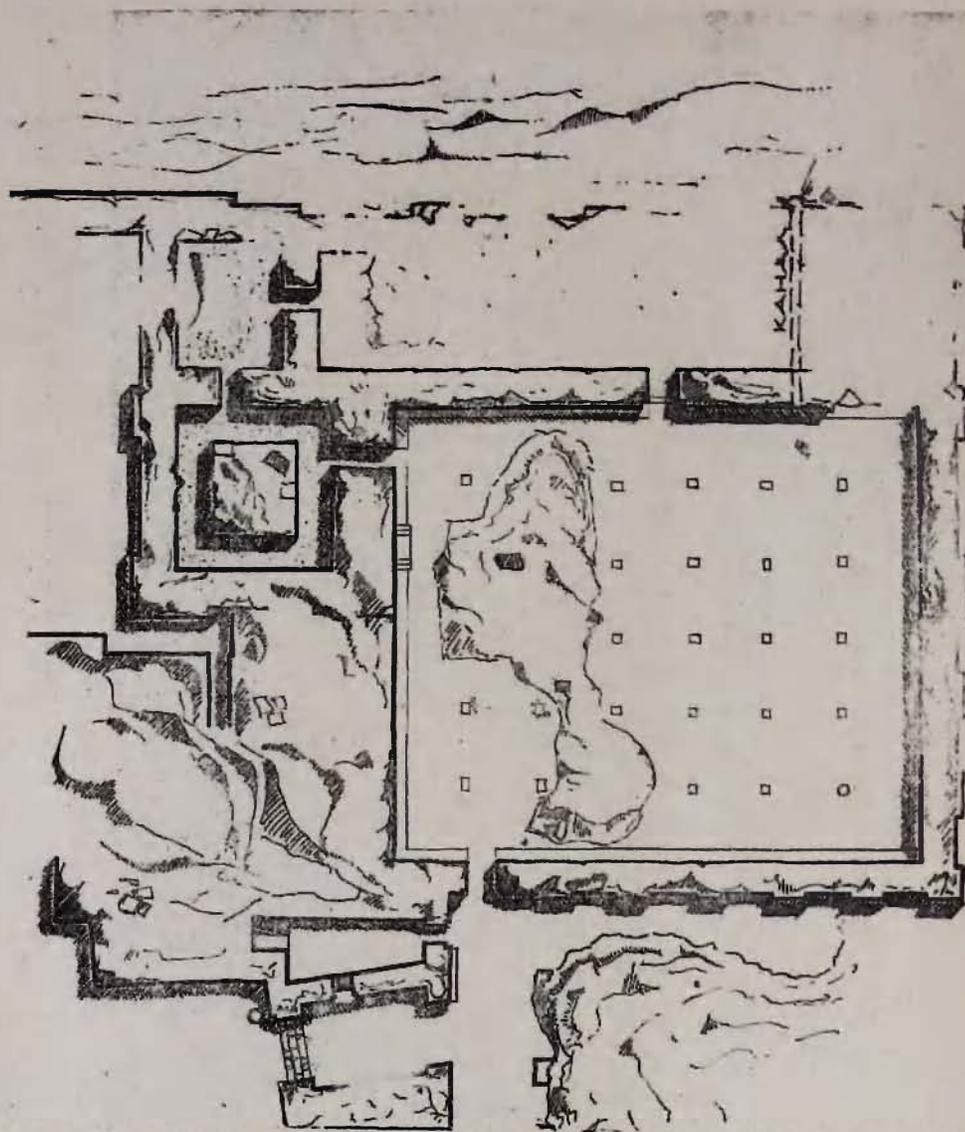

Рис. 40а. Ападана. План. Обмер

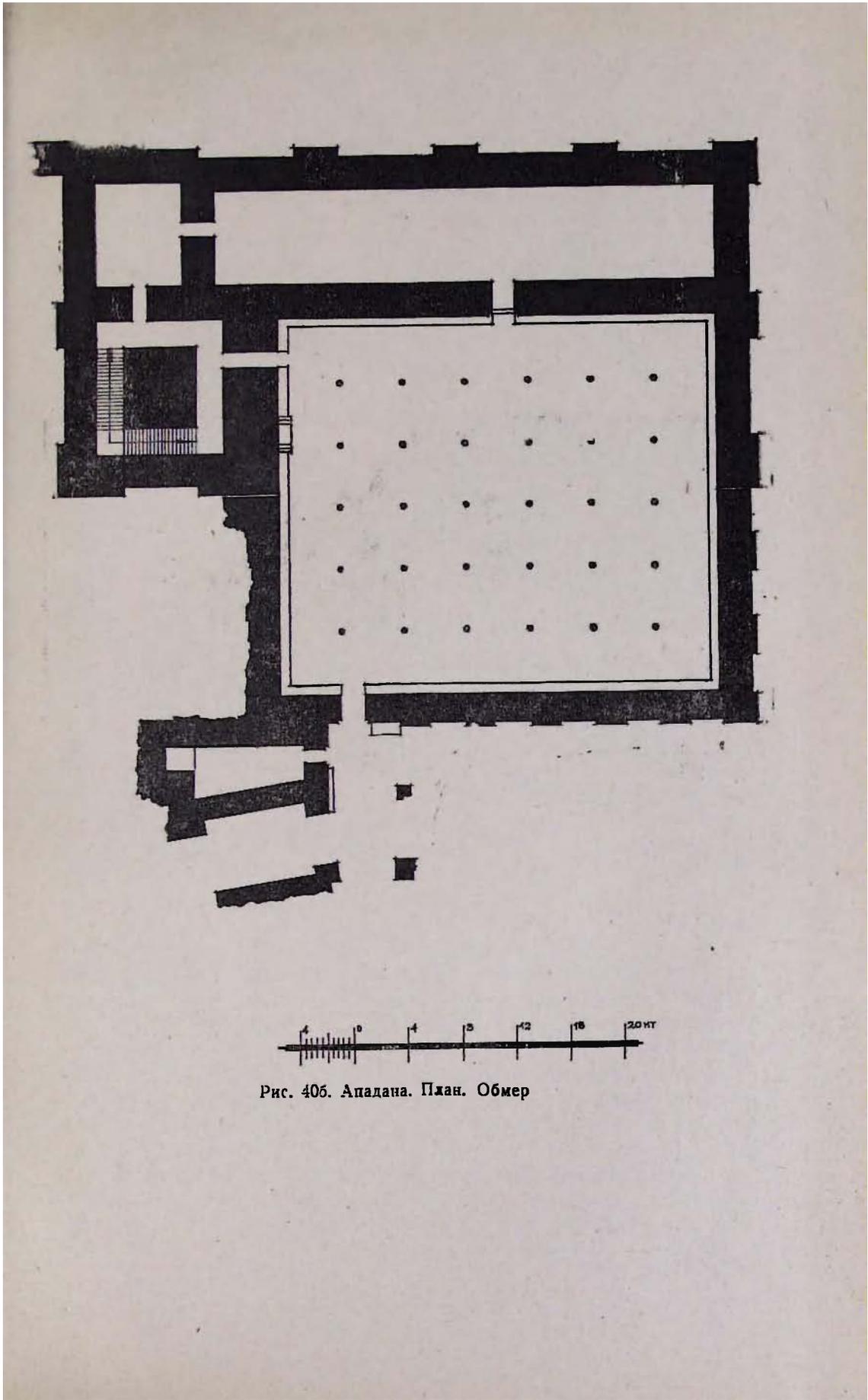

Рис. 406. Ападана. План. Обмер

Далее, внизу, на красном фоне, помещен ряд семилепестковых розеток. Композиционное построение описанного фриза в нижнем ряду завершается ниспадающим орнаментом, который представляет круги, охватывающие черные диски и подвешенные к крючкообразным формам. Каждая такая свисающая композиция объединена с другой дугообразными парными линиями (рис. 37).

По всей вероятности, к этому фризу относится и крупная пальметка (выс. 10 см), найденная перед главным фасадом храма. Возможность данного предположения подтверждается теми предыдущими находками фризов, в которых пальметки являлись обязательным элементом (рис. 34).

Таким образом, почти все элементы в росписях храма Susi уже были известны по фрескам из храма бога Халди.

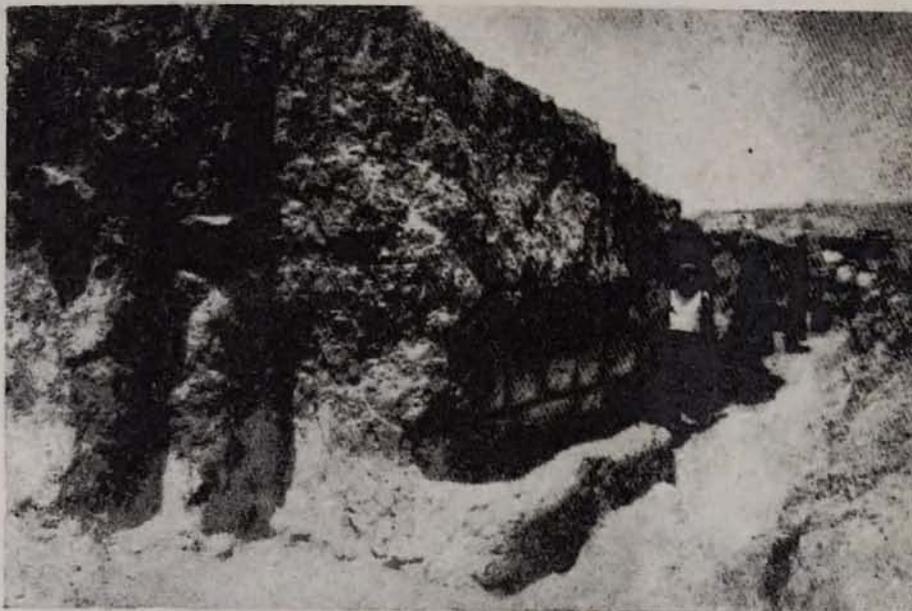

Рис. 41. Ападана. Фасадная стена

Следует также добавить, что остатки фриза из зала дворца представляют нижнюю его часть, выявляя рисунок нижнего завершения фриза в виде свисающих дисков. При этом становится ясным, что архитектурные росписи урартов сочетали в себе ряд обычных для них элементов, как, например, ступенчатые пирамидки, розетки, священное дерево, пальметки и др.; эти элементы при новой композиционной взаимосвязи создавали новый фриз. Определенную гармоничность можно наблюдать и в подборе красок для указанных элементов или порядка их цветового чередования.

Среди открытых на Арин-берде фрагментов росписей наиболее сохранившимися являются те, которые выявлены в большом фресковом зале (рис. 33—37). Кроме того, это первый пример, когда урартская роспись

сохранилась на стене, фиксируя свое былое положение. В этом зале она представила широкую полосу высотой 1.25 м и находится на высоте 1,42 м от уровня пола. Таким образом, роспись, имеющая композиционно довольно интересное построение, покрывала всю среднюю часть стен в отличие от других примеров, где она находилась на высоте фриза. Так, первый, или верхний, ряд данной росписи представляет пальметки, ниже которых помещены ступенчатые башенки. Под этими башенками идет ряд с изображением священных деревьев с богами; сверху и снизу этот ряд обрамлен полосами с восьмилепестковыми розетками. Далее идет широкая и основная полоса данной композиции. Здесь можно видеть орнаментированные квадраты с вогнутыми внутрь сторонами. По обе стороны этих квадратов, обращенных лицом друг против друга, в одном случае стоят львы, в другом — быки, стоящие на одном колене (рис. 36).

По своим мотивам композиция этого ряда напоминает росписи из дворца Саргона (Дур-Шаррукин), где, однако, коленопреклоненный бык — крылатый. В другом примере быки составляют выявленную на Арин-берде симметрию⁴³.

Затем, ниже этой широкой полосы, снова видим ряд священных деревьев с богами, с теми же полосками розеток, под которыми находится последний завершающий ряд — свисающие на ветках бутоны (рис. 38).

Обнаруженные за последние годы архитектурные росписи, несмотря на близкие аналогии в Ассирии, имеют облик большого своеобразия, несмотря на то, что они встречаются как в культовых, так и в светских помещениях; в росписях преобладают религиозные мотивы, хотя их смысл уже был вытеснен декоративностью. Смысловое содержание росписей определяют, вероятно, не декоративные фризы, а изображения более крупных размеров, которые были обрамлены этими фризами.

Во многом схожие с ассирийскими росписями, урартские архитектурные росписи типичны для древнего Востока, в искусство которого они вносят и свои характерные элементы и приведенные выше композиции. В этой форме обнаруживается много общего с мотивами ассирийского орнамента, если сравнить их с росписями из Дур-Шаррукина, Нимруда, Гил-Барсиба и др. Аналогия касается отдельных деталей, ступенчатых пирамид, розеток, пальметок, гранатового яблока. Общими с ассирийскими являются изображения священных деревьев с расположенными по их сторонам фигурами божеств или богато украшенных дисков с крылатыми божествами около них (Кармир-блур). В то же время в Ассирии, как это можно видеть на примере дворца в Тил-Барсибе, имелась тематическая роспись, изображающая царскую охоту, приношение даров. Этого пока еще нет среди открытых урартских росписей, но все же надо думать, что отдельные элементы, как колесницы и всадники, сходные с теми изображениями, которые помещались на бронзовых шлемах и колчанах, в росписях имелись.

⁴³ H. Frankfort. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London. 1954, рис. 95.

Следует упомянуть, что в Урарту, так же как и в Ассирии, двери дворцовых помещений украшались обшивками. Так, на Кармир-блуре, у дверного проема западной стены кладовой для вина, была найдена сильно поврежденная окисью пластинка с рельефными изображениями, среди которых можно различить фигуру быка с крылатым солнечным диском над ним. По всей видимости, пластинка эта является частью дверной обшивки. Подобным образом оформленная дверь далеко не единственный пример в урартском зодчестве. Сообщения ассирийских клинописей о том, что двери в дворцах изготовлялись из кипарисового и пальмового дерева, а затем обшивались блестящей медью, можно перенести и на урартское искусство. Такие богато украшенные обшивки дверей были найдены при раскопках в Ассирии (Балаватские ворота и двери дворца Дур-Шаррукина).

Высокий уровень мастерства урартских росписей, которые исполнялись без трафарета, убеждает нас в том, что их создавали специальные мастера-художники. На это указывает графическое мастерство, выразившееся в уверенных и изящных линиях. Тематика архитектурных урартских росписей повторяется и в мраморных облицовках стен, судя по обломкам мраморного фриза с изображением орнаментальных элементов и фигуры быка, найденных И. А. Орбели в 1911—1912 гг. на Топрах-кале. В этом фризе много элементов, общих с приведенными здесь росписями.

Таким образом, открытые за последние годы на Арин-берде и на Кармир-блуре некоторые образцы урартских архитектурных росписей являются показателями высокой художественной культуры урартов, тесно связанной с культурой других стран древнего Востока.

АРХИТЕКТУРА ЭРЕБУНИ РАННЕАРМЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

Начальная эпоха исторической жизни Армении совпала с великодержавными стремлениями Мидии, а затем и мощного персидского государства. Этому государству, созданному Киром, а в дальнейшем значительно расширенному и усиленному Камбизом и Дарием, в конечном счете оказалась подвластна большая часть древнего мира. В числе стран, подпавших под власть Ирана, оказалась и Армения, недавно сменившая на арене истории Урарту и еще не представлявшая в связи с этим оформленного государства. И, несмотря на это, судя по смыслу строк Бехистунской надписи, Армения покорилась ахеменидскому Ирану лишь после тяжелых и упорных боев, лишь после пяти кровопролитных сражений, происшедших в течение всего лишь одного года. С этого времени и до падения ахеменидского Ирана Армения, как указывал Геродот, составляла 13-ю и 18-ю сатрапии этого государства.

Об Армении ахеменидского периода до нас дошли весьма отрывочные сведения, сообщаемые греческим историком Ксенофонтом. Ксенофонт в «Анабазисе» отмечает существование двух частей Армении. Согласно его сообщениям, при отступлении греков через Армению в ее западной части сатрапом был Оронт, или Ерванд, из династии Ервандидов, в восточной — Тирибаз⁴⁴. Как полагает Я. Манандян, главным в Армении был сатрап Оронт; Тирибаз же был его помощником⁴⁵. Оба они были связаны узами родства и дружбы с царем Артаксерксом и поэтому с их стороны не было видно даже попыток сопротивления ахеменидской власти.

Судя по территориальному делению иранских сатрапий в Армении, рассматриваемый нами Эребуни принадлежал к 18-й сатрапии. Мы не считаем, однако, возможным на данной стадии раскопок говорить об Эребуни как о центре этой сатрапии⁴⁶.

Нам кажется, что в «Анабазисе» можно найти довольно определенные сведения о центрах сатрапий. Так, Ксенофонт пишет, что, достигнув пределов Армении, греки стали переправляться через реку Кентрит, которая очерчивала южные границы страны. Далее он сообщает, что «та

⁴⁴ Ксенофонт. Анабазис. Изд. АН СССР. М.—Л. 1951. КН-IV. Гл. IV.

⁴⁵ Լ. Մանանդյան. Քննական տեսութիւն հայ ժողովրդի պատմութեան, հատոր Ա. Հայաստան, Ի. Զ. Խ. Կ., էջ 65:

⁴⁶ Կ. Տիրացյան. Երվանդունիները Հայաստանում. «Հայկական ՍՍԻ ԳԱ Տեղեկագիր» (Շտաբարհայան գիտութիւններ), 1958, № 6, էջ 53—71:

деревня, в которую они пришли, оказалась обширной, в ней находился дворец сатрапа». Таким образом, в этом месте, недалеко от южных границ Армении, находился центр 13-й сатрапии.

Затем, выйдя на север, греки дошли до реки Телебой и, пройдя отсюда еще 75 км, достигли дворца, вокруг которого было расположено много деревень. Ксенофонт, однако, ничего не говорит о том, что дворец этот принадлежал сатрапу. Лишь в дальнейшем, пройдя Евфрат на 13 парасангов (65 км) и совершив еще один трудный дневной переход (35 км), греки достигли села, в котором узнали от местных жителей, что сатрап находится от них на расстоянии одного парасанга, или 5 км. Следовательно, надо полагать, что центр другой сатрапии, или Восточной Армении, теперь уже находился, судя по соответствующим исчислениям, в районе современного Багавана. В связи с этим отпадает предположение об Эребуни как о центре 18-й сатрапии.

Но, с другой стороны, становится понятным, что город, находясь на важной магистрали и в силу своих наличных монументальных архитектурных сооружений, видимо оставался весьма крупным центром и в ахеменидскую эпоху, тем более, что в это именно время существовавшие там постройки соответственно реконструировались для дальнейшей и притом интенсивной исторической жизни.

Не мог ли Эребуни, созданный еще в урартскую эпоху как крупная военно-стратегическая база, отвечать и теперь тем же требованиям, но уже ахеменидов? Ведь Эребуни являлся важным и узловым пунктом ахеменидского Ирана в Армении и стоял на магистральных дорогах, что придавало ему важное стратегическое значение.

Обращая внимание теперь уже на культурный уровень обеих сатрапий Армении эпохи иранского владычества, акад. Я. Манандян устанавливает, исходя из описаний Ксенофонта, их определенное различие⁴⁷, которое выводит из архитектуры жилых домов Западной и Восточной Армении. В то время как в районе реки Кентрит греки видели в селах дома с башнями, у истоков Евфрата они сменились подземными домами с верхним отверстием наподобие расширяющихся книзу куполообразных форм. Дома описанного здесь типа, очевидно, являются прототипами впоследствии известных глхатунов с центральным перекрытием конструкции типа «азарашен». Такие дома в Армении строились в горных районах страны, в то время как в низменных районах они имели двор, как основу их плановой композиции⁴⁸. Можно в связи с этим думать, что греки проходили через горные районы Армении, минуя более богатые низменные районы страны⁴⁹. Поэтому сведения Ксенофонта об уровне

⁴⁷ Հ. Մանանդյան. Քենոֆոնի տեսարանները հայ ժողովրդի պատմության շարքում, էջ 80:

⁴⁸ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре. М. 1951.

⁴⁹ Возможно, что старшина, в данном случае проводник греческих войск, водил их по горным районам Армении умышленно обходя более богатые населенные пункты низменной части страны. Но замысел его, видимо, был раскрыт, поскольку он понес телесные наказания и в дальнейшем покинул греков, бежав из их лагеря.

культуры обеих сатрапий Армении не могут считаться полными. Теперь уже известно, хотя бы только по одним раскопкам Арин-берда, что архитектурно-строительный уровень сооружений Восточной Армении стоял на довольно высокой ступени своего развития. Так, мы знаем, что в эпоху ахеменидов в архитектуре Эребуни произошли значительные и коренные изменения, вызванные требованиями теперь уже новых условий. Эти изменения коснулись всех раскопанных до настоящего времени зданий цитадели древнего города. Причем эта реконструкция имела характер не ремонта и достроек, а коренным образом изменила архитектуру существовавших сооружений, придав им новое содержание.

В связи с произведенными в цитадели реконструкциями изменилась ее общая плановая композиция. Судя по последней, центром цитадели, как было сказано ранее, являлась площадь, на которую выходили монументальные сооружения, в том числе и храм бога Халди. Ахеменидская реконструкция этого храма фактически ликвидировала площадь цитадели, которая была полностью застроена. Цитадель Эребуни ахеменидского периода отличалась густотой своей застройки, что наблюдается также в Персеполе. Густота застройки и там мало выделяет отдельные монументальные сооружения из своего окружения, кроме некоторых, — ападаны Дария и столонного зала, имеющие, однако, ограниченные точки восприятия их форм. В остальном Персеполю имел замкнутые в себе большие внутренние пространства. В этих архитектурно-пространственных формах Персеполя ведущей является выдвинутая на первый план ападана — приемный зал ахеменидского царя, а не храм, как это было обычно для древнего мира. Это объясняется тем, что персы, приверженцы зороастризма, как поклонники священного огня, почитали его на алтарях, установленных высоко в горах, не имея специально построенных храмов. И теперь на горных вершинах у Персеполя стоят два алтаря. Священный огонь и в наши дни можно видеть по ночам на таких же горах, окаймляющих город Тебриз. Храм же, как архитектурная форма, был создан впоследствии, но в ту же ахеменидскую эпоху Ирана, примером чего является соответствующее сооружение в Сузах. Но и тогда храм не становится ведущей формой ахеменидского зодчества.

Обращаясь теперь снова к перестройкам Эребуни в ахеменидское время, находим здесь как ападану, так и храмы священного огня. Как и в Персеполе, ападана Эребуни оказалась на первом плане подчеркнута монументальной, хотя это ее расположение прежде всего обусловлено местом первоначального урартского храма.

В связи с этими реконструкциями примечательно, что урартские клинописи оставались в ансамбле этих новых зданий нетронутыми на своих прежних местах. Так, несмотря на то, что Susi вошел в состав нового храма, где почитался уже Ахурамазда, надписи с именем урартского бога Иушба уничтожены не были. Дело в том, что после установления в Иране единого культа бога Ахурамазды ахемениды терпимо относились к религии и богам завоеванных ими народов. Видимо, это вызывалось опасением возможных вспышек нежелательных конфликтов. Что касает-

ся Иубши, то этот бог тем более не должен был привлекать внимание ахеменидов, как принадлежащий религии, давно сошедшей с арены истории.

Обращаясь теперь к строительной технике урартских и ахеменидских сооружений, можно зафиксировать определенное различие между ними. Это различие одновременно воздвигнутых зданий касается архитектурной формы, их пропорций, абсолютных размеров и внешних качеств одного и того же материала.

Среди новых строительных конструкций постройки ахеменидского времени наиболее интересным является кирпичная арка — самая древняя из известных на территории Армении (рис. 57).

Является ли эта арка, как и конструкции остальных ахеменидских построек, делом рук ахеменидских мастеров, утверждать пока не представляется возможным. Известно, однако, что в рассматриваемое время ахеменидский Иран не имел архитектурно-строительных традиций, соответствующих по своему качеству архитектурно-строительной культуре возводимых замечательных построек в Пасаргадах, Персеполе или Сузах. Сказанное подтверждается сузской клинописью Дария I, в которой, говоря о строительстве дворца, он сообщает:

«Рабочие, которые тесали камень, были ионийцы и мидяне. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидяне и египтяне. Люди, которые делали... (?), были мидяне и египтяне. Люди, которые делали кирпич, были вавилонянами. Люди, которые орнаментировали стены, были мидяне и египтяне»⁵⁰.

В этом списке Дария I мы не видим персов, как строителей сузского дворца. Поэтому весьма вероятно, что и в Эребуни, далеко за пределами Ирана, при реконструкции стоявших там зданий ахемениды также не пользовались трудом мастеров своей страны. Надо учесть еще и то обстоятельство, что в Армении была в то время жива урартская строительная традиция и несомненно имелись опытные мастера-строители.

Переходим теперь к рассмотрению построек на Арин-берде, относящихся к ахеменидскому времени.

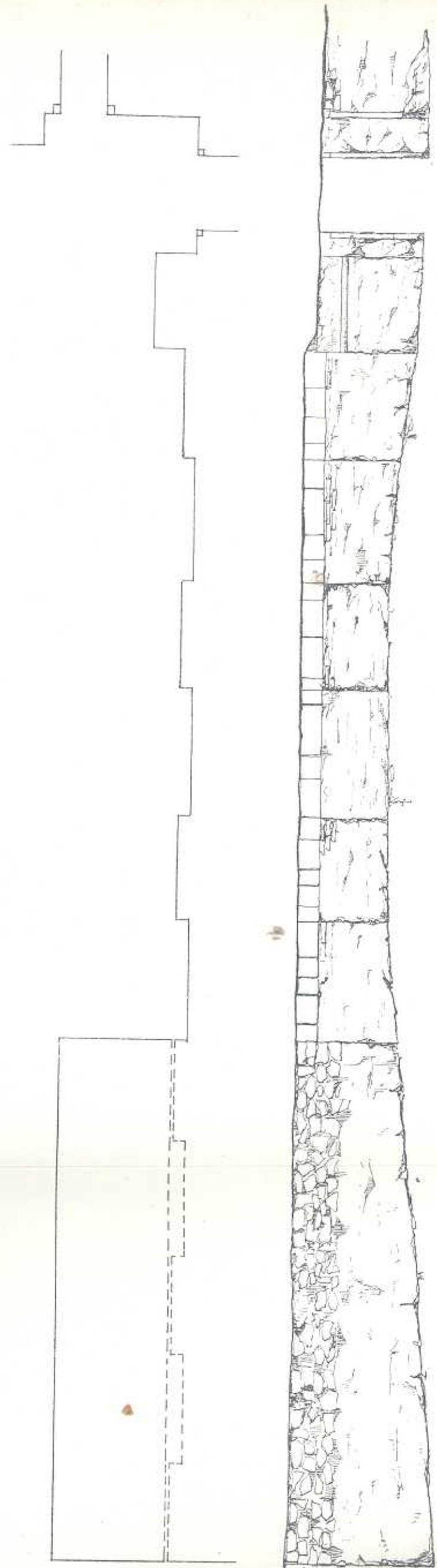
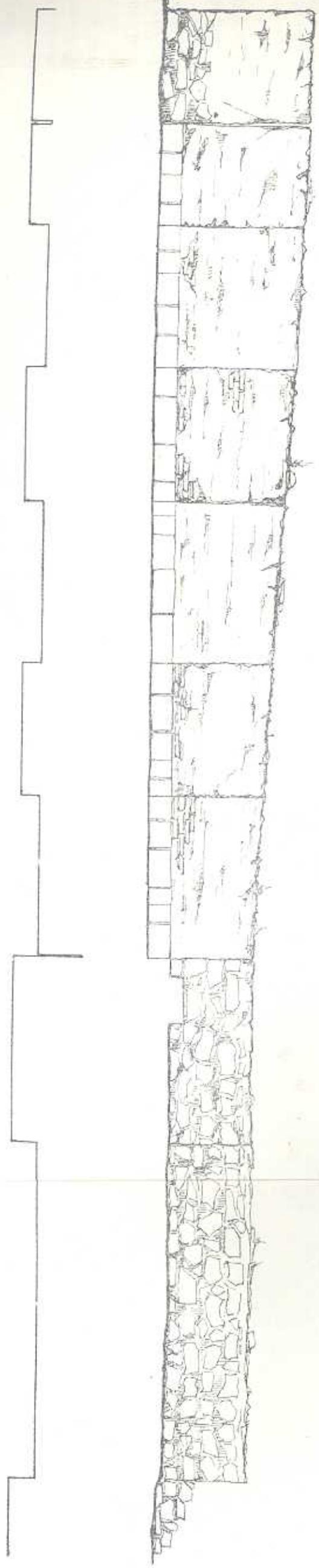
А п а д а н а .

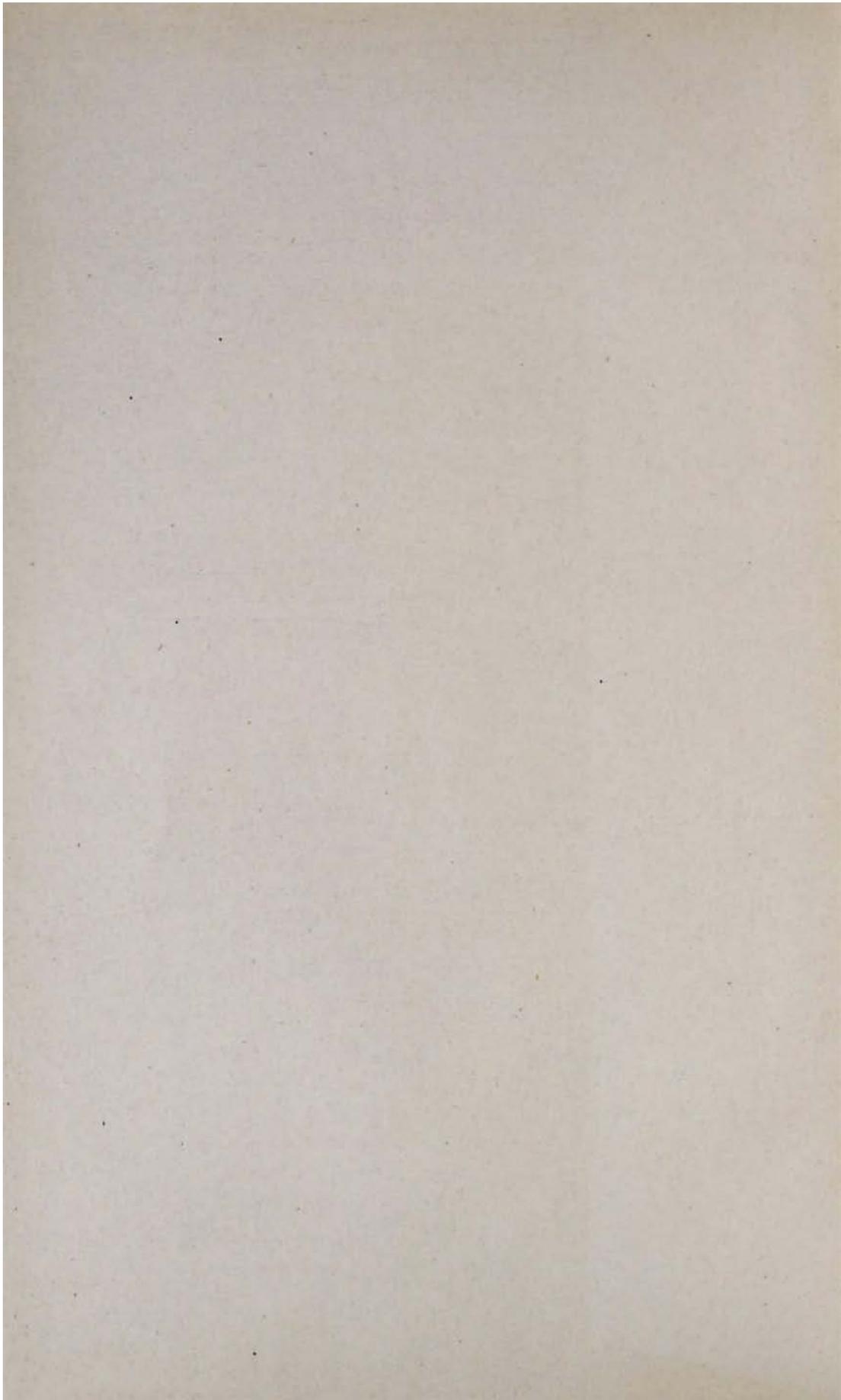
В Персеполе, после длительных раскопок, открывших большое количество дворцовых помещений и среди них несколько роскошных колонных зал-ападан, раскрывается получивший широкую известность грандиозный архитектурный ансамбль. Величественные залы сложившегося здесь ансамбля служили для торжественных аудиенций ахеменидских царей.

Ападаны Персеполя, среди которых ападана Дария I и знаменитый стоколонный зал, занимающие соответственные (62,5×62,5 м и 75×75 м) площади, являлись выдающимися светскими монументальными сооружениями древнего мира.

⁵⁰ Перевод В. Н. Абаева.

1
0
1
2
3
4
5m

Хотя и в основном известны ападаны Пасаргады, Персеполя и Суз, однако эти монументальные архитектурные сооружения были также воздвигнуты в Экбатанах — Артаксерксом II, а может быть до него и Дарием (судя по хамаданским табличкам) — и в Вавилоне в виде пристройки к южному дворцу Навуходоносора. Много общего между храмом Амона, воздвигнутом Дарием в Хибисе — в Великом Оазисе (Кхарчах) в Египте и его дворцом-резиденцией в Персеполе. В ападанах Ирана выдающаяся роль принадлежала скульптуре, барельефам, богато украшавшим грандиозное строение.

Именно ападана, а не культовая постройка, была ведущей формой архитектуры ахеменидского Ирана, и именно ападана стала доминирующей постройкой в реконструированной цитадели Эребуни.

Раскопанной здесь 30-колонный зал (29×33 м) является, так же как и ападаны Персеполя, самым большим среди исследованных зданий цитадели (рис. 40а). Надо полагать, что построенная на цитадели Эребуни ападана также служила для торжественных официальных приемов и, видимо, в связи с этим также отличалась богатством архитектуры своих внутренних форм. Кроме того, одна только эта ападана, не считая остальных помещений цитадели, могла свободно вместить две-три тысячи человек. Размер ападаны в связи с этим в определенной мере отражает значимость Эребуни для ахеменидского Ирана.

Историко-архитектурное значение раскапываемого на цитадели Эребуни колонного зала-ападаны весьма значительно. Он представлял дворцовый зал, также предназначенный для парадных торжественных церемоний, хотя по своему богатству и изысканности форм значительно уступал ападанам Персеполя.

Как уже указывалось, ападана Эребуни создана путем последующей пристройки части здания с 18 колоннами к уже существовавшему портику урартского храма, имевшего 12 колонн. Обе эти части ападаны резко отличаются друг от друга и кладкой стен, и базами колонн. Находки обломков урартской керамики не могут служить основой для датировки всего сооружения в целом, так как они были выявлены в земляных завалах крыши или в нивелирозочной засыпке пола.

Ападана на цитадели Эребуни не была одиноко стоявшим зданием: к ней, кроме большого зала, примыкал ряд различных по величине подсобных помещений. Часть из них также образована путем пристроек и перестроек и закладок старых дверей. Все это очень определенно выявляется раскопками (рис. 40а, 40б).

К этому комплексу ападаны примыкали и другие помещения, созданные путем перекрытия пространств, существовавших между южными стенами комплекса и стенами соседних сооружений. На одном участке коридора была обнаружена перегородка в его поперечном направлении.

Сохранившиеся остатки этого комплекса сделали вполне возможной реконструкцию его центрального помещения — колонного зала. Наша реконструкция дает некоторое представление о былом архитектурно-

пространственном построении ападаны, но так как мы не имеем материала для реконструкции внутреннего ее убранства, то показали только общие архитектурные формы ападаны без деталей; условной является и высота стен, поскольку их наибольшая сохранившаяся высота не превышала 4 м (рис. 45).

В колонном зале, у его южной стены, был обнаружен хорошо сохранившийся жертвенник, сложенный из сырца-кирпича на высоту 86 см от пола. К нему с обеих сторон примыкают скамьи, которые устроены по всему контуру колонного зала. Жертвенник возвышается тремя ступенями и имеет гладкую плоскость фасадной стены. Строгие, лаконичные формы жертвенника хорошо вырисовываются в интерьере зала. На жертвеннике были обнаружены сохранившиеся зола и угли, а на прилегающей стене — следы копоти. Очень вероятно, что этот жертвенник был связан с культом зороастризма (рис. 43).

Пространственное построение арин-бердской ападаны характеризуется множеством колонн, от которых на месте раскопано 26 плит из общего числа 30-ти от баз деревянных колонн, расположенных в пяти рядах по шесть в каждом из них. Расположение плит показывает точную разбивку колоннады, поскольку почти нигде не отмечены отклонения от размера 4,10 м⁵¹ или установленного расстояния между осями колонн. В этом, однако, ахемениды придерживались уже существовавшей разбивки колонн в портике урартского храма. Что касается диаметра колонн, то этот размер удалось установить на месте по кладке из мелкого булыжника, некогда прижавшегося к стволу колонны в части базы, так и сохранившейся после ее извлечения.

Капители этих колонн в реконструкции показаны в виде абак, как самых элементарных из всех возможных для них форм.

Принятое в нашей реконструкции плоское перекрытие для колонного зала, судя по деревянным колоннам, не вызывает сомнения. Кроме того, на месте обнаружено много жердей и камыша, которые при раскопках урартских памятников всегда указывают на применявшееся тогда плоское перекрытие.

Для правильного представления о внутренней пространственной форме зала важно было выявить систему естественного освещения. Вполне возможно, что здесь применялись обе известные системы — верхнебоковые и через ердык, т. е. отверстие, устроенное в потолке. Окна, устроенные в верхней части стены, не могли бы достаточно осветить весь колонный зал, имеющий глубину 29 м.

Наконец, существование ердыка в зале косвенно подтверждается наличием жертвенника у юго-восточной стены, для которого нужна была вытяжка дыма.

Поскольку вопрос естественного освещения зала остается невыясненным, в нашей реконструкции оконные проемы не показаны. Но вместе

⁵¹ Этот размер — 4,1 м — равен 8 локтям при величине 51,5 см, что незначительно отличается от урартского локтя 51,8 см.

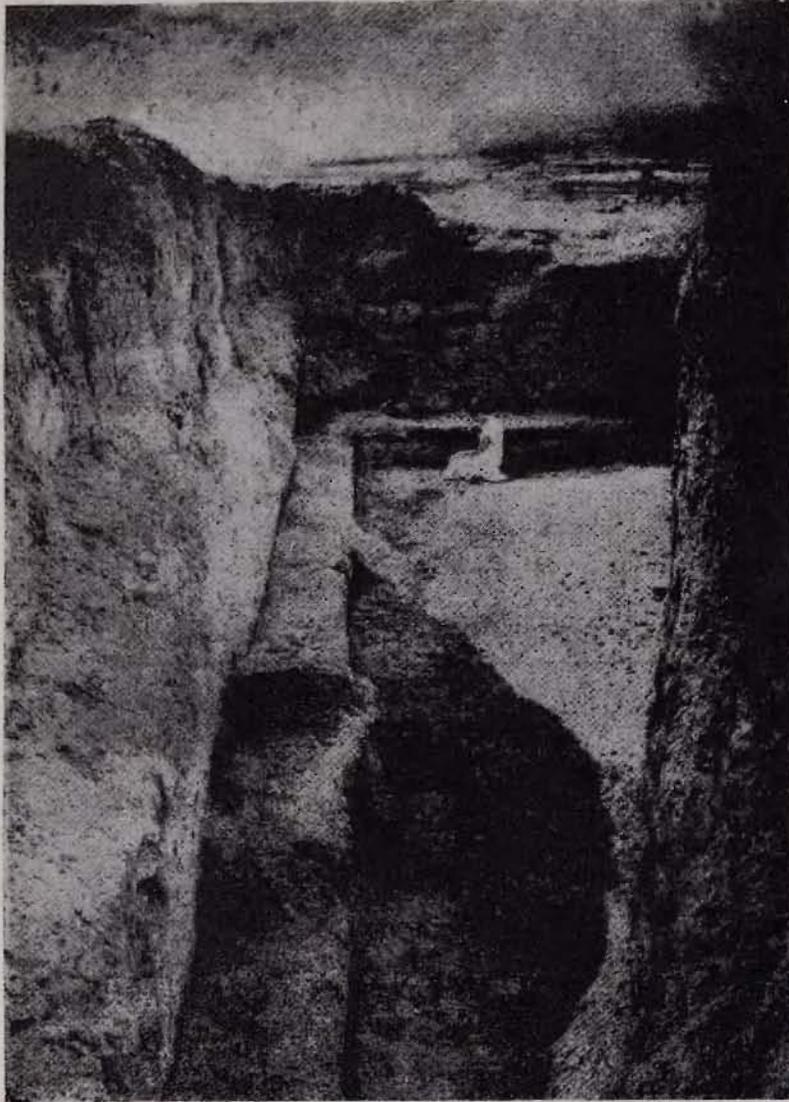

Рис. 43. Ападана. Жертвенник

с тем, нам кажется, трудно согласиться с существующим мнением о том, что в персепольских ападанах, в частности в столонном зале, освещение производилось факелами. Мелкая пластинка деталей персепольских ападан и в первую очередь формы своеобразных капителей, рассчитанные на обозрение с расстояния, не могла находиться во мраке, тем более, что величественные интерьеры ападан были рассчитаны на свою блестящую и пышную изысканность. Рассматривая вопрос об освещении ападан, А. Пооп считает, что поскольку средние части их пола были выше боковых, то аналогичным должно было быть и их перекрытие. Таким образом, А. Пооп имеет в виду базиликальный разрез, который, как известно, нашел свое соответствующее решение в гипостильных залах египетских храмов.

Рис. 44. Ападана. Северо-восточный угол

В колонном зале Эребуни следов декоративного убранства обнаружено не было; по-видимому, здесь отсутствовали и росписи на стенах, выкрашенных, так же как и храм, в ровный синий цвет. В толще стен устроены дверные просмы, элементом оформления которых являлись ступенчатые отступы на углах. Это оформление совпадает с оформлением урартских дверных проемов во дворце и храме Susi. Наружная дверь колонного зала, построенная в ахеменидскую эпоху, имела подобное же оформление своего проема. Здесь нет оснований считать, что этот элемент архитектурного оформления, выявленный в проеме ахеменидской пристройки, является механическим воспроизведением урартского образца. Еще в Персеполе и в гробницах Накши-Рустема для оформления ниш применялся тот же прием, и, возможно, что указанное оформление, возникнув в Урарту, через ахеменидское зодчество возвратилось обратно в Эребуни.

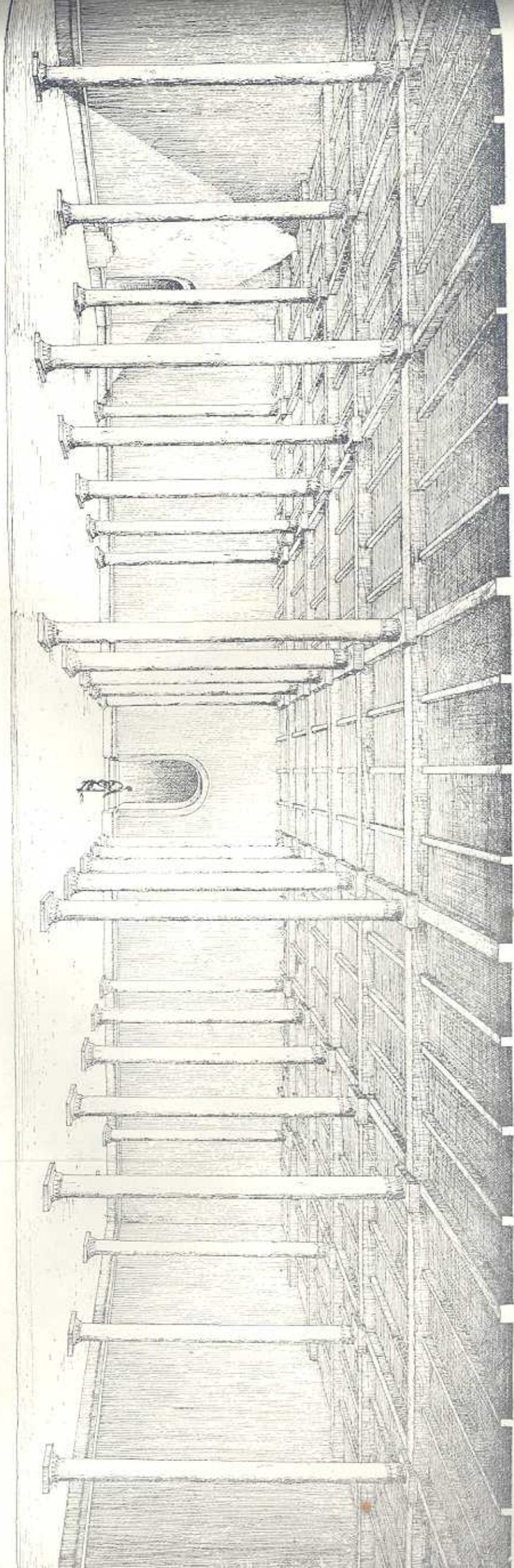
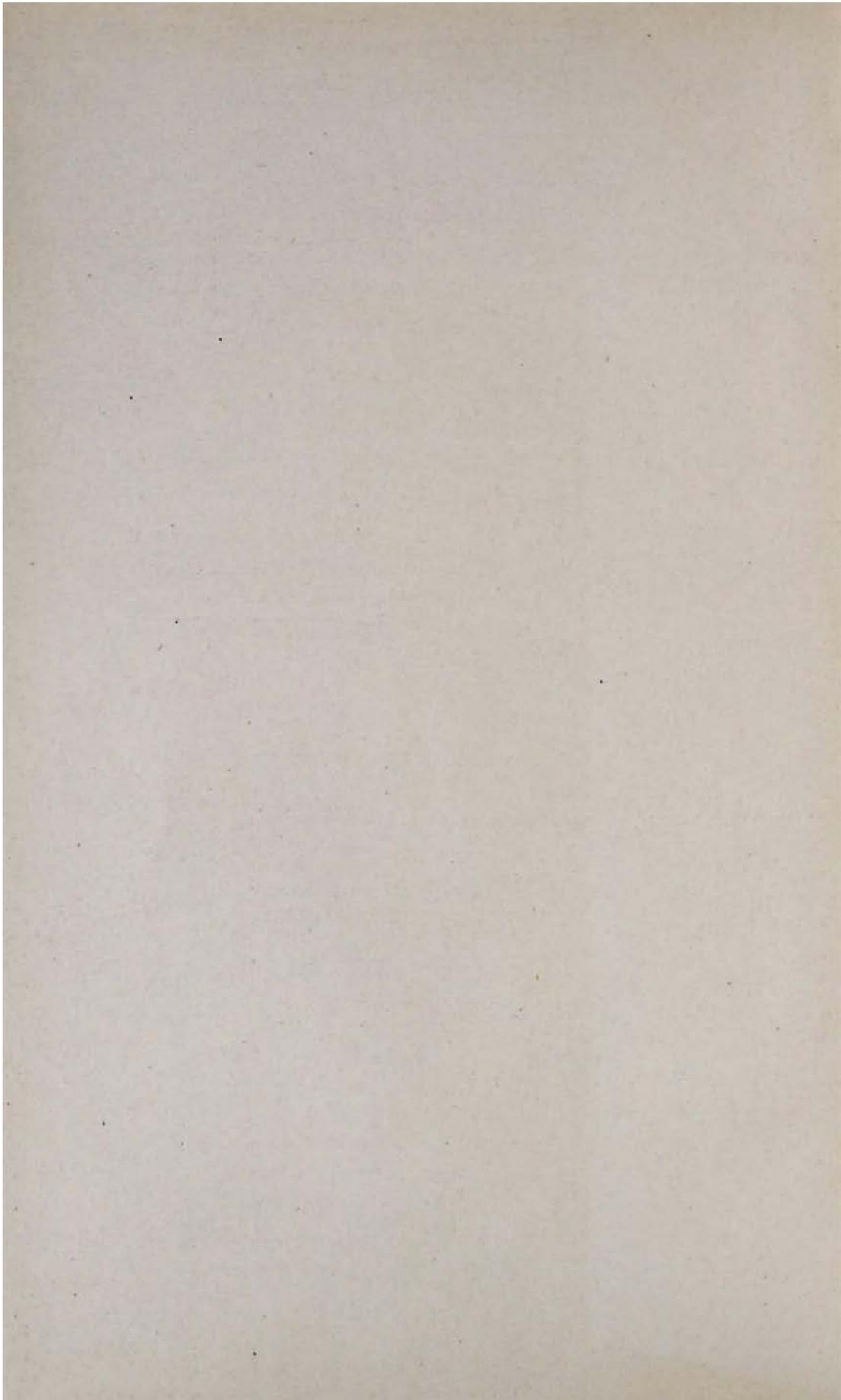

Рис. 46. Араçана, Песонотрыкка.

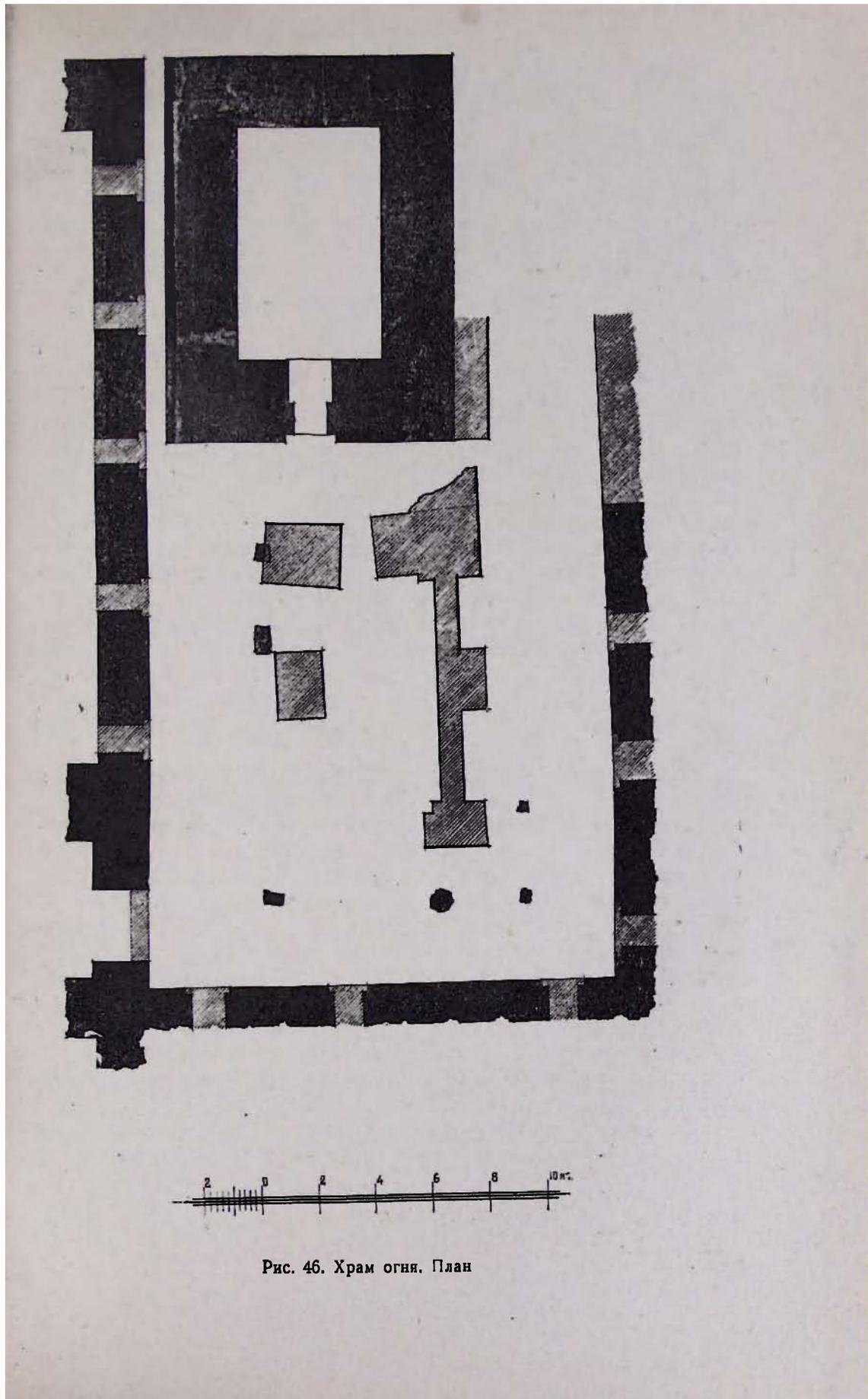

Рис. 46. Храм огня. План

Предлагаемая реконструкция колонного зала как будто не вызывает сомнения в построении его пространственных форм, имеющих четкую структуру.

Ориентировочная высота помещений в этой реконструкции принята в 6,5—7,0 м. При такой высоте помещения деревянный столб, имеющий 0,43 м в диаметре (величина зафиксирована на венце из камней на одной из баз), вполне мог быть надежной опорой для перекрытия. Принятая нами высота для колонного зала значительно меньше высоты персепольской ападаны⁵², где, по измерениям Хэймса, одни только колонны равны 19,25 м. Эта разница соразмерна площадям этих ападан: арин-бердская имсет 899 м², персепольская — 3906 м².

Таким образом, главным элементом данного пространства являются стройные деревянные колонны, ритмическое чередование которых как по фронту, так и в глубину создаст четкое композиционное построение интерьера и его пространственной границы. Колонны, обрисовывая ряды, не делили интерьер в зрительном восприятии на самостоятельные участки, а создавали единое, нерасчлененное пространство. Колонный зал характеризуется торжественностью своих широко раскинутых форм; его высокие колонны, ритмично отмеряющие пространство и создающие глубину его восприятия, раскрываясь сейчас же за мощными стенами фасада, создают контраст экстерьера и интерьера. Можно полагать, что этот контраст поражал входящего, заставляя его воспринимать все богатство архитектурных форм и, подавляя его волю, подчинял ее деспотии.

То обстоятельство, что в колонном зале при раскопках не были обнаружены балки от перекрытия и деревянные колонны, объясняется тем, что деревянные части зала еще в древности были сняты и увезены, как это обычно отмечается в ассирийских летописях, рассказывающих о захвате вражеских дворцов.

Внешняя стена ападаны была сложена из сырцового кирпича на цоколе из одного ряда базальта чистой тески и имела контрфорсы, которые придавали ей определенную мощь (рис. 41, 42). Эта стена с контрфорсами отличалась от стен построек Персеполя, где вместо выступающих контрфорсов были ниши со ступенчатым обрамлением. Можно предположить, что строителям ападаны Эребуни не был известен прием обработки стен персепольских построек, и мастера повторили традиционные урартские формы контрфорсов. В пользу этого, кроме того, говорит и другой факт, а именно, что данные стены, опоясывающие центральное помещение, не имеют внутренних пространств, что чуждо урартскому зодчеству, но широко развито в сооружениях Персеполя. Бесспорно, что эта композиция коридора, охватывающего центральное помещение Персеполя, идет от памятников месопотамского зодчества (сооружение цитадели города Ур, дворец города Мари, Дур-Шаррукин и т. д.).

Что касается теперь уже другого элемента — скамейки-приступки, расположенной по периметру зала (рис. 44), то он хорошо был извест-

⁵² «Всеобщая история архитектуры». Гос. изд. лит. по строительству, архитектуре и строит. материалам. М. 1958. Ч. 1, стр. 46.

тен, кроме Урарту (Ванская скала), и Месопотамии (храм Нарамсина в Ашнунаке, дворец Саргона в Дур-Шаррукине). В Персеполе и Пасаргадах он появляется позже. Некоторые исследователи эту скамью-приступку считают чуждой ахеменидскому зодчеству⁵³.

Рассматривая теперь некоторые, полностью сохранившиеся по своей высоте, колонны персепольских ападан, отношение диаметров которых к высоте составляет 1 : 10, 1 : 12 и болсе, согласно давно сделанному выводу, прототипом для них могли быть только деревянные колонны-столбы. Стремление еще больше увеличить эту пропорцию видно и по своеобразным капителям, система формы которых, вытягивая стволы колонн, приводит к таким соотношениям, которые еще больше соответствуют деревянным столбам.

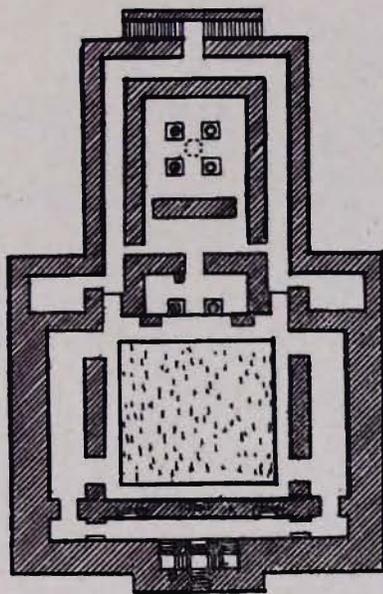

Рис. 47. Сузы. Храм огня. План

В связи с этим нам кажется устарелым имеющееся в литературе предположение о том, что в архитектурных формах ападан сказалось влияние и гипостильных залов египетских храмов. Совершенно определено, что колонны ападан, имеющие в тектоническом отношении довольно стройные и легкие построения, не могли, конечно, иметь исходными архитектурные формы гипостильных залов, с их тяжелыми и громоздкими колоннами.

Колонны гипостильных залов египетских храмов характеризуются не только своей монументальностью, но и массивностью; что касается иранских колонн, то они имеют совершенно другие архитектурные формы,

⁵³ E. F. Schmidt. The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians. The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute Communications, № 21.

характерные своей легкостью. Ясно, что архитектурный образ ападан построен на прямо противоположной идее, которая породила архитектурные формы, где главным элементом пространственной композиции были деревянные колонны.

И действительно, если обратиться к изображениям древних дворцов, высеченных на лицевых сторонах скальных царских гробниц в Накши Рустаме, то можно видеть, как на этой скале запечатлены легкие деревянные архитектурные формы. Следовательно, легкие строения из дерева имели в Иране свою определенную традицию. А в этом случае представляется наиболее вероятным, что архитектурная форма ападаны зародилась и развилась на тех территориях, где в различных проявлениях сохранились ее остатки, и там, где имелся лес — строительный ма-

Рис. 48. Храм огня. Внешняя стена камеры (Sus!)

тернал деревянных архитектурных форм. Такими странами древнего Востока могут быть, кроме Ирана, Мидия и Урарту.

Сказанное, как нам кажется, подтверждается результатами раскопок, проведенных за последние годы на территориях древних государств Урарту и Ирана. Этими раскопками открыты характерные жилые и дворцовые помещения, различные по своим размерам и плановым решениям.

Как и эти помещения, почти все дворцовые помещения Персеполя имеют колонны, поддерживающие плоское перекрытие, что, очевидно, вошло в систему построения внутреннего пространства ахеменидских сооружений. Это доказывается дворцовыми помещениями с двумя, тремя, четырьмя, пятью, шестью, восемью, десятью колоннами. Так, по мере арифметического возрастания числа колонн можно дойти до числа колонн ападан. При этом нетрудно также заметить, что по мере увеличе-

тия числа колонн дворцовые помещения все более приближаются к плановым решениям ападан. При этом во многих случаях эти плановые решения, большей частью основанные на принципах симметрии, отличаются строгостью своего построения.

Из общей массы этих сооружений, в частности воздвигнутых на персепольской террасе, выделяются ападаны Дария I и столонный зал, близкие друг к другу по своей плановой композиции.

Предложение А. Поопа вывести тип ападан из Бит-хилани несовместимо с данным объяснением⁵¹, и, как нам кажется, такая трансформация архитектурной формы Бит-хилани невозможна.

Быть может, однако, это предположение применимо для монументальных портиков, которые получили свое блестящее завершение в апа-

Рис. 49. Храм огня. Наружная стена двора с контрфорсами

дане Дария I. Что касается главного фасада ападаны Эрбуни, то здесь, в отличие от обычных портиков, столь характерных для ападан Персеполя, выступают мощные стены с контрфорсами, обычные уже для построек Урарту.

Из всего этого можно заключить, что архитектура ахеменидских ападан возникла не под влиянием египетских гипостильных зал, а на основе постепенного развития внутренней пространственной формы жилого дома, в основе которой изначально было минимальное количество колонн. Многоколонный жилой дом хорошо был известен как верхней Мидии, так и Урарту, что показали раскопки последних лет в селе Арагац, в городе Тейшебаини и в самом Эрбуни. Среди обнаруженных здесь поме-

⁵¹ А. У. Роре. Указ. соч., стр. 316—317.

щений также можно отметить различное количество установленных в них колонн.

В связи с этим можно думать, что помещения с колоннами, которые, с точки зрения своего развития, возможно, явились изначальной для ападан формой, зародились прежде всего в богатой лесом стране Урарту⁵⁵. Что касается портиков ападан, имея в виду формы Бит-хилани, мы, однако, снова обращаемся к урартскому жилью, где также видим возможную исходную точку для этой монументальной формы. В частности, в жилищах города Тейшебаини нередко встречаются крытые части дворов, древние традиции которых, вероятно, были исходной формой для храмовых портиков, в частности для портика храма бога Халди в Эребуни.

Урартское зодчество, раньше Ирана вступившее на путь своего исторического развития, успело, следовательно, раньше создать свои монументальные формы. В то время, когда в ахеменидском Иране возводились великолепные архитектурные постройки с помощью мастеров сопредельных покоренных стран с широким использованием их вековых строительных традиций, такое заимствование не может казаться удивительным. По-видимому, этим и объясняется такое быстрое развитие ахеменидской архитектурной культуры, вобравшей в себя все лучшие архитектурные традиции прошлого, искусства сопредельных стран. Быть может, им объясняется отсутствие экспериментального периода становления ахеменидской архитектуры, для которой изначальным периодом пока все остаются руины Пасаргады, но также представлявшие развитую стадию архитектуры Ирана. В этом смысле примечательны наблюдения Г. Франкфорта, по которым в Пасаргадах все основные помещения имеют продолговатую форму, в то время как в Персеполе преобладают квадратные формы плана. Если эти наблюдения хоть сколько-нибудь отражают генетическую сторону вопроса, то в этом случае мы будем иметь еще одну связующую нить персепольских ападан с архитектурами Урарту—Двуречья.

Большой храм огня

Как показали исследования средней части дворца Эребуни, там, так же как и в предыдущем здании большого храма, ахеменидами были произведены строительные работы, коренным образом изменившие плановую композицию сооружения. И на этом примере можно видеть, что строители в ахеменидский период не просто приспособивались к старым постройкам, а путем основательных реконструкций фактически создавали новые по тематическому замыслу архитектурные сооружения. Что касается урартской основы — первоначальных построек цитадели, — то они их сохраняли в определенных габаритах, подчинив новой постройке.

⁵⁵ Раскопанный в Двине многоколонный зал (К. Г. Кафадарян), судя по своей архитектуре, имеющий некоторую общность с арин-бердской ападаной, видимо, характеризуется иной генетической связью. По всей вероятности, этот памятник надо отнести к арабской культовой постройке типа мечети Омаядов в Дамаске, что соответствовало бы и всему ходу исторической жизни Двина начала VIII в.

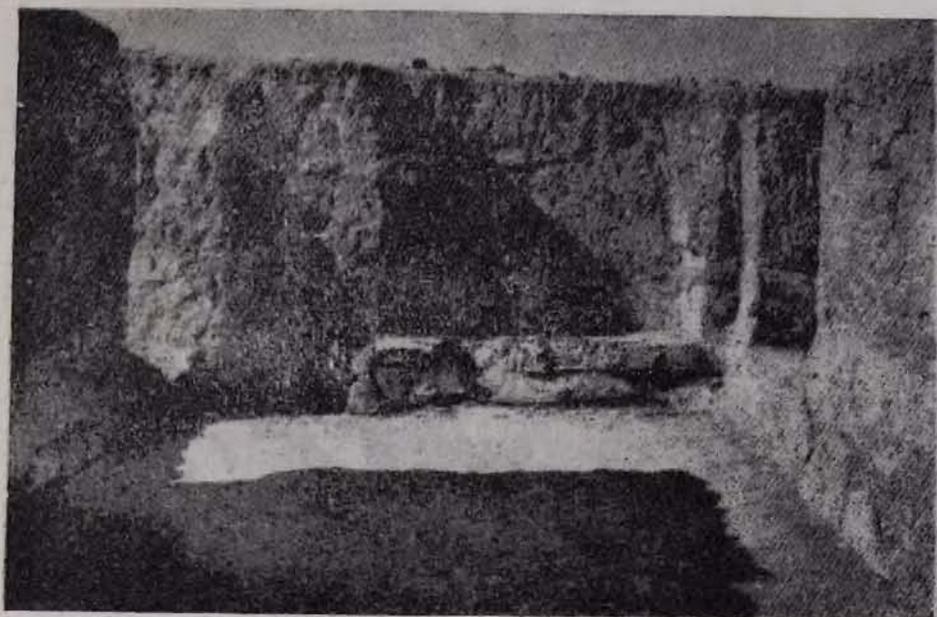

Рис. 50. Малый храм огня Зал с нишами

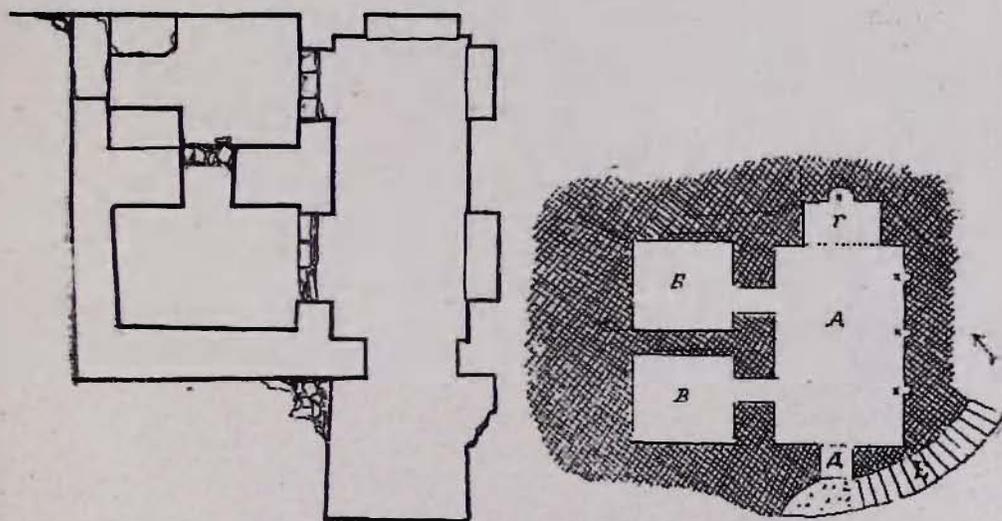

Рис. 51/52. Малый храм огня. План

Перестройка средней части дворца, произведенная в широком масштабе, как показали раскопки, коснулась всей территории перистильного двора, включая и стены помещений, выходящих на площадь двора. Установлено, что до начала перестройки были снесены портики двора.

На территории двора были возведены новые стены, перемещены базы колонн, заложены входные проемы из прилегающих помещений.

Путем сноса означенных деревянных строений двора в его средней части раскрывалось большое внутреннее пространство размером 17×19 м, заключенное с трех сторон между стенами двора, а с западной стороны ограниченное главным фасадом храма (рис. 46).

Раскрытое пространство подвергается новой перепланировке. Прежде всего закладка выходящих сюда дверных проемов сделала это пространство изолированным от остальных помещений дворца, для которых ранее перистильный двор являлся проходным.

Единственным входом в реконструированную среднюю часть дворца явился проем, образованный между северо-восточной стеной дворца и храмом. В связи с этим прежний парадный урартский вход во дворец со стороны площади цитадели оказался закрытым. Таким образом, плановая композиция дворца в части графика движения оказалась совершенно преобразованной. Теперь уже ограниченным продолжением раскрытого двора становится внутреннее пространство храма Susi, на основе которого создается новая ахеменидская постройка, получившая довольно четкое плановое выражение. Согласно этому новому решению была воздвигнута каменная стена, вплотную прилегающая к северному фасаду Susi. Эта стена была возведена на уровне 0,4 м выше фундамента храма с северной его стороны, что говорит о большом слое наносной земли, имевшейся здесь к моменту указанной реконструкции (рис. 48). Различие горизонтов фундамента храма и пристроенной стены не вызывает никакого сомнения в том, что стена была пристроена значительно позже храма. Стена эта, продолженная в самом дворе, делит его в продольном направлении на две неравные части; меньшую — северную и большую — южную, непосредственно находившуюся перед храмом. Большой двор оказался внутренним, поскольку ограничивающая его стена с обратной или с северной стороны выявлена с контрфорсами (рис. 49). В этот двор ведут с северной части два входных проема: один — узкий, шириной в 0,9 м, находящийся в стене непосредственно у храма, а другой — широкий, в 2,4 м, на противоположном конце той же стены. В самом дворе, на расстоянии 1,2 м от фасада Susi и по его оси, был установлен растянутый в поперечном направлении пилон, преграждавший вход в храм. С северной стороны от стены с контрфорсами навстречу этому пилону выступал полупилон, образующий проход.

Таким образом, непосредственно перед храмом Susi было возведено помещение, установленное поперечно. Оно было крытым, на что указывают найденные здесь остатки жердей и камыша, являвшихся частями плоского земляного перекрытия. Остальная часть замкнутого пространства, по-видимому, оставалась открытой, представляя двор.

Открытое здесь, в средней части двора, непосредственно у храма, сооружение имеет, как нам кажется, важное значение для определения функционального назначения двора, а следовательно, и всей постройки в целом. К этому сооружению относится прямоугольный в плане постамент высотой 0,7 м, выложенный из базальта на глине. В его южной стороне лежит базальтовый камень с высеченными на нем двумя ступенями. Южнее его, под самой стеной двора, устроена скамейка длиной в 2 м, выложенная из сырцового кирпича, которая, вероятно, была связана с постаментом.

Пол между скамьей и постаментом, в отличие от других частей двора, был выложен крупными базальтовыми плитами, в то время как остальные части пола были вымощены мелким булыжником.

Нам кажется, что упомянутое здесь сооружение представляло собою место для жертвоприношений.

Таким образом, на основе урартского перистильного двора и храма Susi здесь была создана новая постройка, назначение которой, как нам кажется, легко определяется, если мы в поисках аналогии остановимся на одном известном памятнике ахеменидской архитектуры, а именно на храме огня из раскопок в Сузах⁵⁶ (рис. 47).

Общность обоих памятников — перестроенного перистильного двора и храма Susi — в Эрбунни, а также храма огня в Сузах, большая.

Обращаясь теперь к отдельным деталям плана обоих памятников, можно отметить для них наличие прямоугольных сооружений на подчеркнутых местах или на продольных осях. В нашем случае таким сооружением является храм Susi, или такое же прямоугольное в плане сооружение, как узкая камера. Там, в Сузах, в этой камере поддерживался вечный священный огонь, в соответствии с канонам зороастризма. Этот огонь никогда не должен был соприкасаться с лучами солнца или даже с дневным светом. Камера эта была ядром храма огня и, следовательно, его самым священным местом. Именно поэтому камера сузского храма огня была с внешней стороны ограждена дополнительной стеной, заложеной параллельно трем ее стенам, с коридором между ними, с целью большей защиты неприкосновенности данного священного места.

На Арин-берде такой коридор имелся с южной стороны храма Susi. Проследить его продолжение на запад не удалось, так как здесь холм сильно разрушен. Что касается северной стороны, то тут ограждающая камеру стена оказалась приставленной непосредственно к боковой стене Susi, однако без оставления коридора. Такой план храма огня с окружающим коридором, по-видимому, являлся выработанным типом. Так, спустя много веков эту плановую схему почти пунктуально повторяют согдийские храмы Средней Азии⁵⁷.

Во внутреннем помещении храма Susi был обнаружен очень толстый зольный слой, покрывавший весь пол храма на высоту 0,2—0,3 м.

⁵⁶ E. Schmidt. Persepolis. 1957, стр. 29—36.

⁵⁷ «По следам древних культур». Гос. изд. культурно-просветительной литературы. 1951. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикенд, стр. 240—250.

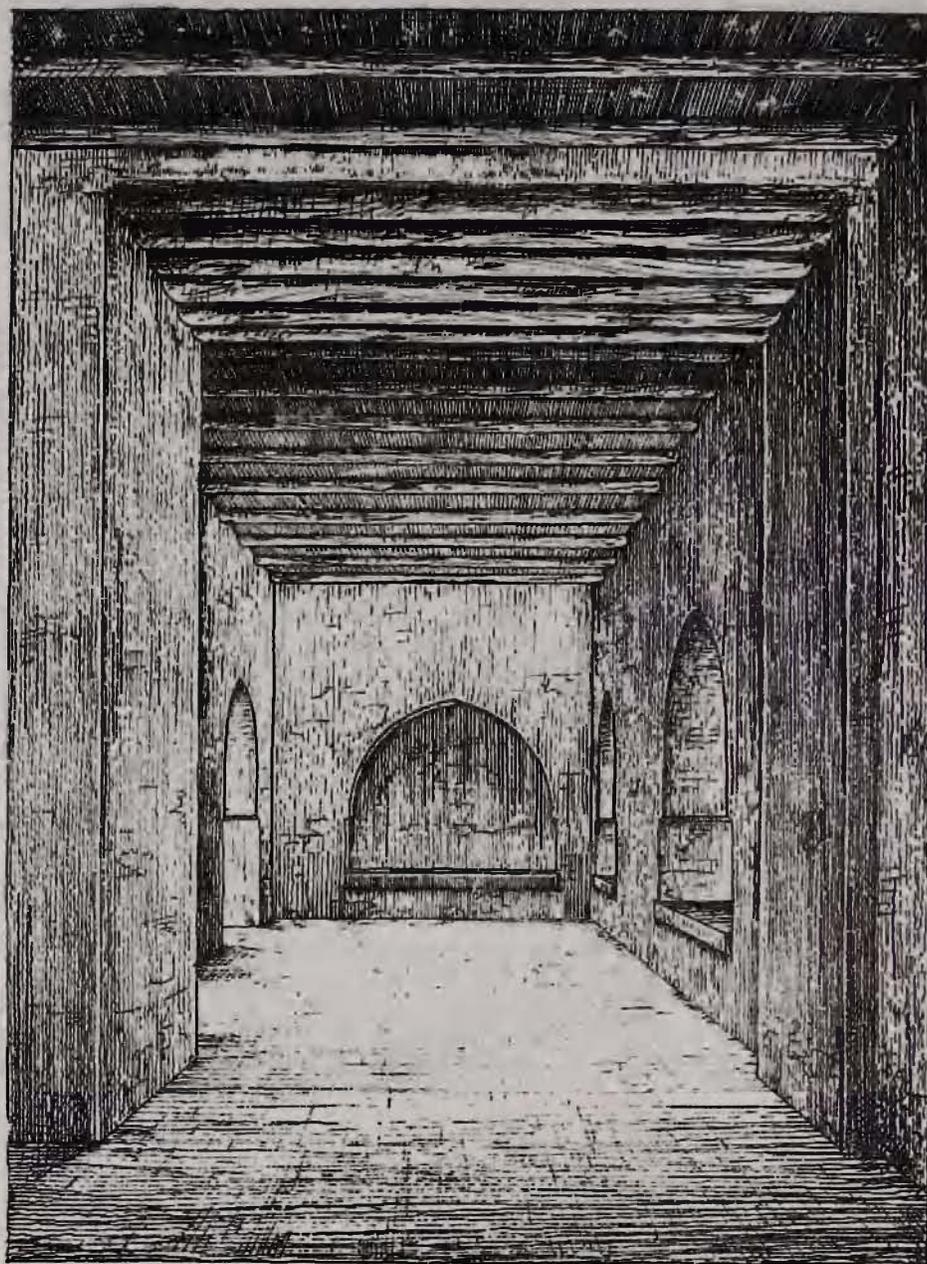

Рис. 53. Малый храм огня. Реконструкция зала.

Вначале могло казаться, что это следы пожара, происшедшего в здании, однако в золе не оказалось обугленных остатков дерева, как это обычно бывает после пожара. Чистая зола, обнаруженная в храме Susi, не оставляет сомнения в том, что она являлась остатками жертвоприношения и была собрана с алтаря.

В Сузском храме огня, в расположении дверных проемов по фасаду камеры и его стен в ее глубине, замечается их шахматная расстановка, что имело целью преградить проникновение лучей солнца или дневного света в эту камеру священного огня.

Аналогичное устройство дверных проемов было и при перестройке участка перед Susi. Однако, поскольку здесь уже существовала дверь в храм, для достижения такого же расположения проемов пришлось исходить уже от существовавшей двери. Для этого пришлось соорудить пилон, который и был установлен перед входом в храм Susi, а по обе стороны пилона были оставлены дверные проемы.

Кроме того, как показало исследование, храм имел двойные двери, устроенные в толще фасадной стены. Совершенно ясно, что необходимость в двойных дверях определялась все тем же желанием оградить внутренность камеры от проникновения дневного света при открывании дверей.

Как видно, коренная перестройка этого участка дворца все же не смогла до конца приблизить урартскую постройку к ахеменидскому типу храма огня. Однако строители стремились в данном случае сохранить основные принципы храма огня, а не дагь копию какого-либо существующего храма. Кроме камеры и крытого перед ним помещения, вся остальная часть двора оставалась открытой. Можно утверждать, что двор являлся местом для культовых церемоний, судя по выявленному в его средней части комплексу алтари, скамьи и др. Этот небольшой комплекс представляется нам именно алтарем под открытым небом, кл-кие сохранились от ахеменидской эпохи Ирана в Пасаргадах, Никши-Рустеме близ Персеполя и т. д.

Правила устанавливать алтари на высоких холмах находят соответствующие условия здесь, в Эребуни, цитадель которого возвышалась над окружающими холмами.

Алтарное сооружение являлось основным атрибутом культовых церемоний ахеменидов посвящения священному огню. До нас дошли некоторые, хорошо сохранившиеся, формы этих алтарей и ряд их изображений на рельефах сасанидских монет. Как отмечает К. В. Тревер, исходя из хронологической последовательности этих монет, форма аташдана — жертвенника огня — все меняется с течением времени. Так, видимо, ранней формой был алтарь, обнаруженный близ Пасаргад⁵⁸. Он представляет собой мощный постамент, сложенный из камня, и имеет кубическую

⁵⁸ Albert Malet. *L'antiquité L'orient. Le Grèce.* Rome—Paris. 1919, p. 120. Олмстэд допускает, что эти пасаргадские жертвенники огня были посвящены Анахит и Ахурамазде. Rogarg, под влиянием Страбона, расположен считать эти места богослужениями в честь огня и воды. E. Schmidt. *Persepolis.* Chicago, 1957, p. 22.

форму с уступчатым завершением и лестницей, ведущей на площадку, где возгорался священный огонь.

Таким примерно и является упомянутое алтарное сооружение Эребуни.

Как здесь, так и в Пасаргадах сам алтарь никак не оформлен. Этим он отличается от персепольских алтарей, которые имеют декоративные аркады на полуколонках с лицевых сторон. Между тем возможно, что последние не очень отличаются по времени своего строительства, если принять утверждение Деляфуа об эпохе персепольских алтарей.

Что касается жертвенников, изображенных на реверсах сасанидских монет, то между ними можно отметить большое различие. Жертвенники или аташданы, изображенные на монетах, хотя и различаются по своей форме, однако все они имеют вид колонн, круглых или прямоугольных в сечении, установленных на ступенчатом основании и несущих плиты, на которых установлены жаровни для священного огня, указанные во всех случаях⁵⁹.

Таким образом, раскопки центральной части дворца Эребуни показывают редкий случай архитектурного перевоплощения урартского храма Susi и примыкавшего к нему перистильного двора в ахеменидское культовое сооружение — храм огня.

Эпоха возникновения ахеменидских храмов огня совпала в Иране с большой религиозной борьбой в стране. Борьба шла с целью установления в религии ахеменидов, взамен почитания древних племенных богов Ирана, культа Ахурамазды, великого бога неба. Эта борьба, в конечном счете приведшая к религиозной реформе в стране, в своем позитивном смысле означала, как заключает акад. В. В. Струве, укрепление центристических сил державы⁶⁰.

Эту борьбу начал Дарий I, завершил же ее его сын Ксеркс, о чем рассказывает известная надпись Ксеркса из Персеполя, найденная Э. Херцфельдом и изданная им в 1937 г. В этой надписи, известной в литературе как надпись о дэвах, говорится: «...Затем волею Ахурамазды я те капища дэвов разрушил и издал запрет: дэвы не должны почитаться. Где раньше дэвы почитались, там я Ахурамазду почитал и именно через право (арто), через священный огонь».

Таким образом, можно полагать, что вопрос касается весьма коренных мероприятий, поскольку разрушениям подверглись не только религиозные принципы, идеи, но и сами архитектурные сооружения. Приведенные в этих надписях сообщения о разрушении Ксерксом храмов дэвов вполне соответствуют действиям предшественника Дария I — мага Гауматы, который также разрушал храмы, по-видимому, тех же древних племенных богов Ирана⁶¹. Об этом говорится в Бехистунской надписи,

⁵⁹ К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет, стр. 266—267.

⁶⁰ «Советское востоковедение». V. М.—Л. 1948. В. В. Струве. Родина зороастризма, стр. 12.

⁶¹ И. М. Дьяконов. История Мидии. АН СССР. Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР. М.—Л., стр. 43.

где храмы, разрушенные магом Гауматой, названы Айхаданами, из чего надо заключить, что Айхаданы, или Айаданы, и были храмами древних племенных богов Ирана.

Что касается надписи Ксеркса, говорящей о дэвах, то мы берем под сомнение необходимость дословного понимания его сообщения о разрушении упомянутых храмов. Нам кажется, что, уничтожая почитание дэвов, Ксеркс не разрушал храмы до основания, а коренным образом их перестраивал, приспособляя к новым целям. Такое предположение прежде всего обусловлено идентичной формой ритуала для многих древних племенных богов Ирана, где вечный священный огонь почитался задолго до ахеменидов и требовал в таких случаях соответствующих зданий. Ведь известно, как об этом сообщает ученик Аристотеля Евдемий Родосский (V в.), что все иранские племена поклонялись в древности богу Зрвану — отцу Ормузда и Ахримана—доброе и злого, светлого и темного начала⁶². Аналогичный вывод о том, что если Ксеркс, издавая повеление почитать Ахурамазду через «священный огонь», не мог одновременно уничтожать места почитания огня, мы находим у акад. В. В. Струве, который, однако, приходит в связи с этим к мысли, что храмы дэвов не были местом почитания огня. Этим он опровергает выдвинутое В. Херцвельдом предположение о тождестве храмов огня и храмов дэва. Но, как нам кажется, дело именно в том и заключается, что Ксеркс не разрушал эти храмы до основания. Так, Ксеркс говорит: «Где раньше дэвы почитались, там я Ахурамазду почитал и именно через право, через священный огонь». Следовательно, Ахурамазда стала почитаться там, где раньше почитались дэвы, т. е. на месте старых храмов. Этого не отрицает и акад. В. В. Струве, когда он пишет, что «из точного смысла приведенных строк надписей следует, что Ксеркс, разрушив капища дэвов, не воздвигнул какие-нибудь другие здания, а на месте, очищенном от капища дэвов, стал почитать Ахурамазду «через право, т. е. через священный огонь»⁶³.

Остается лишь непонятным, почему ахемениды, разрушая храмы дэвов, почитание культа Ахурамазды проводили на местах уничтоженных старых богов? Подтверждение предположения о том, что после разрушения капищ дэвов Ксеркс не возводил новых строений, акад. В. В. Струве видит в том, что всегда любивший подчеркивать свою строительную деятельность Ксеркс на этот раз умалчивает о ней. Следовательно, на старых местах новых храмов он не строил. Такое предположение вполне соответствует сведениям Геродота о том, что ахемениды не строили ни храмов, ни алтарей, а тех, кто это делал, они упрекали в глупости. По-видимому, прав акад. В. В. Струве, считая, что Геродот мог говорить

⁶² Цит. по К. В. Тревер. Отражение зороастризма в искусстве. Государственный Эрмитаж. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Т. I. Л. 1939, стр. 244—245.

⁶³ «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. I, № 3. Академик В. В. Струве. Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов, стр. 136.

так об ахеменидских алтарях, поскольку в его понимании, как грека, они очень отличались от алтарей греческого культа. Нам кажется, что это замечание приемлемо и по отношению к ахеменидским храмам, поскольку в понимании грека и они не могут представляться храмами. Ясно, однако, что храм огня в Сузах в архитектурном отношении представляется как вполне законченная форма. Следовательно, ахеменидский храм в Эребуни, как повторение Сузского храма, являлся свидетельством уже выработанной формы храма.

Теперь становится понятным, что если Ксеркс, разрушая храмовые здания старых племенных богов Ирана, не возводил на их местах новых крупных сооружений, достойных упоминания, то, по-видимому, это не связано с отсутствием храмов как таковых в культовых обычаях ахеменидов. Нам кажется, что Ксеркс, уничтожая почитание дэвов, на прежних местах их культа полностью не разрушал наличные там архитектурные памятники, а перестраивал их. Реконструкция урартского храма Susi в Эребуни в храм огня является хорошим примером приспособления старой постройки к новым целям.

Подобную картину мы наблюдаем и в древней Армении, где, по сведениям летописцев, при объявлении христианства официальной религией государства, в стране разрушались все старые языческие храмы. Между тем, как показывают новейшие исследования, многие из них не были разрушены до основания, а пережили только реконструкцию.

Спустя несколько столетий, уже в I веке до нашей эры, мы видим, как Страбон называл храмами многие иранские сооружения в Каппадокии, которые представляли собой ограды, опоясывающие местность, посредине которой возвышался алтарь для жертвоприношений.

Вероятно, такие «храмы», которые Страбон видел и в других местах Каппадокии (Анахиты, Омана), имели долгую жизнь, что можно видеть на примере Сураханского храма огня близ Баку (последний жрец его парс из Бомбея вернулся в Индию в 1880 г., когда ему наскучило, наконец, одиночество). И здесь в Сураханских «Атешгах», в жилище огня, святилище помещено в средней части застроенного по контуру двора. Надо полагать, что этот храм, основанный на месте древнейшего зороастрийского храма, в своей плановой композиции повторял его⁶¹.

Однако, во всех случаях, там, где стояли алтари священного огня, для почитания культа Ахурамазды находились также помещения, в которых поддерживался этот огонь, полностью изолированный от дневного света.

Таким образом, очевидно, что место почитания Ахурамазды имело темную камеру и огражденное пространство для священного огня. Нам кажется, что выразителем их единого архитектурно-пространственного построения представляется храм в Сузах, который является результатом объединения двух различных пространственных построений с точки зрения их функциональных задач: камеры и двора.

⁶¹ С. Б. Ашурбейли. Об истории Сураханского храма огнепоклонников. Памятники архитектуры Азербайджана. Гос. архитектурное издательство. Москва — Баку. 1946.

Судя по некоторым примерам, историческая жизнь архитектурных форм данной культовой постройки была довольно продолжительной. Тут в первую очередь следует упомянуть храм согдийцев из раскопок в Шахристане древнего Пянджикенда⁶⁵. Плановая композиция данного, как и некоторых других храмов Средней Азии, имея большое сходство с Сузским храмом огня, безусловно говорит об их тождестве, если даже учитывать некоторые незначительные различия между ними.

Мы полагаем также, что плановое решение Сузского храма огня, являясь в архитектурном отношении вполне законченной формой, возможно могло способствовать формированию и индийских храмов, поскольку здесь наблюдается большое сходство. Имеются в виду, в частности, планы таких индийских храмов, как пещерный храм в Аянте, Каиласа в Элуре и др. Ведь известно, что в свое время в Индии жило много парсов-огнепоклонников, значит существовали также храмы огня, которые могли оказать на архитектуру индийских храмов определенное воздействие. Кроме того, устанавливаются некоторые связи индийской архитектуры времен Ашоки с архитектурой ахеменидов.

Возможно, что иранская и индийская культовая архитектура имела и иные точки соприкосновения. Возникает вопрос, не является ли столь своеобразная индийская деревянная «божественная колесница»—Вимана—каким-либо образом связанной с традицией, идущей от священной колесницы Ахурамазды, которую везла восьмерка белых лошадей несейской долины, сопровождаая Ксеркса в его походе на Грецию?

Малый храм огня

Раскопки 1957—1958 гг., произведенные у стены фасада дворца (E-GAL) на расстоянии 20 м к востоку от его главного входа, раскрыли остатки примечательного сооружения. Последующие исследования памятника показали, что он был построен на месте древнего урартского здания (Agi).

Общие размеры памятника невелики. По своему внешнему обмеру он составляет 12 × 8 м и состоит из трех помещений; одно из них большое и несколько вытянутое по продольной оси, два других — меньших размеров (рис. 51).

В своем плане сооружение имеет довольно компактное построение с сообщающимися помещениями между собой, кроме юго-западного, которое, при наличии арочного проема, отделено от большого помещения низким кирпичным ограждением высотой в 0,35 м. Снаружи здание имеет глухие стены и, следовательно, надо полагать, что интерьер его освещался лишь через дверной проем.

В здании в архитектурном отношении выделяется вытянутый зал, где раскрыты четыре ниши, идентичные по форме, но различные по размерам. В этих нишах были устроены скамьи из сырца-кирпича, наподобие тех, которые мы видели в ападане, отличаясь от последних тем, что

⁶⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 240—250.

они сложены заподлицо стены. Так же как и в ападане, скамьи покрывались цыновками, следы которых сохранились на месте. Ниши, как и все двери в сооружении, завершены двухцентровым арочным верхом и являются самым ранним из известных примеров данной конструкции в Армении. Наряду с этими арками перекрытие здания было плоское, деревянное, такое же, как все аналогичные урартские перекрытия, о чем свидетельствуют найденные здесь при раскопках жерди, камыш и обугленные остатки балок. В остальных помещениях никаких других архитектурных деталей не обнаружено, кроме утолщения стен в малой комнате, или камере. Не найдено также никакого археологического материала (рис. 50).

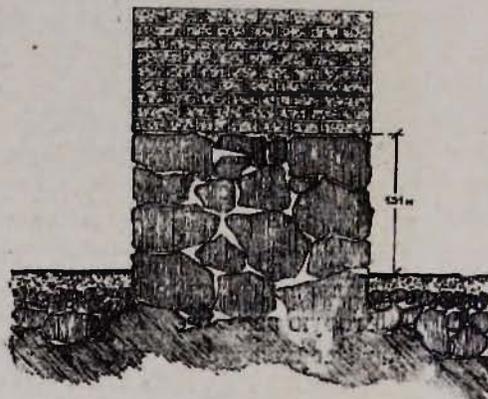

Рис. 54. Фундамент стен

Во всех помещениях сохранился слой золы толщиной около 15 см. По аналогии с описанным выше храмом огня, можно полагать, что и это здание имело подобное культовое назначение, на что прежде всего указывает зола, покрывающая все комнаты сооружения и собранная в юго-западной комнате. По-видимому, эта зола была собрана с жертвенников.

Соседнее помещение было местом, где поддерживался вечный священный огонь. Такое предположение обосновано тем, что эта камера, кроме выявленной здесь золы, имела необходимое утолщение своих стен, как основное условие для охраны святилища. Большое помещение данного сооружения предназначалось для одновременного пребывания в нем значительного количества людей, о чем говорят устроенные здесь скамейки в нишах. В связи с этим надо полагать, что именно здесь и совершались культовые церемонии.

Вход в храм был устроен с южной стороны. Хотя раскопки в этой своей части еще не закончены, однако можно утверждать, что тут имеются остатки предзального помещения.

Раскопки показали хорошую сохранность остатков храма, стены которого стояли до высоты 2 м и полностью выявляли былую архитектурно-пространственную форму сооружения. Эти стены были выложены, подобно остальным ахеменидским пристройкам цитадели, из сырца-кир-

пича, начиная от нижнего цокольного ряда. Арки в нишах, как и в некоторых дверных проемах, сохранили свои былые очертания, но в процессе раскопок быстро разрушались; удалось сохранить лишь пяты этих арок.

Между тем, при наличии арок в помещении, в процессе раскопок обнаружены, как было сказано, жерди и камыш, по которым было установлено плоское, а не сводчатое перекрытие здания, что в данном случае больше соответствовало бы выявленным здесь арочным конструкциям. Впрочем, судя по последующим примерам, это не всегда обязательно. Так, во дворце в Хатре в северной Месопотамии, в Хауране, в восточной Сирии или во внутренней Аравии, как это засвидетельствовано Вогюзом и Бутлером, имеются конструкции перекрытия, в которых несущие их арки до своей замковой части заложены кладкой; на них уже, как на балках, в продольном направлении укладывались каменные горизонтальные плиты⁶⁶.

На основании всего описанного материала удалось составить реконструкцию интерьера храма — его большого зала. Согласно этой реконструкции, зал имеет вытянутую форму, которая оживляется проемами ниш, завершенными двухцентровыми арками. Сохранившиеся остатки сооружения позволили по данным обмеров полностью восстановить помещения почти включительно до арок. Высота остальной части зала выше арок и до потолка принята на основе приемлемых соотношений для данных архитектурно-пространственных форм зала (рис. 53).

Выявленные в результате настоящей реконструкции, архитектурные формы зала с его арками в нишах, выложенными из сырца-кирпича, являлись до настоящего времени неизвестными как для урартского, так и ахеменидского зодчества. Долголетние раскопки Арин-берда, Кармир-блур и Арагаца всегда выявляли проемы, крытые балками, но не арками из кирпича, как в данном случае. И, несмотря на то, что раскопанная на Арин-берде арка из сырца-кирпича является первым наглядным примером такой конструкции, все же существование как арок, так и сводов в зодчестве Урарту известно по многочисленным другим материалам. Таким примером могут служить, прежде всего, скальные сооружения, хорошая сохранность которых полностью донесла до нас эти конструктивные формы, вырубленные в массивах скал. Арки находим и в знаменитых нишах Сардури I у Ванской скалы в виде завершения входного проема пещеры Нафткую Зым-Зымдагских гор; здесь же большой зал этой пещеры имеет сводчатое завершение, так же как и зал пещеры Ичкала⁶⁷. Кроме того, арки, или своды, видны над воротами урартских крепостей в Арзашку и Сугунии, изображенных на древнеассирийских рельефах из дворца Саргона⁶⁸.

Эти примеры дают нам полное основание предположить, что арка и свод, выраженные в каменных формах, должны были, следовательно-

⁶⁶ А. У. Роре. Указ. соч., рис. 100.

⁶⁷ Б. Б. Пиотровский. Урарту, стр. 267.

⁶⁸ Там же, стр. 52, 54.

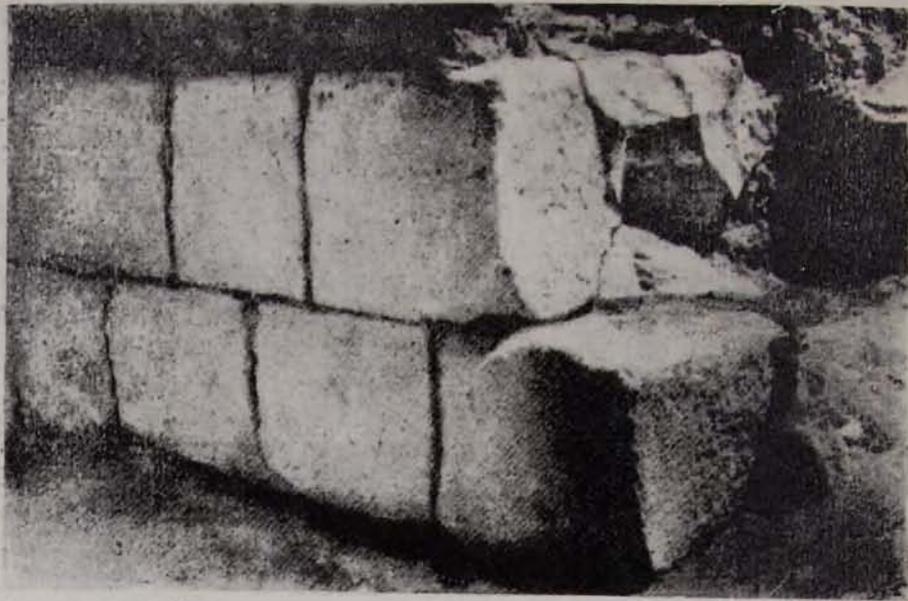

Рис. 55. Камни кубической формы стен Susi

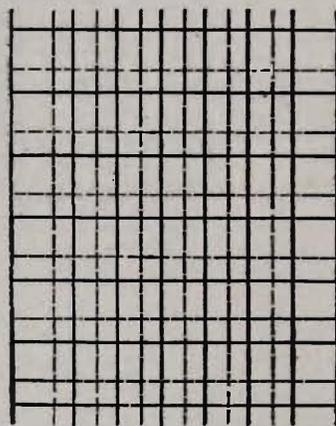
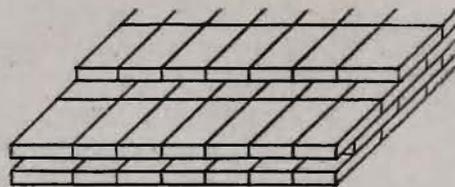

Рис. 56. Система кладки кирпичной стены

но, применяться и в другом основном для Урарту строительном материале — сырце-кирпиче.

Что касается ахеменидского зодчества, то в нем известно существование сводов, которые сохранились в раскопанных памятниках Суз и Персеполя.

Не имея конкретных данных о принадлежности арин-бердских арок к той или иной архитектуре, мы можем пока сделать лишь одно из возможных предположений, согласно которому вся строительная техника ахеменидских построек Эребуни была связана с урартскими традициями.

Обращаясь теперь к аркам храма огня Эребуни, можно видеть, что они двухцентровые и выложены на глиняном растворе из кирпича, высушенного под солнцем. Так же как в Египте и Ассирии, арка здесь укладывалась отдельными вертикальными или поперечными отрезками, поставленными на выступающие заподлицо стены горизонтальные кирпичи, прижатые к внутренней стенке ниши. Вся арка по своей толщине составляет пять таких поперечных отрезков.

Различие между арками Египта и Ассирии и аркой Эребуни состоит в том, что швы каждого поперечного отрезка арок Эребуни совпадают со швами соседнего отрезка, поскольку расположения кирпичей в них идентично.

В дальнейшем эту арку с поперечными отрезками, но в более развитом виде и уже при значительном пролете, находим во дворце парфянской архитектуры Ашура (I в. н. э.)⁶⁹.

Обращаясь теперь снова к общему плану храма огня в Эребуни, мы должны отметить очевидное отсутствие каких-либо близких архитектурных аналогий, что не должно удивлять, так как известно, что ахеменидские храмы огня в рассматриваемое время еще не выработали какую-либо постоянную и традиционную свою форму. Такой устойчивой формы в сущности не было также и в дальнейшем, как, например, в парфянскую или в сасанидскую эпохи Ирана. Поэтому храмы огня зороастранского культа, как нам кажется, выявляются не столько по своим узаконенным архитектурным формам, сколько по различным их разрозненным фрагментам, в которых, однако, всегда отчетливо можно видеть принципы зороастризма. Здесь можно видеть формы не только местного иранского происхождения, но и идущие от архитектурной культуры Месопотамии (Парфянский храм Ашура) и греко-римского мира (храм Варга), а также формы храма «Периптер» из Ашура, храма из Истахры близ Персеполя. Что касается храма Таксилы (I век н. э., северная Индия), здесь как в фокусе сконцентрированы различные архитектурные формы. Так называемый «зиккуратт» данного храма, кроме своих месопотамских черт, определенным образом соприкасается и с «Мандапам»-ой индийских храмов. В остальном здесь видна греко-римская основа.

Тем не менее мы находим возможным в качестве аналогии к плановой композиции храма в Эребуни привести пещерное сооружение, обнаруженное в горах около деревни Сенгер в 7 км от Маку, по дороге из

⁶⁹ A. U. Pope. A Survey of Persian Art. London and New York. 1938. T. I.

Баязета⁷⁰. Сенгерский памятник также состоит из трех комнат при аналогичном плановом построении, но с незначительным отличием. Главное помещение, или зал, на продольной оси имеет выдолбленную в поперечной стене прямоугольную в плане нишу с таким же полукруглым добавлением. Справа от входа продольная стена имеет три ниши. Исследователь сооружения В. Минорский считает первую камином, а другие — очагами. Он также пишет, что подобные сооружения раньше считались остатками культа огня, «теперь же есть склонность зачислить их в область халдской (т. е. урартской.—К. О.) культуры»⁷¹ (рис. 52).

Затем, перед входом в этот памятник выдолблена в скале лестница, ведущая на устроенную над данным сооружением крышу, где имеется какое-то углубление, упоминаемое В. Минорским. Об этом углублении, как о месте, где стоял алтарь огня, говорит Е. И. Чириков, впервые описавший сенгирский памятник⁷².

Таким образом, сооружение в Сенгире, которое, согласно предположениям его исследователей, связано с культом и, возможно, даже с культом огня, оказывается аналогичным арин-бердскому. Примечательно предположение В. Минорского о том, что скальные сооружения района озера Урмия дело рук урартских мастеров. Что касается сенгирских сооружений, то он прямо указывает на известный баязетский пещерный памятник, как прототип для них, с чем, видимо, надо согласиться.

Храм из Арин-берда, где уже полностью оформилось закрытое помещение, дает возможность судить об одном из этапов формирования архитектуры храма огня. Здесь единая внутренняя архитектурно-пространственная композиция вбирает в себя камеру священного огня и место ритуала или жертвоприношений, которое в типах Сузского храма является открытым двором. Таким образом, теперь уже ахеменидский ритуал культовых жертвоприношений совершается не только на алтарях, установленных высоко в горах, как, например, у Персеполя или как до сих пор в горах над Тебризом, но и в храмовых зданиях. Причем эти храмы сооружались в виде отдельно стоящих построек или же возвышались в дворцовых комплексах (при дворце Хатре, Кух-и-ходжа в Сенстане и др.).

В то же время храмы огня типа сузского памятника продолжают свое историческое существование, сохраняя изначальную, т. е. древнюю, схему, как, например, храм Набагасеп, построенный в 33 г. до н. э. Впрочем, эту схему можно видеть и значительно позже в согдийских храмах Пянджикенда, которые так сходны с плановыми композициями знаменитых мечетей Средней Азии. В связи с этим нам кажется, что Андре Годар прав, когда на основе ранних мечетей Ирана делает предположение об их соответствии храмам огня, в которых михраб заменил собою алтарь огня⁷³.

⁷⁰ В. Минорский. Келяшн стела из Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера. «Записки Восточного отделения русского археологического общества», т. XXIV, вып. I—IV, Петроград, 1917.

⁷¹ Там же, стр. 190—193.

⁷² Там же, стр. 191.

⁷³ Андре Годар. Древние мечети Ирана. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Л. 1935.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Основными строительными материалами архитектурных построек Эребуни как урартской, так и ахеменидской эпох являются камень (туф, базальт), глина, балки, жерди, камыш, солома и др. Видимо, весь этот материал являлся местным, кроме привозного леса⁷⁴. Что касается камня, то его можно было найти здесь же, на холме Арин-берд, где находятся туфовые залежи. Неисчерпаемы запасы базальта на ближних подступах холма.

Камень. Базальт и туф употреблялись в одинаковой мере и часто в одной и той же кладке одновременно. Камень употреблялся для фундамента и цокольного ряда стен. Кроме грубо обработанного камня, в кладке сооружений обнаружен базальт в виде блоков чистой тески по фасадной своей плоскости (колонный зал-ападана) и туф такой же тески (Susi). Аналогичные блоки обнаружены на Кармир-блуре, где, однако, они использованы для верхних частей сооружения—карнизов.

Глина шла на изготовление растворов и кирпичей, из которых возводились все стены, как внутренние, так и наружные, укладывался пол и воздвигались арки. Для придания кирпичам большей прочности к глине примешивалась мелкорубленая солома, как это отмечено и для других урартских сооружений.

Кирпичи на Арин-берде применялись двух стандартов: прямоугольные, размером 32,3×47,4×12,5 см, и квадратные, размером 47,4×47,4×12,5 см.

Как показали основные и разведывательные раскопки, балки на строительстве цитадели Эребуни употреблялись в большом количестве главным образом для изготовления перекрытий, дверей, перемычек. Из дерева готовили также паркетный пол. Жерди и камыш шли на изготовление плоского деревянного перекрытия.

Строительные конструкции. Фундамент выкладывался из базальта и туфа смешанно, все пустоты между камнями заполнялись глиняным раствором, что превращало забутовку в сплошную массу. Фундамент у своего основания, насколько нам удалось выяснить, не имеет расширения (рис. 54). Это конструктивное усовершенствование стали применять лишь более поздние урартские строители Тейшебаини, которые учитывали малейший уклон местности и соответственно устраивали ступенчатый фундамент в сторону падения рельефа.

⁷⁴ К. Л. Оганесян. Архитектура Тейшебаини, стр. 80.

Рис. 57. Остатки арок в малом храме огня

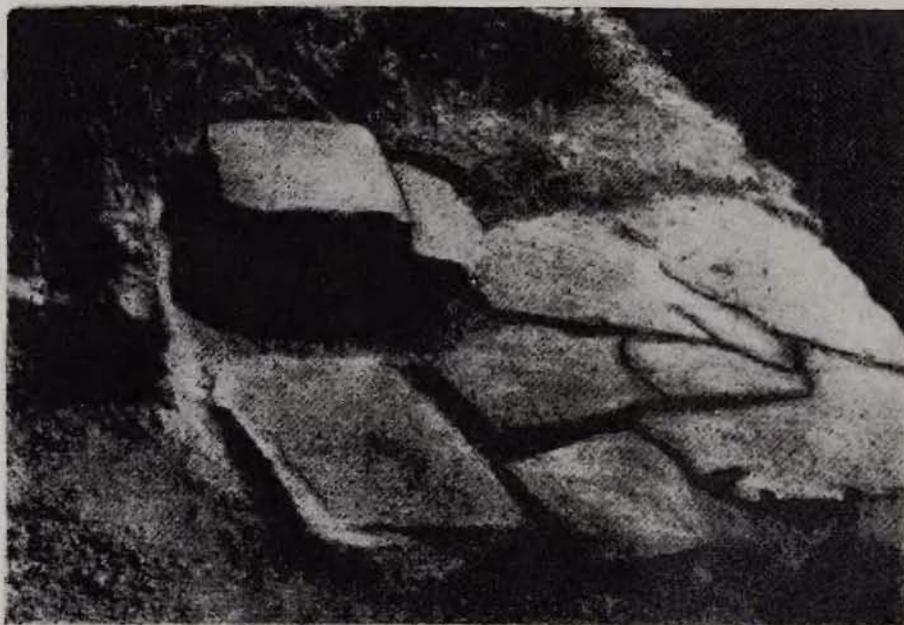

Рис. 58. Камень со ступенькой для подъема на жертвенник:

Цоколь большинства урартских сооружений, как и теперь на Арин-берде, является продолжением фундамента без угонения на поверхности, и поэтому они рассматриваются совместно. Цоколь большого храма, как и остальных урартских построек Арин-берда, отдаленно напоминает так называемую кладку «мидис». Раскопки дворца показали, что цокольный ряд здесь возвышается почти до высоты 3 м и практически превращается в каменную стену.

Совершенно отличается от приведенных примеров техника сооружения фундамента и цоколя храма Susi, в котором фундамент и цоколь представляют не только разграниченные между собой элементы, но и выложенные различным способом. Цоколь храма Susi воздвигнут на более широком фундаменте (обрез с каждой стороны—10 см), доходящем

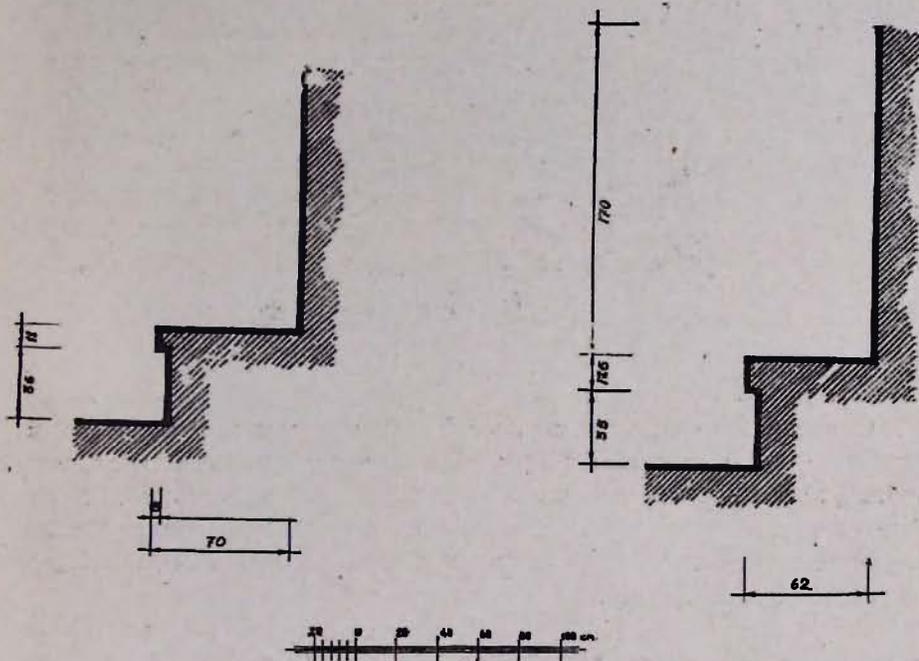

Рис. 59. Приступка колонного зала: урартская (А), ахеменидская (Б)

до уровня поверхности земли. Выложенный, далее, из камня (твердый туф) цоколь имеет блоки кубической формы или близко приближается к ним. В связи с этим можно отметить близкую связь между техникой сооружения цокольных рядов стен храма Susi и ряда других урартских сооружений, в том числе так называемого большого здания в Ташбуруне, раскопанного в 1893—1894 годах А. А. Ивановским. И там, в раскопанных им сооружениях, в кладке стен отмечено применение камней кубической формы (рис. 55).

Фундаменты укладывались так же для баз от деревянных колонн: как урартских, так и ахеменидских построек. Эти фундаменты устраива-

лись изолированно, в виде кубических камней, которые укреплялись по своему контуру более мелкими камнями. Встречаются и другие фундаменты под колонны в виде круглых баз, аккуратно вытесанных из твердого туфа и выступающих над уровнем пола. Для таких баз, обнаруженных в зале дворца, как и во многих местах Урарту, дополнительная основа не требовалась.

Стены. Стены выявленных в цитадели Арин-берда сооружений, как и всех остальных известных нам урартских сооружений, выкладывались из сырцового кирпича. Необходимость системы перевязки швов в кирпичной кладке стен предусматривала применение двух видов кирпичей — квадратных и прямоугольных. При этом правила перевязки соблюдались в продольном и поперечном направлениях; с этой целью лежащий выше слой кирпичей сдвигался на несколько сантиметров по продольной оси стены (рис. 56).

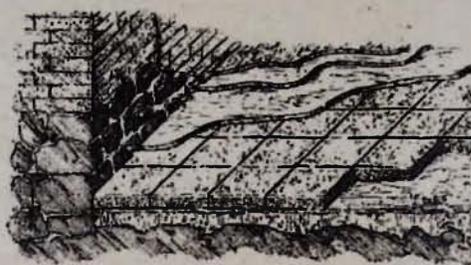

Рис. 60. Пол. Реконструкция

Обследование стен храма бога Халди и храма Susi показало, что кладка велась с лицевой стороны. Первым укладывался квадратный кирпич, затем в ряд клались шесть прямоугольных кирпичей. Второй ряд — в том же порядке, но теперь квадратный кирпич укладывался с обратной стороны. Этим приемом смещалось расположение кирпичей и достигалась перевязка швов в поперечном направлении.

После укладки каждого ряда кирпичей возводимая стена заливалась слоем (2—4 см) раствора глины красного цвета.

На Арин-берде обнаружено определенное различие между характерами кладки стен урартского и ахеменидского периодов. Так, урартская стена на высоте 3 м, а может быть и на большей высоте, поскольку верхняя часть в рассматриваемых местах не сохранилась, выложена из камня, и далее, как это обычно, — из сырца-кирпича. Ахеменидская же стена имеет цокольный ряд, состоящий из одного ряда базальтовых блоков чистой тески или же из каменной кладки на высоту всего 0,4—0,5 м. Выше стена выкладывается из сырца-кирпича. Таким образом, каменная часть в урартских стенах намного выше, чем в ахеменидских.

В этом смысле ахеменидская кладка стен больше приближается к кладке стен цитадели Кармир-блур или другой урартской цитадели, в селе Арагац, которая, видимо, также относится ко времени Кармир-блур, судя по одинаковым размерам их кирпичей.

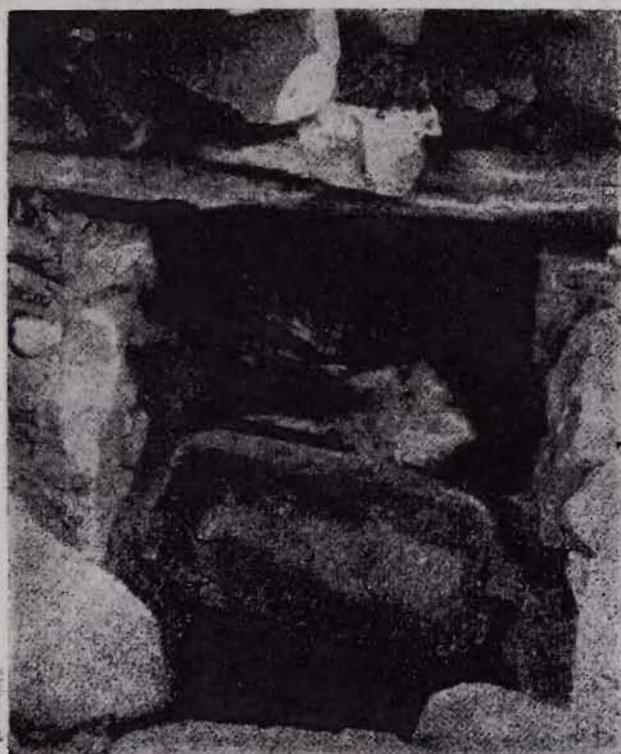
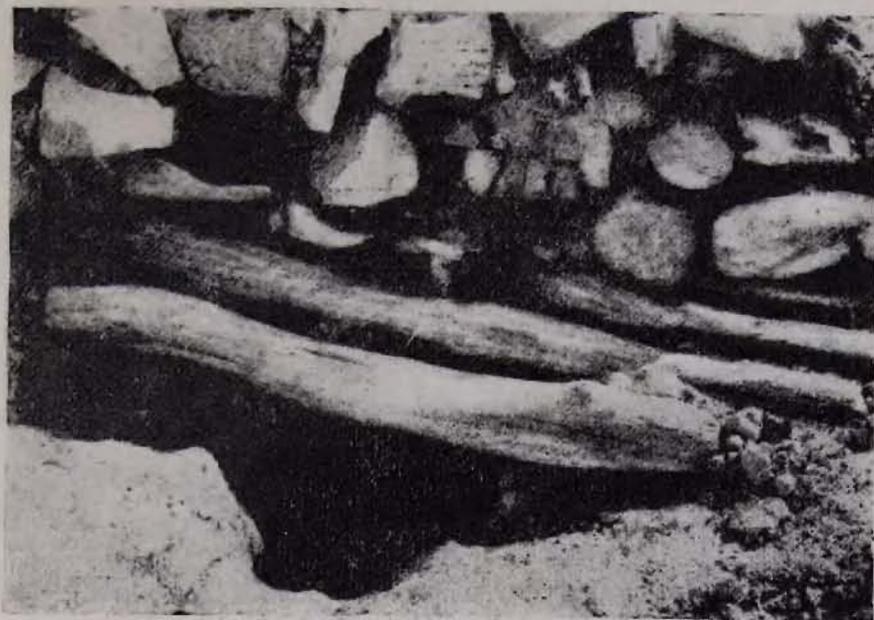

Рис. 61. Система перекрытия канала под стеной храма бога Халды

Рис. 62. Остатки трубопровода цитадели

Быть может, на систему рассматриваемой ахеменидской кладки стен повлияли строительные традиции, идущие от Урарту, или же здесь мы имеем работу местных мастеров. Участие в строительстве Эребуни иранских мастеров маловероятно, поскольку даже для своих построек в Иране ахемениды сами приглашали чужестранцев.

Рассмотренный нами среди ахеменидских построек Арин-берда большой храм огня имеет в перистильном дворе стены, совершенно отличные от всех остальных стен цитадели. Они сложены не из кирпича, как это обычно для всех остальных построек цитадели, а сооружены из глинобитной массы (рис. 49). Это уже иранская строительная традиция, сохранившаяся в стране вплоть до наших дней. И теперь в городах и селах Ирана мы наблюдали мастерски выложенные подобные стены высотой 6—8 м при минимальной толщине.

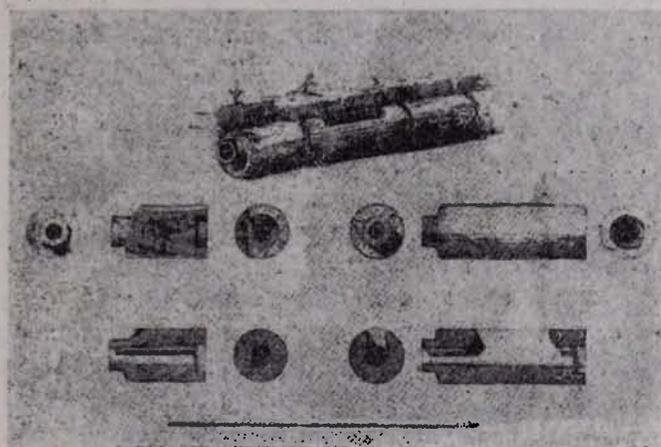

Рис. 63. Трубопровод цитадели

В конструктивном отношении выдающейся явилась арка, раскрытая на Арин-берде в малом храме огня. Наличие арок здесь зафиксировано в шести местах: в трех дверных проемах и в трех нишах. Арки дверных проемов свободно стоящие, в то время как в нишах они прижаты к стене (рис. 50).

Максимальные пролеты арок: в первом случае — 1,71 м (при ширине 0,7 м), а в другом случае — 1,2 м, во втором — 1,62 м (при ширине 0,42 м).

Толщина кирпичей колеблется от 6,5 до 8,3 см (рис. 57). Кирпичи укладывались на вязком растворе глины.

Во всех случаях поперечные отрезки выявленных арок поставлены вертикально, а не в виде косых отрезков, как это наблюдалось в подобных конструкциях Ассирии и Египта, в чем в данном случае, быть может, не было необходимости.

Арка дверного проема, соединяющая камеру с комнатой для сброса золы, достигала в толщину 1,26 м.

Пол. На цитадели Эребуни среди различных помещений только в зале храма бога Халди удалось установить конструкцию сохранившегося пола. Последний устроен на скальной основе, предварительно выровненной глиняной массой (8,6 см). На этой массе затем был выложен ряд кирпичей, поверх которых сделана двухслойная глиняная обмазка (первый слой — 3,7 см, второй — 2,7 см). На этой обмазке был устлан дощатый пол, состоящий из мелких кусков дерева, напоминающих современный паркет (рис. 60).

Значительно проще устроен пол в храме Susi: здесь пол представляет утрамбованный слой мелких кусков туфового камня, поверх которого сделана довольно тщательная глиняная обмазка.

Конструкции из дерева. Как показали раскопки в северной части цитадели Эребуни, дерево употреблялось в виде балок, горизонтально уложенных в кладку стены.

Дерево в виде кругляка со следами рубки топором, а не распиловки, обнаружено над каналом, выходящим из колонного зала за пределы крепости. Найденные здесь восемь бревен несли толстую стену (1,7 м). Весьма интересна в данном случае великолепная сохранность дерева, не потерявшего ни своего внешнего вида, ни прочности. Уложенные над каналом в VIII в. до н. э. бревна и в нынешнем своем состоянии оказываются вполне пригодным строительным материалом (рис. 61).

Как было сказано выше, дерево употреблялось также и для колонн, поддерживавших плоское перекрытие. На одном из фундаментов удалось выявить размер диаметра одной колонны, равный 43 см. Конструкция перекрытия отчетливо выявляется по остаткам балок, жердей и камыша, которые, как установлено раскопками Кармир-блур, являлись составной частью плоского земляного перекрытия урартских построек.

В одном из дверных проемов сохранились остатки деревянной, довольно толстой (12 см), двери, доски которой скреплены между собой шипами, подобно двери, найденной в цитадели Кармир-блур.

Штукатурка. Стены большого храмового комплекса и храма Susi как снаружи, так и внутри отштукатурены глиной с примесью мелкорубленной соломы, поверх которой в интерьере производилась толстым слоем побелка, являющаяся основой для росписи стен. Обычно ниже росписей стена выкрашивалась в один цвет — красный или синий. В частности, в синий цвет были выкрашены все помещения, реконструированные в ахеменидскую эпоху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как показали 10-летние систематические раскопки на Арин-берде, там выявляется грандиозный памятник древности, весьма значительный с точки зрения своей исторической жизни. Результаты этих раскопок широко открыли и осветили архитектурные ценности не только Урарту, но теперь уже и другого древнейшего государства Передней Азии — ахеменидского Ирана. Таким образом, еще в древности Арин-берд был узловым пунктом двух величайших культур.

Арин-берд, как показали раскопки, стал также важным памятником для урартской эпиграфики, поскольку здесь выявлено пять клинообразных надписей (не считая четырех повторных) урартских царей Аргишти и Сардури. Эти надписи оказались выдающимися как для выявления некоторых вопросов истории Урарту, так и в особенности его архитектуры. Прежде всего это касается клинообразной надписи Аргишти, по которой выявляется наименование и время основания данного города, теперь известного как Эребуни.

Весьма ценны и другие клинообразные надписи того же Аргишти, в которых мы встречаем архитектурные термины прежде неизвестных урартских архитектурных сооружений. К числу их относятся Ê-GAL, Susî и Agî. Хотя и до настоящего времени не удалось установить архитектурную сущность термина agî по его материальным остаткам, однако это удалось в отношении терминов Ê-GAL и Susî. Наряду с этим раскрыты здесь монументальные сооружения, как, например, храм бога Халди, перистильный двор и др., представляют архитектуру Урарту в новом освещении и в новой оценке среди архитектуры стран древнего Востока, чему особенно способствуют также обнаруженные здесь архитектурные росписи, открывшие новую страницу в истории искусств Урарту.

Все эти памятники составляют единый комплекс, в котором проявлены довольно явные черты ансамблевых начал и монументализм в сочетании с вертикальной динамикой легких деревянных колонн.

Последующая ахеменидская эпоха Арин-берда оказалась важной для выявления архитектурно-строительной культуры Армении периода становления ее государственности. Эта архитектура оказалась также важной и для самой истории ахеменидского зодчества, которая пополнилась новыми страницами. Среди выявленных здесь ападаны, храма огня типа сузского памятника интересным является малый храм огня, план которого, пространственное построение и ниши с арками весьма примечательны для ахеменидского зодчества и во многом новы для него.

Раскопки на Арин-берде оказались весьма примечательными и для начального этапа исторической жизни столицы Советской Армении—города Еревана. Согласно надписям Аргишти, установлена дата основания города — 782 год до н. э. Это означает, что в 1968 году Ереван будет насчитывать 2750 лет со дня своего основания.

И, наконец, что также примечательно, до наших дней дошли остатки первых величественных монументальных построек Эребуни, говорящие о том, что город уже ко времени своего основания имел богатую архитектуру с роскошными росписями и был основан для «могущества страны Биайны»—выдающегося государства древнего Востока.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Клинопись Аргишти, сына Менуа, об основании города Эребуни
2. Общий вид раскопок Арин-берда.
3. Общий план цитадели.
4. План дворца (É-GAL).
5. Вход во дворец с клинописью Аргишти, сына Менуа.
6. Дворец. Северо-восточная стена перистильного двора.
7. Дворец. Северо-западная часть перистильного двора.
8. Обмер стен центральной части дворца.
9. Обмер стен центральной части дворца.
10. Дворец. Реконструкция перистильного двора.
11. Храм Susi. Главный фасад.
12. Храм Susi. План (обмер).
13. Храм Susi. План. Реконструкция.
14. Храм Susi. Интерьер.
15. Дворец. Вход в залу с росписями.
16. Дворец. Северо-восточная стена зала с росписями.
17. Дворец. Ниша для жертвенника.
18. Дворец. Комната с карасами.
19. Дворец. Колонный зал.
20. Дворец. Хозяйственные комнаты.
21. Дворец. Карасная комната.
22. Карас с клинописью из комнаты южной части цитадели.
23. Храм бога Халди. Остатки портика.
24. Храм бога Халди. Южный фасад.
- 25а. Храм бога Халди. План (обмер).
- 25б. Храм бога Халди. План. Реконструкция.
26. Храм бога Халди. Обмер южной стены.
27. Храм бога Халди. Реконструкция.
28. Храм бога Халди. Росписи розеток в шахматном расположении. Реконструкция.
29. Храм бога Халди. Росписи розеток в шахматном расположении. Пропорциональное построение.
30. Храм бога Халди. Роспись фриза. Реконструкция.
31. Храм бога Халди. Роспись фриза. Реконструкция.
32. Храм бога Халди. Бог стоящий на льве.
33. Дворец. Фрагмент росписи стен большого зала.
34. Дворец. Фрагмент пальметки.
35. Дворец. Древо жизни со служителем культа.
36. Дворец. Фрагмент коленопреклонного быка.
37. Дворец. Гирлянды. Роспись.
38. Дворец. Роспись стен большого зала. Реконструкция.

39. Ападана. Общий вид.
- 40а. Ападана. План (обмер).
- 40б. Ападана. План. Реконструкция.
41. Ападана. Фасадная стена.
42. Ападана. Обмер стен.
43. Ападана. Жертвенник.
44. Ападана. Северо-восточный угол.
45. Ападана. Реконструкция.
46. Храм огня. План.
47. Сузы. Храм огня. План.
48. Храм огня. Внешняя стена камеры (Sus1).
49. Храм огня. Наружная стена двора с контрфорсами.
50. Малый храм огня. Зал с нишами.
- 51/52. Малый храм огня. План.
53. Малый храм огня. Реконструкция зала.
54. Фундамент стен.
55. Камни кубической формы стен Sus1.
56. Система кладки кирпичной стены.
57. Остатки арок в малом храме огня.
58. Камень со ступенькой для подъема на жертвенник.
59. Приступка колонного зала: урартская (А), ахеменидская (Б).
60. Пол. Реконструкция.
- 61а и б. Система перекрытия канала под стеной храма бога Халди.
62. Остатки трубопровода цитадели.
63. Трубопровод цитадели.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Общее описание цитадели	15
Дворец (Ê-GAL)	24
Храм бога Халди	51
Архитектурная роспись	58
Архитектура Эребуни раннеармянского времени	75
Ападана	78
Большой храм огня	88
Малый храм огня	97
Строительная техника	103
Заключение	111
Список иллюстраций	113

Константин Левонович Оганесян

АРИН-БЕРД

Архитектура Эребуни

По материалам раскопок 1950—1959 годов

Переплет художника Р. А. Арутюняна
Фотоснимки А. А. Вруйра

Редактор издательства А. Г. Слкунни
Техн. редактор М. А. Каплянян
Корректор С. М. Даниелян

ВФ 00654. Заказ 309. РИСО 619. Изд. № 1844. Тираж 500.

Сдано в набор 24/XI 1960 г. Подписано к печати 19/X 1961 г. Бумага 70 × 108 ¹/₁₆.
Печ. л. 7,25 + 3 вкл. Уч.-изд. л. 7,73. Цена с переплетом 72 коп.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР, Ереван, Барекамутян, 24

